

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 40 ОКТЯБРЬ 1981

Микрорайон назвали «Юность».

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

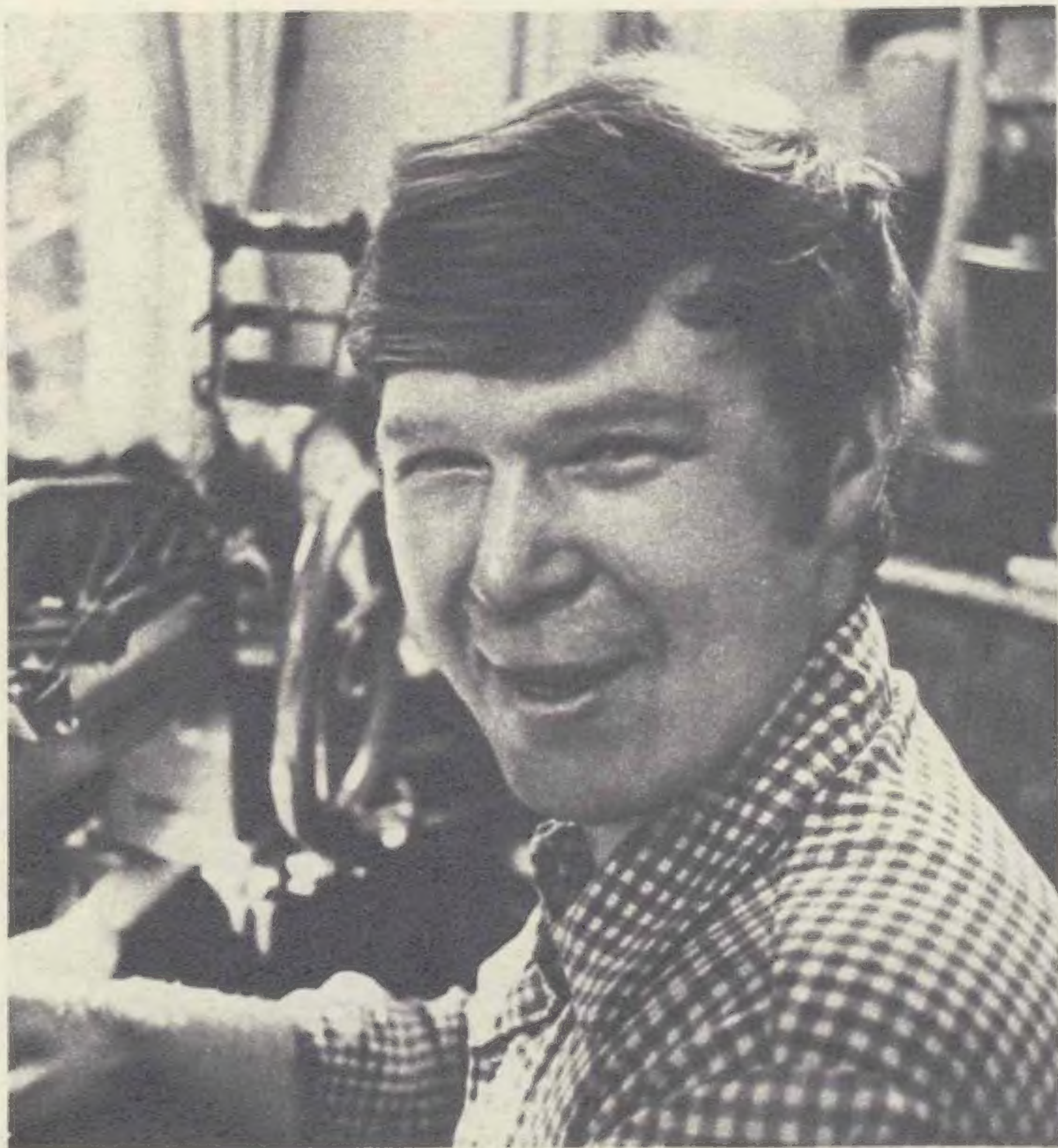
Основан
1 апреля
1923 года

№ 40 (2829)
3 ОКТЯБРЯ 1981

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», «Огонёк», 1981

Депутат райсовета Александр Александрович Садыков — классный обувщик.

Депутат Верховного Совета РСФСР Зинаида Ивановна Крылова — бригадир отделочников.

Председатель Валерий Федорович Рогачев ведет заседание исполкома.

Память потомков вечно...

ПРАВО НА СЧАСТЬЕ

7 ОКТЯБРЯ —
ДЕНЬ КОНСТИТУЦИИ
СССР

Николай БЫКОВ,
фото Алексея ГОСТЕВА,
специальные
корреспонденты
«Огонька»

Город Калинин встречает и провожает странницу Волгу в далекий — через Россию — путь. Осенняя река медлительна, цвета журавлиного крыла. Последние рейсы прогулочного флота; речники отводят «Ракеты» в затон. Скоро ледостав. И тогда отдохнет верхняя Волга. Но темп жизни на ее берегах, в ее старом мобильном городе не замедлится, конечно же, ни на один день. К октябрьским торжествам высвободят мостостроители от лесов еще один красавец мост, и еще быстрее побегут тогда, не зная заторов, автомашины над рекой. За Волгой — Заволжский район. Самый большой в городе.

— Город в городе! — не без гордости уточняет Валерий Федорович Рогачев, председатель исполкома Заволжского районного Совета народных депутатов.

Более шести тысяч гектаров, более ста десяти тысяч жителей — действительно, чем не город! Валерий Федорович напоминает, глядя на приземистые, аккуратные избушки, припрятанные в яблоневых да рябиновых садах: за Волгой издавна селился трудовой люд в отличие от купечества и дворянства, традиционно остававшихся на правом — тверском — берегу. Но Заволжский район бурно строится, по-современному, с размахом и не отказывая себе в удобствах; кто-то даже так сказал: «Фешенебельный!» Новое поколение калининцев планирует город на вырост. Иначе нельзя — Заволжский район заводской, здесь живут вагоностроители, стекольщики, домостроители, рабочие «Центросвар», их семьи, их дети — будущее Калинина; это все люди работающие, но и требовательные. «С потребностями на вырост! Как и город», — поясняет председатель.

Иллюстрация к этим словам и трогательна и красноречива: к легендарному танку «Т-34» один за другим подъезжают легковые автомобили, увитые гирляндами осеннему ярких цветов. Молодожены постоят-постоят у холодной брони, помолчат минуту-две, оставят по белой хризантеме на гра-

Продолжение
см. на стр. 4.

ВРУЧЕНИЕ НАГРАДЫ ТОВАРИЩУ К. У.

Во время награждения.
Фото В. Мусазьяна
и Э. Песога (ТАСС)

Выступление Л. И. БРЕЖНЕВА

Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев вручил 24 сентября в Кремле орден Ленина и вторую золотую медаль «Серп и Молот» Героя Социалистического Труда члену Политбюро ЦК КПСС, секретарю ЦК КПСС К. У. Черненко.

На церемонии вручения награды были товарищи М. С. Горбачев, В. В. Гришин, М. А. Суслов, Н. А. Тихонов, Д. Ф. Устинов, Б. Н. Пономарев, М. С. Соломенцев, И. В. Капитонов, В. И. Долгих, М. В. Зимяннин, К. В. Русаков.

Присутствовали также члены ЦК КПСС А. М. Александров, А. К. Антонов, И. В. Архипов, К. М. Боголюбов, И. И. Бодюл, Б. П. Бугаев, В. Э. Дымшиц, Л. М. Замятин, К. Ф. Катушев, В. Н. Макеев, Н. В. Мартынов, З. Н. Нуриев, Г. С. Павлов, О. Б. Рахманин, Л. В. Смирнов, М. С. Смиртюков, Н. В. Талызин, С. К. Цвигун, Г. Э. Цуканов, кандидат в члены ЦК КПСС М. П. Георгадзе, члены Центральной ревизионной комиссии КПСС С. А. Лосев, А. И. Лукьянов, Б. П. Яковлев, а также заместитель управляющего делами ЦК КПСС М. Е. Могилевец.

При вручении награды выступил тов. Л. И. Брежнев.

Дорогой Константин Устинович!

Горячо, от всей души поздравляю тебя, видного деятеля нашей партии и государства, с семидесятилетием и награждением орденом Ленина и второй золотой медалью «Серп и Молот».

Это — заслуженное признание твоих выдающихся заслуг перед нашей Коммунистической партией и Советским государством.

Пятьдесят лет назад тебя приняли в партию. И все эти годы ты показываешь пример беззаветного служения нашему общему коммунистическому делу. По воле партии мне довелось многие годы трудиться вместе с тобой на ответственных участках партийной и государственной работы.

И все мы хорошо знаем и ценим твою чуткость и отзывчивость, беспредельную самоотверженность в работе. Я не помню случая, чтобы ты о чем-либо забыл, даже если речь шла на первый взгляд о вещах не очень значительных.

Человек ты, конечно, беспокойный. Но это хорошее беспокойство, когда постоянно думаешь, как можно сделать больше и лучше для страны, для трудящихся. Таким и должен быть коммунист.

Я знаю, ты не любишь пустых слов. На высоком посту члена Политбюро ЦК и секретаря ЦК КПСС ты привносишь во все, что тебе поручает партия, деловитость, четкость, соединенные с творческим, смелым подходом. Это тоже черта коммунистическая.

Уверен, что ты, Константин Устинович, и дальше будешь работать с такой же активностью, энергией и горением.

Все мы, Константин Устинович, твои друзья, желаем тебе крепкого здоровья, новых больших успехов в ответственной деятельности, очень нужной для партии и для страны.

Разрешите зачитать Указ Президиума Верховного Совета СССР.

«За большие заслуги перед Коммунистической партией и Советским государством и в связи с семидесятилетием со дня рождения наградить члена Политбюро ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС, Героя Социалистического Труда т. Черненко Константина Устиновича орденом Ленина и второй золотой медалью «Серп и Молот» и установить бюст на родине Героя».

С ответным словом выступил тов. К. У. Черненко.

Выступление К. У.

Дорогой Леонид Ильич!

Дорогие товарищи!

В этот волнующий, торжественный момент моей жизни хочу прежде всего искренне, от души поблагодарить Центральный Комитет партии, Политбюро, Президиум Верховного Совета СССР, Вас, дорогой Леонид Ильич, за внимание ко мне, за столь высокую оценку моего скромного труда.

Леонид Ильич, Вы в своем выступлении упомянули о нашей совместной работе. Спасибо Вам за добрую память.

Что касается меня, то годы нашей совместной работы я считаю самыми счастливыми, самыми яркими и плодотворными в моей жизни.

Совместная работа с Вами — это великая школа жизни, школа мудрости и партийности в самом высоком понимании этих слов.

В практической работе мне, как и каждому, очевидно, приходилось сталкиваться с задачами, когда надо находить нестандартные решения. И тогда верным компасом для меня служили ленинская теория, ленинские принципы партийности, думы людей и их чаяния, опыт, накопленный партией на ее славном пути. К тому же я всегда чувствовал надежное плечо товарищей по партии и Вашу постоянную поддержку, Леонид Ильич.

Вот почему я отношу эту высокую награду и добрые слова, сказанные в мой адрес, Центрально-

ЧЕРНЕНКО

му Комитету нашей партии, его Политбюро.

Особую торжественность этому моменту вручения мне наград придает и то, что я их получаю лично из Ваших рук, Леонид Ильич, из рук выдающегося продолжателя ленинского дела, великого труженика и великого борца за благо народа, за мир на нашей планете. Участвовать в этой Вашей человеколюбивой деятельности — это для меня и долг, и честь, и призвание.

Я счастлив, что могу непосредственно видеть и участвовать в огромной работе по претворению в жизнь решений XXVI съезда КПСС, проводимой Политбюро ЦК.

У меня нет иного желания, чем отдать все силы без остатка служению коммунистическим идеалам, за которые с таким умением и вдохновением борются наша партия, наш народ.

Принимая награду, я заверяю Вас, Леонид Ильич, всех товарищей и друзей, что и впредь буду стараться оправдывать высочайшее доверие партии, ее Центрального Комитета.

Спасибо вам, товарищи.

Руководители Коммунистической партии и Советского государства сердечно поздравили товарища К. У. Черненко с высокой наградой. Они пожелали ему доброго здоровья, дальнейших успехов в его деятельности на благо советского народа и социалистической Родины.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

XXXVI сессия Генеральной Ассамблеи ООН в первые же две недели работы стала очевидцем бесцеремонной и оскорбительной для народов попытки отстранить Организацию Объединенных Наций от решения проблем сохранения мира и безопасности. Хотя в Уставе ООН перед этой международной организацией выдвинута наиглавнейшая задача «избавить грядущие поколения от бедствий войны», глава делегации США полностью игнорировал эту тему, следуя, по-видимому, концепции администрации Р. Рейгана, согласно которой в сферу ответственности ООН не входят проблемы войны и мира. В речи государственного секретаря А. Хейга — ведь это ему принадлежит фраза, что есть вещи поважнее, чем мир, — напрасно было бы искать хоть одно слово о разоружении или ограничении гонки вооружений, если не считать мимоходного замечания о том, что международное сообщество, дескать, «переоценивает благоприятные последствия переговоров об ОСВ».

Те американские обозреватели, которые стремятся представить речь государственного секретаря как «весьма умеренную», забывают, что в самый канун XXXVI сессии вашингтонские руководители, взвинчивая милитаристскую истерию, выступили с целой серией резко враждебных социалистическим странам и делу мира провокационных выпадов и фальшивок.

И главное, дело не ограничивается одними речами. Курс администрации Р. Рейгана на обеспечение непрощеного «американского руководства» миром характеризуется дальнейшим взвинчиванием гонки вооружений; открытой претензией на военное превосходство над Советским Союзом; созданием широкой сети военных баз и размещением американских войск на чужих территориях; подрывом выработанных ранее в результате огромных усилий основ советско-американских отношений; нажимом на другие государства, особенно в Европе, в целях свертывания их политических и торгово-экономических связей со странами социализма; пронизанной клеветой пропагандой в отношении стран, стоящих на миролюбивых позициях, отвергающих претензии кого бы то ни было на руководство миром.

Этой бесперспективной и авантюристической политике Советский Союз неизменно противопоставляет ленинскую миролюбивую политику, органическим элементом которой является поиск взаимоприемлемых решений спорных проблем на основе строгого соблюдения принципа равенства и одинаковой безопасности.

С трибуны Генеральной Ассамблеи ООН член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко заявил, что Советский Союз не ищет противоборства с США. «Наша страна, — подчеркнул А. А. Громыко, — не стремилась и не стремится к военному превосходству... Но мы не допустим, чтобы превосходство над нами получили другие. На любой вызов, разумеется, нами будет дан должный ответ с тем, чтобы равновесие сил было сохранено». На законные интересы других мы не покушаемся, но и своими законными интересами, в том числе своими союзническими обязательствами, мы не поступимся.

Делегаты Ассамблеи с большим воодушевлением встретили приведенные в выступлении советского министра иностранных дел слова Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева: «Отстоять мир — нет сейчас более важной задачи в международном плане для нашей партии, нашего народа, да и для всех народов планеты».

Отстаивая мир, мы работаем не только для ныне живущих людей, не только для наших детей и внуков; мы работаем для счастья десятков будущих поколений».

Именно этой гуманной цели служит предложение СССР включить в повестку дня сессии вопрос: «Предотвратить ядерную катастрофу. Декларация Генеральной Ассамблеи ООН».

Проект декларации торжественно провозглашает, что государства и государственные деятели, которые первыми бы прибегнули к использованию ядерного оружия, совершили бы тягчайшее преступление против человечества.

Нелишне напомнить, что нынешняя администрация США пытается убедить американский народ и своих европейских союзников, будто ядерная война может носить «ограниченный» характер, иными словами, может стать «приемлемым вариантом». Подобные доктрины «допустимости ядерного конфликта», равно как и уверения Белого дома насчет «искреннего стремления» к переговорам с СССР по ядерным вооружениям, рассчитаны на то, чтобы парализовать волю народов к борьбе против военной опасности, сбить в Западной Европе волну выступлений против размещения новых американских крылатых ракет и ракет «Першинг-2».

В Европе, однако, растет понимание того, что методы, применяемые нынешней администрацией США в международных делах, представляют угрозу и для союзников Соединенных Штатов — заложников ядерной стратегии Пентагона.

Да и в самих Соединенных Штатах медовый месяц в отношениях между Белым домом, конгрессом и большим бизнесом подошел к концу. Американцы начинают осознавать, что администрация Рейгана ведет дело к катастрофе. Опрос общественного мнения, проведенный в сентябре еженедельником «Ньюсуик», показал, что 86 процентов опрошенных американцев полагают, что в случае термоядерного конфликта их шансы выжить «будут весьма незначительными».

Своей экономической политикой безжалостного сокращения ассигнований на социальные нужды и безудержного раздувания военных расходов, которые в ближайшие пять лет достигнут полутора триллионов долларов, республиканская администрация оттолкнула от себя миллионы американских избирателей. Массовая сентябрьская демонстрация протеста в Вашингтоне с участием почти 500 тысяч американцев, как отмечала газета «Бостон глоб», явилась «демонстративным осуждением экономического и внешнеполитического курса президента». «Американцы вышли на улицу, — указывает другая буржуазная газета, «Ньюсдей», — потому что они убеждены, что своей политикой президент Рейган ведет экономику страны к краху». По мнению «Вашингтон пост», эта демонстрация может послужить толчком к созданию «самой мощной со времен борьбы за гражданские права и против войны во Вьетнаме коалиции рядовых американцев». Это поучительный урок того, как опасно переоценивать возможности американского империализма и недооценивать возможности социалистических государств, национально-освободительного движения, всех, кому дороги мир и национальная независимость.

Нынешнее опасное обострение международной напряженности можно преодолеть при условии, что ни одна страна не останется в стороне от решения этой жизненно важной задачи.

Начало
см. на 2-й стр. обложки.

ните под гусеницами и уезжают навстречу совершенно новому дню. Многим дням. Они приезжают к танку на пьедестале по наивной потребности ритуала с безмолвной клятвой беречь чистоту человеческих отношений. У молодых нынче много прав. Собственно, вся их жизнь — это сплошь осуществляемые права: и на труд, и на учение, и на отдых. Но они едут к танку с нетерпением убедиться в еще одном неотъемлемом их праве — праве на счастье. Право на счастье — закон жизни, отвоеванной дедами в поединке с фашизмом, с чужой бесчеловечностью...

Наверное, поэтому Валерий Федорович на вопрос, в чем он видит главное в работе Совета народных депутатов, сразу ответил: «Служение жителям района. Каждому жителю — персонально!»

За неполный год Валерий Федорович только в часы приема по личным вопросам пережил — много слова он и сам не подобрал — более девяти сот встреч лицом к лицу. Более девяти сот исповедей! Более девяти сот вторжений в личную жизнь, в обстоятельства жизни тех жителей, которые решились пойти в исполком, к его председателю. И миссия председателя именно в этом аспекте его многогранной деятельности очень и очень нелегкая.

— Так вот, я сам не забываю и своим товарищам по исполкому не позволяю забыть, что мы избраны сотысячным населением для служения каждому, кто живет или собирается жить в Заволжье. И ни для чего другого...

Валерий Федорович по профессии инженер-конструктор, но близко знаком и с комсомольской и партийной работой. С юных лет он был в народе, с народом — говоря, конечно, условно, потому что сейчас же сам оговорился: «Собственно, что значит народ? Это все мы и есть, все индивидуальности в совокупности, все личности в едином целом». И все же то, что он, студент, конструктор, руководитель завода, работник обкома партии, а теперь вот и председатель исполкома райсовета, был всегда «в народе», это как-то подчеркнуть надо, потому что Валерий Федорович знает, с чем и в каких ситуациях идут люди к нему на прием. Он когда-то и сам был рядовым жителем, избиравшим на выборах представителей власти. Теперь вот избран он, Рогачев; и он мобилизовал весь собственный житейский опыт, все свое сознание, чтобы оставаться достойным акта избрания.

— Помните, как Маяковский по о лья писал: он теперь не царь зерь, просто председатель!..

«Просто» председатель Рогачев, «просто» умный и обаятельный человек редко бывает в своем кабинете, он все время на стройках, на улицах, где тянут с ремонтом, в яслях или в школе. Гордостью заволжан является микро-

район «Юность». Прекрасные дома, детские учреждения, девять тысяч жителей... Прообраз города в городе — совсем близкое будущее Заволжского района.

— Были в детском саду? Обязательно зайдите, хотя бы ради интерьера...

— Были в новой школе? Обязательно зайдите, школа экспериментальная, единственная в стране!..

— Были на ДСК? Были на «Центросварке»? Сплошь автоматика! А наши вагоностроители! Гордость страны, шестьдесят процентов вагонов — наших рук дело... Загляните в заводской профилакторий — уходить не захотите!..

И на вагоностроительном побывали и в домостроительном комбинате, где делают квартиры и комплекты для их отделки; побывали и в экспериментальной школе оригинальнейшей архитектуры, точнее — конструкции; и в тихом профилактории вагоностроителей. Были, убедились: правами на труд, на образование, на отдых все три поколения заволжан пользуются в полной мере. И еще отметили, что все жители — горячие патриоты города: «Что ни человек тут — личность! Историю государства нашего тут, на этой земле, творили». В самом деле, успевай только записывать: легендарный Афанасий Никитин, ходивший в Индию, всероссийский староста Михаил Калинин, комсомолец — героиня войны Паша Савельева, конструктор Андрей Туполев, космонавт Олег Макаров...

— Теперь понятна наша ответственность перед каждым жителем? Даже перед только что появившимся на свет! — восклицает, словно радуясь нелегкой своей миссии, Валерий Федорович. Он явно намекает на безусловную ценность каждого человека, когда бы он ни родился и как бы ни сложилась его жизнь. Что ни день, спрос с тех, кто избран на служение народу, растет.

— Никогда требования трудящегося человека не воспринимала как каприз, — объясняет свою позицию председатель. — Строим немало, а жилья не хватает. Сносим старое, но снос — роскошь. Недавно вот снесли девять домиков, и пришлось подписать сорок шесть ордеров на вселение! Идем на это, хотя возможности наши довольно ограничены. Но, бывает, задают задачу и посложнее: на снос, мол, согласен, но ищите мне дом не хуже, чтобы все, как я привык... Ищем. Человеку, особенно дважды ветерану — войны и труда — не откажешь.

Да, право на счастье — понятие столь же конкретное, сколь и растяжимое, во всяком случае, это право не привилегия только молодых. В праве на счастье отказывать нельзя никому. Например, встречаются такие anomalies в быстротекущей нашей жизни, как любовь и брак несовершеннолетних. Редко, но встречаются — жизнь подчас не считается с регламентацией. И тогда люди со своей нуждой идут в райсовет. И тогда исполком рассматривает, например, просьбу о снижении брачного возраста, серьезно выслушивая доводы молодых. При мне таким «раннеспелым» исполком в счастье не отказал. Надо было видеть лица, глаза новоявленных Ромео и Джульетты!..

Народные депутаты ничем не отличаются от своих избирателей, живут с ними одной жизнью, познают ее и в радостях, и в бедах, и в нужде, а вот общественное самосознание взыскует с них строго. И тут от народного депутата ожидают проявления особых человеческих качеств. Не только личной заинтересованности в судьбе просителя, или обиженного, или нуждающегося, но и — терпения, личного времени, последовательности и принципиальности. Помочь надо всем, и шагнуть навстречу надо любому человеку: пенсионер ли он, раскаявшийся ли преступник, или до того скромный человек, что за него похлопотать не грех перед инстанциями. Такими депутатами в Заволжском районе являются бригадир-строитель Зинаида Изюнова Крылова, инструментальщик Лев Павлович Коровицын, ткачиха с завода стеклолока Валентина Анатольевна Атаева, слесарь-жестянщик Яков Михайлович Овчинников из ПМК-1254, классный шлифовальщик с вагоностроительного Евгений Андреевич Абросимов, обувщик Александр Александрович Садыков... Их более двухсот, народных депутатов Заволжского районного Совета, активных строителей жизни города в городе, дотошных и беспокойных помощников исполкома и его председателя Валерия Федоровича Рогачева. Председатель поморщился: не любит выпиренных характеристик. «Помощники — это, конечно, так. Но они же и требовательные представители тех, кто день за днем стоит у станков, возводит дома, кто учится и учит, кто лечит, шьет, перевозит грузы, водит автобусы и троллейбусы...»

Хорошо сказал председатель: хоодоки-ходатаи. Таковы в основном функции народного депутата. Если только в нем не ошиблись избиратели. Избиратели Заволжского района не ошиблись ни в Крыловой, ни в Овчинникове, ни в Атаевой, ни в Коровицыне. Нет такого изъяна в жизни района, нет такого человека с нуждой, мимо которых прошел бы Лев Павлович Коровицын. Ему до всего дело! Как Якову Михайловичу Овчинникову. О них, да и о других депутатах с любовью и признательностью рассказывала секретарь исполкома Лидия Михайловна Прасолова. А груз депутаты несут немалый. Многие из них возглавляют нештатные отделы райсовета или входят в депутатские комиссии. Ведь не существует в районном Совете ни отдела торговли или отдела бытового обслуживания, ни отдела по работе (долгосрочной, строго индивидуальной возне!) с «трудными» подростками. Но есть и помогают жить буквально тысячам людей возглавленные депутатами уличные советы, и народные контролеры, родительский комитет, совет по благоустройству, по торговле... Заботы депутатские — это и качество банно-прачечного обслуживания, и оформление пенсионных документов, и сознательный выбор профессии молодежью, и выполнение наказов избирателей, и меры по борьбе с правонарушениями. И даже по борьбе с курением! И снижение производственного травматизма, и организация подсобных сельскохозяйственных предприятий... Конечно, в развитии подобных форм социальной самодеятельности ни-

чего нового нет. Но в этом районе самодеятельность подобного рода заряжена энтузиазмом, наполнена поучительным содержанием.

Например, микрорайон воздвигли, а поликлиника не запланирована. То есть налицо отставание базы минздрава от роста жилого фонда. Депутаты настояли, чтобы исполком за счет квартир на первом этаже одного из корпусов построил и оборудовал поликлинику. Так и делают сейчас. Не планируются магазины — нет их в проекте. И депутаты заранее настояли, чтобы исполком организовал «шапку по кругу» среди мощных предприятий — и магазины открыты. Или будут открыты. Новая школа есть, а дороги к ней нет. Не предусмотрена проектом. И вот Рогачев уговаривает общественников прорубить в стихийном мелкоколесье и залить асфальтом «микропроспект» для школьников...

Средств у исполкома не густо. А нужда и в деньгах и в строительных материалах — величина постоянная. Чтобы отремонтировать улицу или переулок — подсыпать гравий, щебень, песок, снивелировать и проутюжить асфальтовым катком, — нужна кругленькая сумма, не менее восьмидесяти тысяч рублей. Советская власть в лице райисполкома мобилизует десятки тысяч рублей среди промышленных предприятий. «Власть наша неограниченная», — не устает повторять председатель, рассказывая, каковы источники «общественного финансирования» самых разных, подчас неотложных мероприятий, сопровождающих жизнь одного из городских районов Калинин. Во многом помогает энтузиазм районных активистов. Так, жители микрорайона «Юность» при вспомоществовании вагоностроительного завода организовали интерьер Комсомольского лесопарка, ухаживают за своим роскошным зеленым детищем. Нет городской окраины — есть парк! Парк с прекрасными дорожками, оригинальными скамьями и столиками; есть тропы для пешеходов и тропинки для любителей бега, а в разных местах сооружены десятка полтора спортивных снарядов и площадок для различных игр: бревна, бруссы, трапеции, турники... «Дожали!» — говорит в подобных случаях В. Ф. Рогачев. Это энергичное слово свидетельствует, что исполком и депутаты стараются сократить разрыв между самыми благими намерениями и воплощением в жизнь наказов избирателей. Вот открыли необычайно интересно задуманную школу точно 1 сентября — «дожали!». Ибо пришлось председателю лично контролировать «объект» и провести пять заседаний-встреч со строителями и строительной комиссией народных депутатов. «Дожали». И вдруг удар с соседней стройплощадки: второй такой школы не будет. Стройку отложили, сняли с районного бюджета — как срезали. Катастрофа? Нет, считает Валерий Федорович. Новая борьба за право жить полноценной жизнью. Он говорит: «Нет места пессимизму. Будем воевать, доказывать, отстаивать свои интересы — интересы жителей района». Они такие, народные избранники. Им отваги и настойчивости не занимать...

ДЕРЕВНЯ ОКНАМИ В БУДУЩЕЕ

**А. ПОПОВ,
фото Г. РОЗОВА,
специальные
корреспонденты
«Огонька»**

Два года назад в подмосковном совхозе «Борец» решили организовать сельский жилищно-строительный кооператив и возвести на окраине Подосинок — центральной усадьбы хозяйства — совсем новую деревню. Прошло время. К концу нынешнего лета Новые Подосинки справляли новоселье.

...Утром в деревне петушиная переключка была особенно оживленной и бойкой.

— Вёдро напоют, — сказала Александра Васильевна, собирая мужа на работу.

Хозяин дома, Алексей Михайлович Гребенников, задержался у вешалки. Подумал и снял с крючка плащ. Пастуху теплая одежда никогда не помешает. Мало ли что там напоют петухи... А сентябрьское утро выдалось холодное.

— Неделя бабьего лета не помешает, — ответил он жене с порога. — Я бы еще сена поднакосил. Отава после дождей хорошо пошла.

Жена согласилась: пуд-другой сена лишним не будет. Кто-то, а она хорошо знает, сколько корма нужно корове на зиму. Александра Васильевна работает в совхозе дояркой.

Муж и жена вместе вышли на улицу. Алексей Михайлович ушел на ферму. Александра Васильевна (она была в отпуске) занялась хозяйством: надо было подоить корову, накормить кур, поросят.

Гребенниковы переехали в совхоз «Борец» три года назад. Тогда им выделили квартиру в пятиэтажном доме. Александра Васильевна и Алексей Михайлович родились и выросли в деревне. Без приусадебного участка и скота на дворе жизнь в селе не представляют. Пробовали обзавестись подсобным хозяйством и на новом месте. Но скоро поняли, что корову придется продать. Не с руки получалось бегать с ведрами с пятого этажа в сарайку и обратно. Опять же капусту посадить, морковку посеять приходилось отправляться далеко в поле, где выделили участок. Соберешь урожай — хранить негде, погреба нет. Пришлось зажить как в городе: от подворья отказаться, за овощами на рынок ездить.

Прошлой весной семья Гребенниковых снова купила корову, пару поросят.

— Тогда нам стало ясно, что к концу лета мы переедем в Новые Подосинки, — рассказывала Александра Васильевна, показывая

свой новый дом. — Здесь есть все условия, чтобы держать хозяйство. Сарай просторный, теплый, хоть две коровы заводи. Внизу подвал, почти еще один дом. Под окнами участок — восемь соток, весной разобьем сад, посадим огурцы, помидоры, раннюю картошку. Хотим с мужем еще клубникой заниматься, пчел развести... Строителям надо спасибо сказать — удобную квартиру построили, все продумано: учли, что жить в ней деревенским людям, и опять же в доме водопровод, ванная, газ, канализация. Места много — 54 квадратных метра. У нас двое детей. Так мы с мужем решили — отдадим ребятишкам полностью второй этаж.

...Из дома Гребенниковых по хрустящей гравием дорожке мы вышли на деревенскую улицу. Солнца не было. Небо плотно обложили серые, низкие тучи. Но странное дело, среди разноцветных островерхих крыш, больших чистых окон, отороченных светловосковым деревом, было много света и простора. Так бывает часто на больших городских проспектах в ненастные осенние дни. Наш провожатый по Новым Подосинкам директор совхоза «Борец» Прокофий Васильевич Спиридонов посмотрел на часы. Было одиннадцать утра. В полдень он назначил встречу с депутатской группой исполкома сельского Совета.

— Время подгоняет нас, — сказал Спиридонов, — улица, по которой мы идем, — это, можно сказать, первая очередь Новых Подосинок. Мы сдали 16 домов, а по генпла-

ну в деревне их будет 57. Да плюс торговый центр с кафе, баня с бассейном, молодежный клуб... Только успевай разворачиваться. Полностью весь поселок мы должны сдать уже в следующем году. Думаю, успеем. В декабре 1981-го новоселье справят еще шестнадцать семей. Сейчас в этих домах заканчиваются отделочные работы. Словом, пока совхоз не подводит тех, кто в начале прошлого года подал заявление в кооператив. Из графика строительства мы не выбиваемся.

— А охотно записывались в кооператив?

— Кооперативное строительство на селе — дело новое. Были и скептики, другие осторожничали, кого-то пугал первый взнос — 7 тысяч рублей. А весь дом стоит 23 100... Выплата рассчитана на 20 лет. Но когда мы во всех коллективах разъяснили условия вступления в кооператив, желающих появилось много. Дело в том, что член кооператива вносит в кассу сразу только две тысячи рублей. Полторы тысячи дает совхоз как безвозмездную материальную помощь. Остальные три с половиной тысячи — тем, кто проработал у нас не менее пяти лет, для молодых этот срок — два года — хозяйство выделяет как беспроцентную ссуду. Для механизаторов, животноводов установлены еще и особые льготы по погашению этой ссуды от 20 до 50 процентов... Не случайно сейчас из 34 членов кооператива 20 работают на фермах и в поле. Но надо идти дальше, расширять наш кооператив. Желающих записаться в

него много. Приезжают даже из городов. Вот об этом мы и поговорим сегодня с депутатской группой. Исполком сельского Совета в курсе всех событий, он многое делает, чтобы быстрее построить Новые Подосинки. Ведь речь идет о самом главном — о благе человека.

Несколько минут мы шагали молча. Мне показалось, что Спиридонов нарочно затягивает паузу. Скоро вышли на окраину новой деревни и оказались на макушке высокого холма.

— Красота! — невольно вырвалось у меня.

Вид действительно открывался чудесный. Внизу выгибался дугой канал имени Москвы с белыми теплоходами, а дальше, насколько хватало глаз, — желтые леса, зеленые озимы. Прокофий Васильевич был доволен эффектом:

— Лучшие земли в округе для Новых Подосинок отвели. Правда, пришлось и повоевать за участок. Видите вон ту мачту высоковольтной линии? — Спиридонов показал налево. — ЛЭП должна была перерезать нашу деревню пополам. Представляете, какой был бы у нее после этого вид. Всю нашу идею об образцовой деревне так бы и рассекла надвое эта линия. Спасибо депутатам, через облсовет добились — пустили ЛЭП в обход...

Прокофий Васильевич взглянул на часы: пора.

— Смотрите, солнце, — улыбнулся он на прощание. — Не зря горланили утром петухи.

Московская область.

Директор совхоза «Борец» П. В. Спиридонов.

Сладкой будет малина у Любови Поздняковой.

В эту пору среднеазиатской осени на автодорогах особенно оживленно. Увеченные алыми транспарантами, под звуки карнае и сурнае движутся «красные обозы» — вереницы грузовиков, наполненных хлопком.

Нелегко достался урожай земледельцам в нынешнем году, изобиловавшим погодными сюрпризами. Но вот он, хлопок. С каждым днем все мощнее рвется волокно из побуревших, лопающихся коробочек.

Первый сбор по традиции вручную — пока открывается фронт работ для комбайнов. А как только забелели поля пушистым ковром — мастера повели хлопкоуборочные машины. Первыми приступили к машинной уборке земледельцы самой южной области — Сурхандарьинской, за ней — все остальные. Мы на плантации совхоза имени 60-летия Октября Шерабадского района. Здесь вручен пер-

вый вымпел за ударную работу механизатору Замире Джумаевой.

— Ваше обязательство? — Не менее двухсот пятидесяти тонн, — сообщила она. — А если подружки будут догонять, то соберу и все триста!

— Мы, как и Замира, соберем не меньше двухсот пятидесяти тонн, — сказали подружки.

А всего несколько лет назад такие же девушки измеряли свой вклад килограммами: тогда ведь собирали хлопок только вручную.

— Механизация трудоемких процессов позволяет возделывать и убирать урожай по самой передовой технологии, — говорит первый секретарь Сурхандарьинского обкома партии, депутат Верховного Совета СССР Абдухалик Каримов. — В отличие от предыдущих лет теперь мы даже тонковолокнистый хлопок, особенно трудоемкий, уби-

раем машинами. В области создано триста пятьдесят уборочно-транспортных отрядов. Из пяти миллионов девятиста тысяч тонн «белого золота» Узбекистана пятьсот шестьдесят тысяч тонн сдадут сурхандарьинцы.

Темп уборки нарастает. В соревновании отличаются не только целинники южных областей, но и бухарцы, ферганцы, хлопкоробы северной Ташкентской области, из года в год совершенствующие свой метод индустриального производства хлопка.

В. КОСТЫРЯ,
соб. корр. «Огонька»

На снимке: Замира Джумаева (четвертая слева) с подружками, водителями хлопкоуборочных машин.

Фото Р. Джуманиязова

Больше семи тысяч голов крупного рогатого скота держит совхоз «Парахонский» в Пинском районе, Брестской области. И всем хватает кормов собственного производства. Достаток определяется прежде всего хозяйским отношением к земле. «Парахонский» создан на осушенных полесских болотах. Умение распорядиться мелиорированной целиной окупается; даже в нынешнем, неблагоприят-

ном году в совхозе получили в среднем почти по тридцать центнеров зерновых с гектара. Здесь заботятся о том, чтобы вернуть в оборот выработанные торфяники. Найти лучшие приемы рекультивации помогают ученые Белорусского научно-исследовательского института мелиорации и водного хозяйства. Эффективной оказывается глубокая вспашка с помощью мощных плугов. Высокие уро-

жай вознаградили усилия людей и затраты.

В. ФРЕЙДИН

На снимке: главный агроном совхоза «Парахонский» В. Зеленко (слева) и научный сотрудник НИИ мелиорации и водного хозяйства Ю. Морголь на совхозном поле.

Фото А. Николаева

Первого апреля этого года мы перевели стрелки своих часов на час вперед и начали жить по летнему времени, а первого октября страна снова возвратилась к декретному времени, которое было введено еще в 1930 году и на один час отличается от поясного. Иначе говоря, мы уже много лет живем по летнему времени, получая огромную экономию топлива на электростанциях, а введение еще одного летнего времени в этом году было важным экспериментом. У ночи был отвоен еще один час.

А каковы результаты? Ответить на этот вопрос мы попросили начальника службы энергетических режимов Центрального диспетчерского управления Единой энергетической системы СССР Бориса Дмитриевича СЮТКИНА.

— Окончательные итоги еще не подведены, но даже неполные данные позволяют утверждать, что страна сэкономила два с половиной миллиарда киловатт-часов электроэнергии. Это означает, что на тепловых станциях не сгорело приблизи-

тельно 20 тысяч вагонов угля. Зимой этого топлива хватит на удовлетворение всех бытовых потребностей населения страны в течение пятнадцати дней.

Как мы и рассчитывали, основной эффект был получен за счет экономии электроэнергии, расходуемой на освещение жилья. Известно, что для полноценного отдыха человеку необходимо спать шесть — восемь часов в сутки. И если все мы ежедневно поднимались летом на час раньше, то, вероятно, и укладываться в постель должны были раньше. Утром в эту пору года на освещении не сэкономишь — солнце встает намного раньше людей, но вот вечером свет в квартирах гасили на час раньше обычного. От одной квартиры, понятно, большой экономии не получишь, но ведь и курочка по зернышку клюет... Шесть месяцев, помноженных на количество квартир и домов по всей стране, — это уже много.

— Борис Дмитриевич, многие читатели «Огонька» хотели бы узнать, не вредна ли перестройка организма на летнее время?

— Насколько мне известно, врачи не имели возражений против такого перехода.

— Будут ли внесены какие-либо изменения в порядок введения летнего времени?

— Опыт последних шести месяцев еще надо изучать. Однако уже сейчас выявились неиспользованные резервы. Вот, например, телевидение. Оно преподнесло нам своего рода сюрприз. В стране одиннадцать часовых поясов, а телевизионных программ только пять. Следовательно, жители каждого второго часового пояса смотрят телевизор на час дольше своих соседей, а значит, и ложатся спать на час позже. Это не слишком удобно. Не правда ли? И чтобы создать для жителей, предположим, Урала более удобный режим, стоило бы уже сейчас не переводить там стрелки часов назад и уравнивать местное время с казахстанским. Это, кстати, и дополнительно сэкономила энергия. После всестороннего изучения, я полагаю, такие резервы будут использованы.

Интервью взял
Георгий РОЗОВ

Владимир Васильевич, узнав об Указе, пошел к нему — к своему мосту. Даугава встретила солнечным перепадом тяжелых осенних волн. Мост и река — теперь они навек вместе. И здесь Владимир Васильевич унял утреннее волнение. За его плечами нелегкая жизнь мостостроителя, берега многих рек страны. И вот опубликован Указ о присвоении ему, Владимиру Васильевичу Алексееву, управляющему мостостроительным трестом № 5, звания Героя Социалистического Труда.

Красавец мост, перекинувшийся через Даугаву, — сооружение, каких мало на нашей планете. Торжество математики и дерзкой инженерной мысли! Мост висит в воздухе, как и тот, что над заливом Золотой рог... Здесь, в Риге, мостостроители разгрызли немало крепких инженерных орешков, внедрили прогрессивную технологию в свое древнее дело. И не надо было ни кессонщиков, ни водолазов. Монтажные измостотряды № 17 Ю. А. Бривца сделали возможным невозмож-

ное: подвесили тысячетонную конструкцию над вечно бегущей рекой. Мощные струны натяжения придают ощущение легкости, можно сказать, музыкальности грандиозному сооружению. Теперь старая Рига и новая объединены мостом, которым приходят полюбоваться как произведением искусства.

Б. НИКОЛАЕВ

На снимке: новый мост в Риге.

Телефото У. Паже

Горная Дигория — суровый, сказочно красивый уголок Центрального Кавказа. Крутые скалы, бурные реки, ледники и, конечно, яркое солнце, нежно-голубое небо. И вот у турбазы «Дзинага» вырос палаточный город, а в нем поселились полторы тысячи участников Первого всесоюзного слета туристов. Настоящие путешественники благородны, мужественны, щедры сердцем. А таковые сюда и приехали из всех союзных республик, из Москвы и Ленинграда. Испытанные в походах команды показывали свое мастерство во всех видах туризма: в автотомовом, в горном и водном, спелео и пешеходном. Любой из видов требовал мужества, уверенности в себе и партнере. Несведущему покажется, что в пешеходном туризме нет особых сложностей. Иного мнения Людмила Нестерук из команды Белоруссии: «Зачет соревнований по пешеходному

ОВОСТИ • ИНТЕРВЬЮ • РЕПОРТАЖ •

5

ТЫ С НАМИ, ДИГОРИЯ

туризму включает навесную переправу через реку, переправу по бревну, по ночкам, переход по болотистой местности, подъем, спуск «дюльфером», спуск спортивным способом по крутым склонам, перенос пострадавшего...

О водном туризме рассказал Ионас Липскис из Литвы: «Для байдарочника очень важно иметь развитую интуицию, быструю реакцию, знания, технику, опыт. Это своего рода высшая математика на воде. Как в игре в шахматы, нужно предугадать ход соперника, в данном случае — реки. Нам неизвестно, что ждет за поворотом. А река Ираф сложная, дикая».

Вечером устраивали конкурсы самодельных песен, показывали диапозитивы. Над ущельем звучали слова: «Ты всегда с нами, Дигория!»

Туристы — народ бывалый, рассказать могут много. В палатке одесситов «Гамбринус» я

познакомился с Олегом Нечаенко и Людмилой Фоминой. В составе девяти человек они совершили мотоэкспедицию Одесса — Москва — БАМ — Владивосток, преодолев тринадцать тысяч километров за сорок девять дней. В Тынде мототуристам вручили бамовскую награду «Серебряный костыль». А в их «Книге встреч», которую Олег и Люда показали, я прочитал:

«Спасибо вам, друзья, за победу! Из таких побед, больших и малых, складывается авторитет и сила нашей Родины. Космонавт Владимир Джанибеков».

Первый Всесоюзный слет туристов был посвящен Дню Конституции СССР.

Марат ЦЕБОЕВ
Фото автора

На снимке: реку побеждают смелые.

СОТРУДНИЧЕСТВО: НОВЫЙ ИМПУЛЬС

МОСКВА

Симпозиум и выставка «Современная техника Австрии», которые проходили в Московском выставочном комплексе на Красной Пресне, привлекли внимание специалистов самых разных отраслей нашей промышленности. Выставка проводилась в рамках Дней науки и техники Австрии в Советском Союзе. Такие мероприятия, равно как и периодически проходящие сессии смешанной советско-австрийской комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству, способствуют тесному творческому общению специалистов обеих стран. Этим во многом объясняется стабильность экономических отношений между СССР и Австрией на протяжении ряда лет.

Почти шестьдесят ведущих австрийских фирм демонстрировали на выставке свою продукцию. У многих из них — богатый опыт сотрудничества с советскими внешнеторговыми организациями.

«Мы знакомы почти сорок лет, — говорит Томас Гиллеспи, постоян-

ный представитель фирмы «Земперит» в Москве. — Нашу продукцию — автомобильные покрышки, транспортные ленты, шланги для нефтепродуктов — хорошо знают в Советском Союзе. И что самое главное — постоянно возрастает объем сделок, которые фирма заключает с нашими советскими партнерами — организациями «Разноимпорт», «Автоэкспорт», «Союзхимэкспорт» и другими. Только в этом году мы подписали самые различные контракты...».

Выставка и семинар, несомненно, будут способствовать дальнейшему расширению и углублению экономических связей в интересах обеих стран в соответствии с положениями Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, подписанного в Хельсинки.

А. СОКОЛОВ

На снимке: момент открытия выставки.

Фото В. Дунаева

БОРИС ПРОРОКОВ

Михаил ВЕРШИНИН

Есть художник, чье имя, как имя писателя Николая Островского, стало символом подвига в искусстве, советской культуре. Это художник Борис Пророков. Тяжело контуженный в боях Великой Отечественной войны, он и после не бросил кисть, карандаш, перо, а продолжал писать, творить, сражаться с врагами мира, правды, света. Он создал потрясающие по своей силе, остроте и убежденности серии станковых графических листов, в которых ярко и обнаженно раскрыт звериный лик войны, фашизма, империализма.

Одной из самых убедительных его публицистических графических серий стала «Это не должно повториться!», где как бы нашел отражение весь страшный личный опыт художника, прошедшего дни войны. Неотделимы страницы графической летописи военных лет Пророкова от его последней серии станковой графики, взывающей к совести и бдительности, протестующей против новой угрозы войны.

В блокнотах 41—42-х годов, рассказывал Пророков, у него было несколько зарисовок людей, поваленных голодом. Умершая женщина с раскрытыми глазами (этот набросок был сделан на Литейном в блокадном Ленинграде), упавшая женщина у ростральной колонны и многие другие. Все это беглые зарисовки. Многие остались в памяти, замечал художник.

В этой серии ему хотелось изобразить только то, что сам видел и пережил лично. Так родились «Голод», «В руинах». Так появились «Проклятые палачам», «Налет», «За колючей проволокой»... Об этих работах писали, о них рассказывали, потому что каждый человек не может спокойно смотреть на столь потрясающие картины народной беды.

Как художник Пророков работал, «чтобы реальный образ становился символом, не переставая быть реальностью». Таким был его девиз. И в лучшем, что сделано, он документальную достоверность сочетал с высочайшим художественным исполнением.

Шаг за шагом в течение четырех лет выстраивал он станковую серию, впоследствии удостоенную Ленинской премии. Борис Иванович подчеркивал, что «Помнить Хиросиму!» занимает в ней особое место.

Пророков вместе со всеми людьми пережил беспримерную трагедию, как память об ужасном преступлении американской военщины. Весть о нем пронзила сердце художника, опалила его нестерпимой болью и тревогой за грядущие судьбы людей.

Думая о Хиросиме, Пророков увидел детское лицо, обожженное пламенем чудовищного взрыва атомной бомбы.

Оно горестно, это лицо, обозначенное на черном фоне зловещей ночи, покрывшей города прахом ядерной катастрофы. Оно смотрит на мир из обвода бинтов, из-под складок белой повязки, взывая к памяти, осуждая своим горестным и задумчивым взглядом преступления против мира.

Ныне, когда Борису Пророкову было бы семьдесят лет, мы всматриваемся в черты его героев и почти что осязаем их благодаря пластичности, скульптурности, поразительной точности психологического рисунка, и за всем этим видим и самого автора, гневного и страдающего.

У памяти нет возраста. И потому она мгновенно возвращает нас в прожитое и пережитое и воскрешает далекие теперь годы. Четыре десятилетия минуло с тех дней, когда началась Великая Отечественная война.

С затаенным дыханием следили мы за героической обороной Гангута, откуда неслись пламенные строки стихов поэта Михаила Дудина и неутомимо и мужественно разил врага боевой карандаш Бориса Пророкова.

Борис Пророков сражался и штыком и пером. Его тельняшка, бушлат и бескозырка были опалены в буквальном смысле слова гарью боя.

Ведущий художник «Комсомолки» перед войной, он уже за год до Великой Отечественной ушел на боевую службу военмора. Гитлеровское нападение застало его на самом переднем крае — в легендарном Гангуте. Он и сам стал частицей этой немеркнувшей легенды. Фронтная газета «Красный Гангут», где нес свой боевой пост Борис Пророков, сохранила для потомков его рисунки и плакаты, наполненные лютой ненавистью к фашистам, посягнувшим на СССР.

Маяковский как-то сказал своим оппонентам: «Великая Октябрьская революция бессмертна, а я ее певец...» Пророков — певец послеоктябрьской эпохи, ее глашатай, трибун и солдат. И потому он стал художником пятилеток, Великой Отечественной войны и послевоенной битвы за мир и прогресс. Его, молодого, видели в самых различных уголках нашей страны: на Магнитке, стройке ЧТЗ и на многих других заводах, стройках и колхозных нивах.

Крепло мастерство, пылливо изучались и постигались тайны отечественного и мирового искусства, все отчетливее проявлялся при всей многогранности таланта собственный почерк — мускульно-пластичный, темпераментный, острый по психологическому раскрытию персона-

жей. Все это позднее поможет Пророкову с необычайной художественной мощью, взволнованностью и выразительностью сказать свое слово о войне, запечатлеть подлинные трагедии и возвысить языком искусства свой гневный голос в защиту человечества.

Тяжкую осень и зиму 1941/1942 года он провел среди защитников Ленинграда, в осажденной твердыне. Он рисовал воинов и мирных жителей, падающих от фашистских бомб и голода, на который обрекли ленинградцев гитлеровские изуверы. А позже Пророков появился в грозные дни битвы за Кавказ среди героев Новороссийска, защитников Малой земли.

Здесь, на Малой земле, среди моряков-десантников и пехотинцев он создает свой уникальный журнал «Полундра», который ходил по рукам в траншеях и окопах. Ему помогали старший лейтенант Соффертис, один из блистательных карикатуристов-«крокодилцев» и совсем молодой скульптор Цигаль, которому будет суждено спустя десятилетия создать мемориал в память пережитого у стен героического Новороссийска.

После Малой земли военная судьба бросила его на Балтику, а осенью сорок пятого он принимает непосредственное участие в разгроме японского милитаризма. Пророков — среди воинов Тихоокеанского флота, в освобожденном Порт-Артуре и Дайрене. В этот период задуманы триптих «Рикша», «Американцы на прогулке» и «Митинг». Начинается новый период творчества, период серий станковой графики. История сохранила нам образцы высочайшей взыскательности художника. Прежде чем эти работы стали автолитографией (на камнях), Пророков сделал множество законченных оригиналов на ватмане. Достаточно сказать, что один из этих рисунков был повторен сорок раз.

«В гоминдановском Китае», «Вот она, Америка!», «За мир» — эти серии станковых графических работ, созданные за пять первых послевоенных лет, итожили впечатления от ужасов второй мировой войны, навязанной человечеству империализмом, и вместе с тем они как бы предвещали главную работу жизни — «Это не должно повториться!», обладающую такой верой в свое дело, без которой ни в искусстве, ни в науке нет истинной жизни.

...Пророкову посчастливилось видеть и слышать Маяковского. Он был на пороге юности, когда увиделся с этим великим человеком и поэтом. Встречи Маяковского с «худжорами», как он их сам называл, стали для Бориса Пророкова определяющими на всю жизнь.

18 листов, исполненных тушью, составили серию «Вот она, Америка!», удостоенную в 1950 году Государственной премии СССР. Новой высотой антивоенной, антиимпериалистической графики Бориса Пророкова стали рисунки в книге «Маяковский об Америке», изданной «Молодой гвардией», позднее неоднократно перепечатанные в газетах и журналах СССР и за рубежом. Талант и памфлетная острота подняли художника вровень с поэтом. Перелистывая пожелтевшую от времени книгу. На обложке рисунок «Американская свобода». Голова знаменитой статуи, непроницаемое лицо, глаза, в которых спрятаны подлинные хозяева Америки, монополисты-империалисты, и фальшивая слеза, повисшая на левом глазу в виде то ли бомбы, то ли дубинки.

А вот и сам Дядюшка Сэм с оливковой ветвью у микрофона, в белой мантии, из-за которой виднеются самолеты, орудия, танки, нацеленные против человека.

Гений Маяковского и талант Пророкова воссоздали зловещий облик властелинов США таким, каким он был, есть и остается.

Вглядитесь в рисунок «Тюрьмы непокорным». Это — свидетельство постоянного террора в США, обращенного против борцов за свободу и жизнь: человек в полосатой арестантской робе, закованный в цепи. Мужественное волевое лицо, кулаки, сжимающие ненавистную решетку.

Огромный художественный потенциал Пророкова привел к необычайному разнообразию форм и приемов, многожанровости целенаправленного творчества. Но в каждом произведении неповторимость динамики, мысль, революционное отношение к действительности, неизменная убежденность в неограниченном влиянии искусства на судьбы мира.

«Мы требуем мира!» — подлинный шедевр пророковской графики. Здесь также полное слияние с поэтическим языком Маяковского, с гротесковостью и гиперболичностью образного мышления. Реальное с ирреальным — жизнь в столкновении со смертью, угрожающей всему живому на планете. Живой человек и вполне натуральный конь с ирреальной Смертью. Но как поразительно напоминает этот всадник с оскаленным черепом, означающим смертельную угрозу человечеству, нынешних каннибалов.

И опять Борис Пророков — гражданин, борец, гуманист — верен себе: бессильна смерть с занесенной над миром косой уничтожения. Навстречу, наперерез ей ринулся человек труда, олицетворяющий мощь жизни. Он стремительно преграждает путь смерти.

«Картины Бориса Пророкова, — говорил Сикейрос, — великолепный художественный документ против войны, этого жестокого бича человечества и культуры».

Б. Пророков. 1911—1972. ХИРОСИМА. 1960.

МЫ ТРЕБУЕМ МИРА! Рисунок из серии «Маяковский об Америке», 1951.

Б. Пророков. «ТЮРЬМА—РЕШЕТО». Рисунок из серии «Маяковский об Америке». 1951.

БОРИС ПРОРОКОВ

СТРАНИЦЫ ПИСЕМ

Б. И. Пророков вел большую переписку с друзьями и незнакомыми людьми, которые к нему часто обращались. Его неизменным правилом было отвечать каждому корреспонденту. Письма заменяли ему встречи с людьми, очень редкие из-за болезни, вызванной военными травмами. Здесь представлены отрывки из нескольких неопубликованных писем к поэту М. Дудину и художнику Б. Ефимову. Хотя давно уже было чисто небо над нашей страной, Пророков вновь и вновь возвращался к воспоминаниям о пережитом на войне. В одном из писем он дал этому такое объяснение: «...война питала силами в трудах во имя мира».

МИХАИЛУ ДУДИНУ.
Апрель 59 г.

Помнишь ли ты, как на Ханко в нашей редакции ходила беременная машинистка? Ее мужа отправили на другой фронт. Он был летчик или моряк. Когда она разродилась, ей устроили маленькую комнатушку в нашем подвале. Комнатушка заливалась водой, и молодая мать пробиралась к тесной койке по доскам и кирпичам.

Ночью, когда начинали рваться снаряды на нашей площади, среди грохота разрывов вдруг слышался тоненький детский плач.

Я все думаю об этой тихой, почти безмолвной матери, даровавшей жизнь человеку среди этого ада войны.

Нарисовать этого нельзя, или почти нельзя. Но неужели этот эпизод, тогда незаметный, не просится под перо поэта Дудина? Представляю, как дивно бы вышло это у тебя.

Жму твои лапы, которые мне так нравилось рисовать...

1960.

Наверное, надо нам почаще вспоминать те годы, мы видели тогда острее, острее и чувствовали...

Ведь до смерти было не четыре шага, а четыре вершка, четыре секунды, и, коль уж судьба даровала нам жизнь, не должны ли мы отдать ее всю борьбе за то, чтобы это никогда не повторилось? Я понимаю, что стихами и картинками войны не остановить, но надо же что-то делать. Помню, в Выборге внезапно среди голубого полдня появился вражеский самолет и бросил бомбу на переправу. Я шел по набережной в черном флотском мундире с большим «крабом», с папкой, и летчик, приняв меня за генерала, пошел прямо на меня. Он летел тихо и очень низко, так низко, что наши взгляды встретились. Он дал по мне пулеметную очередь, я успел четыре раза выстрелить в него из пистолета. Смешно стрелять из пистолета по самолету? Но надо же было что-то делать. Так и теперь.

Да к тому же — Гитлер начал с того, что запретил Кэте Кольвиц и выгнал ее из Академии.

Голубчик! Почаще напоминай людям о тернистом пути нашем к

миру. Ведь поэты, которые пели о сирени и черемухе, не видали, как мутно-голубым пятном отражается в черных лужах кровь.

Не сердись — сирень — хорошая вещь.

Сам помню, как природа голосовала против войны, поджигая сиреневые лапы. Вот в том же Выборге было. Наши гаубицы замаскировались на сквере в кустах цветущей сирени. Как выстрел — так в небо летит фейерверк сирени.

Я рисовал, и одна ветка упала на мой рисунок, и опять я вспомнил о тебе тогда, ты бы сумел повести миру ее печаль.

7 января 1961.

Действительно, в этом году мне минет пятьдесят лет. Но я ничего хорошего в этом не нахожу и делаю все возможное, чтобы замять это неприятное событие...

Если ты связан обязательствами с журналом и это уже неизбежно, то напиши хоть о войне, когда мне было 30 лет, а не 50. Что-нибудь из личных воспоминаний — ты хорошо умеешь это делать. Да не обо мне, а о нас — так веселее и интереснее. Расскажи, как ты конвоировал пулеметчика Эрика Сандквиста, которого Щербиновский утащил ночью из финского окопа, в карманчике для часов у него нашли нашу листовку, печатанную с линолеума. Когда ты рассказал мне об этом, я испытал чувство, которое не могу описать, — что-то торжественное, нет, и это не то. Расскажи об улице Маяковского, куда мы бежали, презирая артиллерию противника, обдумывать очередной номер нашей юмористики и украдкой полюбоваться веселым боярышником и желтеющим кленом, да еще поболтать о поэзии. Может быть, про агиткобылу, которую мы обклеили листовками и послали к стану врага. Ребятам надо что-нибудь позабавнее. Или о том, как ты писал комические куплеты, а я рисовал карикатуры на тральщике по пути с Гогланда в Кронштадт. Промокшие, продрогшие, лязгая зубами, мы представляли сами уморительное зрелище, но все же, после трагической ночи, когда я не знал: прыгнул ли ты на тральщик со «Сталина» или попал

между бортами (не показывай это Ирине), было счастьем сидеть опять рядом и работать. Прости — фраза очень громоздкая. Да вот беда — контуженая голова измучила меня, и не так-то легко изловчиться написать письмо... 9 мая 1945 года, когда мы собрались в самом центре Берлина, чтобы отметить День Победы, я рассказал ребятам, как в сорок первом мы с тобой на Ханко делали «Гангут смеется». Ты писал стихи, я резал линолеум. Это было уже поздней осенью, вечером. Мы делали «Новые порядки в Европе»...

Твои стихи кончались так: Встает, как призрак, над Берлином Пятиконечная звезда.

Противник бил десятидюймовыми по нашей вокзальной площади. И вдруг все к черту содрогнулось, огонь погас у нас в подвале, за шиворот посыпалось какое-то барахло, не помню, как ты, а я так явно оказался не на том месте, где сидел. Загорелись провода, от них балки, затем бумаги на столе и твои стихи, и мои рисунки. Мы начали тушить руками, потом бушлатами, одеялами. Были мы тогда одни. Пожар все-таки потушили, я достал огарок свечи, в дыму и смраде мы продолжали работу, а тем временем печатники очистили машину от щебня, — снаряд угодил в верхний этаж нашего дома, — и к ночи стихи эти знаменательные с моими картинками были напечатаны. Было интересно вспомнить об этом в Берлине. Хорошая штука — вера!

БОРИСУ ЕФИМОВУ.

Не удивляйтесь этому странно-му преподношению. Я сейчас объясню, в чем дело.

На этом наброске изображен румынский солдат, который перешел к нам в бригаду морской пехоты, отдал винтовку и заявил, что он не желает воевать против Советского Союза. Было это в конце лета 1942 года на Северном Кавказе.

Увидя, что я рисую листовку, он отозвал меня из окопа в сторону, за кусты и там, соблюдая предосторожности, показал мне маленькую листовку, извлеченную из потайного кармана. Он захохотал, но тут же сдержал себя и мгновенно спрятал листовку обратно. По привычке он все еще осторожничал. На этой листовке был Ваш рисунок.

Вспомнив об этом маленьком эпизоде, я разыскал этот набросок, и мне захотелось послать его Вам на память о военных днях.

МОЛОДЕЖИ

О ЗАКОНЕ

В издательстве «Молодая гвардия» вышел очередной сборник, составленный из материалов, посвященных правовым, этическим, нравственным вопросам. Составитель Сергей Семанов скомпоновал книгу так, чтобы в равной степени дать молодому читателю достаточно полное представление о его гражданских правах и обязанностях, о семейном законодательстве, вообще о значении закона в общественной жизни общества. В сборнике помещены художественно-документальные очерки об острых моральных конфликтах, очерки, построенные на материалах судебных разбирательств, на конкретных примерах показывающие подросткам сложные правовые нормы, воспитывающие у них активную жизненную позицию.

Генеральный прокурор Союза ССР Александр Михайлович Ренунков во вступительной статье написал так: «Думаю, не ошибусь, если скажу, что собранные в этой книге статьи и очерки вносят свою определенную лепту в благородное дело социальной профилактики и формирования морального облика советского человека. Большая часть материалов сборника посвящена сложным правовым проблемам воспитания молодежи. Да это и понятно — ведь именно в детстве и юношестве закладываются нравственные устои человека, а значит, и его отношение к закону, его правосознание. Проследить и проанализировать столь сложный процесс, раскрыть причины того или иного правонарушения, убедительно показать всю пагубность отхода человека от принципов нашей морали — такие цели преследовали авторы книги».

Особенностью этой книги является четко продуманная закономерность — вопросы, намеченные в статьях первого заместителя министра юстиции СССР А. Сухарева, юристов И. Гришина, В. Малова, получают дальнейшее развитие, пояснение на конкретных судьбах, часто неудачных, изломанных судьбах, в очерках В. Печенина, А. Тюльпина, Т. Копыловой... В результате, казалось бы, сухие статьи закона, отвлеченные правовые нормы, юридические формулировки обретают, если можно так выразиться, плоть и кровь, звучат понятно и убедительно для подростка. Можно быть уверенным, что этот выпуск, как и все предыдущие сборники «Именем закона», найдет своего внимательного читателя.

В. ПРОНИН

Именем закона. С. Семанов. М., «Молодая гвардия», 1980, 128 с

ДРАЧУНЫ

Михаил АЛЕКСЕЕВ

РОМАН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

С горы, на которой мы остановились, чтобы отец заклинил колеса, открылось внизу, по обе стороны широкого оврага, большое село, разделенное этим оврагом как бы на две равные части. Дорога, на которой мы сейчас задержались, круто убегала под гору и в конце ее смыкалась с деревянным мостом без перил, перекинутым через овраг. Ежели смотреть отсюда, где была сейчас наша телега, мост казался очень узким, и не верилось, что мы сможем проехать по нему. Но когда стали осторожно спускаться (отец держал пегую кобылу под уздцы, хотя колеса не вертелись, а ползли по земле), мост начал постепенно расширяться в моих глазах и оказался в действительности широким настолько, что по нему могли бы проехать сразу три телеги, построенные в один ряд.

Завидя по ту сторону моста собачью стаю, я покликнул Жулика, и тот, разбежавшись, вскочил на телегу, устроившись за моей спиной. Очевидно, спина эта оказалась для него каменной стеной, за которой можно было чувствовать себя в полной безопасности, потому что Жулик тут же храбро затыкал. Екатериновские собаки ответили ему разноголосым брехом, но, сообразив, что им не достать чужой собаки, быстро примолкли, одна за другой зевнули, высунув аршинной длины языки, и лениво разошлись по своим дворам.

За мостом отец освободил колеса, и через несколько минут мы подкатили к большой, под железною кровлей избе, должно быть, принадлежавшей кому-то из раскулаченных. Еще издали увидел я на крыльце молодую полную женщину, которая, скрестивши руки на белом фартуке, смотрела в нашу сторону. «Она!» — мелькнуло в моей голове, и это была последняя мысль, отпечатавшаяся ясно и отчетливо, а все остальные возникали, сменяя одна другую, уже в каком-то нереальном, горячечном состоянии до тех пор, пока среди них не выделилась, не всплыла одна, сразу же сделавшаяся главной, безраздельно взявшей власть над всем моим существом, хотя и умещалась она в одном коротком слове: «Убегу». Дождусь ночи и убегу, решил я, убегу во что бы то ни стало! Живя с этой минуты одной мыслью, я уже делал все остальное механически. Не помню, как вошли в избу, как сразу же оказались за столом, заваленным едою, как был усажен в красному углу, на самом, значит, почетном месте.

Мельком глянув на женщину, успел-таки заметить, что она, готовясь, похоже, к этой нелегкой для нее встрече, загодя разместила на своем широком, отливающим бронзой смуглостью лице такую же широченную, неумело скроенную улыбку. Глаза ее будто не принимали никакого участия в этой улыбке, словно бы их и не было вовсе на ее лице. Угощая, Селяниха (это была, конечно, она) вилась надо мною, ворковала что-то, подсовывая к самому моему носу куски белого пшеничного хлеба, сваренное в щах и оттого оглушительно вкусно пахнущее баранье мясо, подрумяненные пирожки с зеленым луком и яйцами — знала, что ли, проклятая, что я люблю их до смерти!

Продолжение. См. «Огонек» №№ 21—39.

От всего этого голова шла кругом, глаза застилались мутию, голодное брюхо требовало, чтобы я поскорее набрасывался на еду и насыщал его.

— Ешь, ешь, Миша, — говорила женщина, чуть касаясь вздыбленных, как на волчонке, моих волос. В словах ее мне слышалось змеиное «ш-ш-ш».

Отец, угнув голову, хлебал щи и лишь изредка, украдкой взглядывал то на меня, то на свою любушку. Не думаю, чтобы увиденное радовало его: торчавший на моей маковке хохолок яснее ясного мог указать на то, что творилось у меня в душе, а растерянная улыбка на красном с белыми пятнами лице Селянихи, ее то заискивающий (когда глядела на меня), то злобно-укоряющий (когда глядела на отца) взгляд обещал что-то нехорошее впереди.

— Возьми с собою пирожков-то да переоденься в пионерский костюм, в сельсовет пойдем, — сказал отец, видя, что я уже вышел из-за стола и замешкался у двери.

— Я наелся, — ответил я, а про костюм промолчал: с какой это стати я должен наряжаться!

В сельсовете, куда мы пришли, сопровождаемые Жуликом (он не отставал от меня ни на шаг), отец, вообще любивший похвастаться, начал хвастаться теперь мною сперва перед молодым человеком, оказавшимся председателем Кокодиным. Скованный вязким безразличием к происходящему вокруг, я, однако, подивился голове этого человека. Она у него была так велика, что казалась снятой с плеч великана и водруженной на плечи карлика: Кокодинов был и мал ростом и тонок, и думалось невольно, что он должен был бы рухнуть под тяжестью такой головы. Но он вращал ее на короткой шее легко и непринужденно, ощупывая меня со всех сторон быстрющими черными хохлацкими очами.

— Он у меня молодец, — говорил между тем папашка, поворачиваясь лицом к вошедшим в кабинет каким-то другим людям, — его прошлым летом район пионерским костюмом награждал за охрану урожая. Только не захотел одеть его, паршивец. Знать, постеснялся. Стеснительный больно.

— Не в батьку, видно, угодил, — обронил кто-то.

Контора сдержанно засмеялась. Во мне же, усиливаясь и накаляясь, билось одно и то же: «Скорее бы ночь, скорее бы!»

Вечером «у нас» собрались гости: Кокодинов и еще какие-то, почему-то одни мужики. Отец усадил было и меня за стол, но я скоро встал из-за него и направился в комнату, которая в наших местах называется задней, хотя была первой при входе в избу. Передней, или красной, именовалась горница, та, в которой расположились сейчас гости.

— Ты куда это, сынок? — встревожился отец, который угощал водкой других, а сам почему-то не пил.

— Устал. На печку полезу, — буркнул я, исчезая за дверью.

— Ну, ну, отдохни. Умаял, утомил я тебя нонче. — Слов этих я уже не слышал, потому что сначала вышел во двор, проверил, на месте ли Жулик, угостил его мослом, нарочно плохо обглоданным мною, попросил никуда не убегать, а ждать меня, хотя знал, что мог бы этого и не делать: Жулика теперь никакая сила не отгонит от дверей.

Забравшись на печь, я, разумеется, не собирался спать, и ежели через какой-то час стал громко похрапывать, то исключительно для того, чтобы усыпить бдительность отца, который уже несколько раз выходил в зад-

нюю комнату и заглядывал на печь. Не откликаясь на его голос, я чутко прислушивался ко всему, что происходило за дверью, в застолье, боясь больше всего на свете, как бы папашкины гостечки не засиделись до рассвета: летняя ночь коротка, утренняя заря начинает кровенеть сразу же, как увянет заря вечерняя.

Последним, с первыми кочетами, уходил Кокодинов. Он задержался, чтобы обговорить со своим секретарем какие-то особо важные сельсоветские дела, ибо более всего доверял моему отцу, оставлял ему даже гербовую круглую печать, когда уезжал по вызову в район. Отец раза два или три воспользовался этим и по старой, монастырской своей привычке снабдил надлежащими справками каких-то екатериновских мужиков, которым край нужно было покинуть село и податься в город. Кто-то выдал папашку, и Кокодинов, как ни пытался, не смог выручить его. Но это будет немного позже, в начале следующего, 1934 года. А пока что председатель шептался с отцом уже в задней комнате, воспользовавшись тем, что Селяниха осталась в передней прибирать стол.

— Ну, я пиду! — проговорил наконец Кокодинов вполголоса и по-украински. — Хлопец твой, вижу, спит.

— Без задних ног, — подтвердил отец, еще раз глянув на печку.

Проводив заглавного гостя и побеседовав накоротке о чем-то с Жуликом, отец вернулся, накинул изнутри крючок и на цыпочках пробрался в горницу.

Я дождался, когда там все стихло и сквозь щель уже не пробивалась тонкая полоска лампового света, сунул за пазуху майку и трусы, тихо слез с печки. Осторожно откинул крючок сперва в избушку, затем в сенной двери и вышел на крыльцо, где меня ожидал Жулик. Он вроде бы знал о тайном моем замысле, потому что заговорщически сверкнул в темноте своими повеселевшими глазами, собиравшись было таякнуть на радостях, но я предупредил его повелительным шепотом: «Ц-с-с-с, Жулик!»

Вот когда я по-настоящему понял, как же хорошо сделал, что не оставил Жулика дома, в Монастырском! Не в состоянии сдерживать в себе благодарных чувств к четвертому другу, распираемый их переизбытком, я чмокнул его в мокрый холодный нос, а Жулик в ответ лизнул меня в щеку и глаза, после чего мы выскочили на темную улицу.

Екатериновские собаки спохватились лишь тогда, когда мы миновали мост и вбежали на гору; одна, невидимая во мраке безлунной ночи, погналась было за нами, но и та отстала, пролаяв в последний раз где-то далеко позади.

Без Жулика я, пожалуй, не отважился бы на побег: до Грязнухи версты три дорога шла лесом, а леса в том году полнились худыми слухами.

Мы с Жуликом приближались к середине леса, когда далеко позади на дороге, по которой мы шли, послышался конский топот, стремительно накатывавшийся прямо на нас. Леденящий душу холодок гадюкой вполз под мою рубаху, тугим обручем сжал сердце, а кепка, как живая, поползла вверх, подпираемая вздыбившимися от смертельного страха волосами на моей голове. Может, и не испугался бы так, не омертвел бы в ужасе, если б смог в ту минуту обратить внимание на своего спутника и защитника — на Жулика. Пес должен был бы тоже вздыбить шерсть на своем загривке и залаять на скакавшего вслед за нами всадника, но Жулик молчал. Больше того, он вилял хвостом, и

кончик хвоста больно ударял меня по голой икре, усеянной цыпками с самой еще весны.

Настигнув нас, всадник осадил коня: только теперь я разглядел, что конь был пегим, и сейчас же услышал голос отца:

— Что ты наделал, негодяй?.. А?.. С ума можно сойти! Как тебя это угораздило, ну?..

Я молчал, прижавшись к дереву и как бы ища в нем защиты.

Отец слез с лошади, подошел ко мне:

— А ну, полезай на пегого! Живо!

— Не полезу! — закричал я прямо в его лицо, закричал так отчаянно, что отец испугался и, верно, понял, что вернуть меня обратно в Екатериновку ему не удастся, но ежели и удастся, то я все равно убегу не в эту, так в следующую ночь.

— Что же ты делаешь со мною, сынок? — говорил он уже чуть не плача. — Хоть утра бы дождался. Сбедишь ведь ты себя по дороге ночью-то. Слышал, поди, что говорят люди про эти места?.. Может, все-таки вернешься?

— Не вернусь, папанька. Ни за что не вернусь!..

— Ну, ну... Зачем же кричать так!.. Воля твоя, ты теперь не маленький. Ступай, сынок. Только знаешь, что... — Он помолчал трудно дыша, попросил униженно: — Мате-

ри-то не сказывай... Нашей беде не поможешь, а ее сгубишь, убьешь совсем. Разбитого горшка не склеишь. Так что...

— Не скажу, — пообещал я твердо.

— Спасибо, сынок, — отец сунул в единственный мой карман несколько бумажек, — матери передай. А сейчас садись все-таки на лошадь, вывезу тебя хоть из лесу...

— Не надо. Я так...

Я боялся, что отец обманет: посадит на коня и умчит в Малую Екатериновку.

— Ну, прощай, Миша, не суди строго папаньку. — Отец прижал меня к груди своей, неловко ткнулся несколько раз в мою щеку мокрыми жесткими усами и легонько подтолкнул в спину: — Ступай.

Ни я, ни он не знали в ту минуту, что виделись в последний раз.

XVIII

Мать избавила меня от тяжелой необходимости говорить неправду: все поняла раньше, чем я открыл калитку и вошел во двор, — в окно увидела нас с Жуликом на тропе, ведущей через выгон к нашему дому. Увидела, побледнела и тяжело опустилась на лавку, уронив на колени руки. Ко-

гда я вошел и встал у порога, не зная, с чего начать, она сама пришла мне на выручку:

— Не надо, сыночка!.. Не надо... Не сказывай ничего... Я... Я... я все знаю... Беги, родимый, в школу. Директор зачем-то соби-
рает вас, старшеклассников. Поди, поди!

Хоть и устал сильно и от дороги, и от бессонницы, и от пережитого за эти долгие, растянувшиеся вроде бы на целую жизнь сутки, я все же немедленно воспользовался возможностью уйти из дома и не казнить себя видом страдающей, убитой горем, но больше обидой матери. Уже на пути к школе меня перехватил старший брат Санька, вышедший из правления, где сдавал учетные листы, и в момент вытряхнул из меня худую новость.

— Там, значит, паскудина. Так и знал... Ну, погоди, стерва, я до тебя доберусь! — Рыжий, маленький, называвшийся всеми не иначе как Санька Плюгавый, он воинственно сжал кулаки, погрозил ими кому-то и, взъерошенный, как драчливый воробей, зашагал домой, силясь подобрать слова, которыми мог бы хоть самую малость утешить мать: не только сыновние чувства, но и положение старшего теперь в доме обязывали его к этому.

Возле школы прежде всего я увидел Катьку Леснову, которая прижимала к себе плачущую навзрыд Марфу Ефремову и что-то говорила ей, утешая.

— Что случилось, Кать? — закричал я еще издали.

— Аль тебе мать не сказывала?.. Я два раза за тобой бегала, — отозвалась Катька, повернувшись ко мне злым и заплаканным лицом. — Миша Степашков помер!

— Миша Тверсков?

— Ну да.

— Как... помер? — Я хватал воздух, но он не попадал в легкие, а лишь высушил все во рту, так что распухший вдруг и сделавшийся шершавым язык прикипел к небу.

Будто виноватый, прошмыгнул в раскрытые настежь двери школы и остановился у порога длинного коридора, натолкнувшись на ударившую прямо по сердцу волну траурной мелодии: три незнакомых мне парня и одна девочка, стоя на широкой лавке из-под кадок с фикусами, вспучив щеки, дули в концы изогнутых, сверкающих на солнце медных труб; посреди коридора, поближе к учительской комнате, установлен на длинном, покрытом красной материей столе новенький небольшой гроб, над которым торчал тонюсенький, по-птичьи заостренный воскового цвета Мишин нос, а такой же острый клинышек подбородка утыкался в пламенный лоскуток пионерского галстука; десятка два учеников, преимущественно старших классов, испуганно жались к стенам коридора, боясь подойти поближе к покойнику. Четверо, однако, стояли по углам стола: два в изголовье, два у Мишиных ног. «Почетный караул», — шепнула мне вошедшая вслед за мною всезнающая Катька Леснова, не выпуская из рук руку Марфы Ефремовой, продолжающей всхлипывать и прятать за спиной подружки покрывшееся красными пятнами лицо.

Последними встали в караул учителя — директор, его жена, брат Николай Федотович, сестра, хромоногая Нина Федотовна и Виктор Иванович Наумов, единственный не из панчехинской родни (отец и мать его, выйдя на пенсию, перебрались в Бalandу, где им и суждено было прожить остаток дней). Позади Михаила Федотовича стояла еще одна его родственница, синеглазая розовощекая девушка, шибко выделяющаяся среди бледных, серых лиц других людей. Нетрудно было предположить, что и для нее будущей осенью отыщется местечко в новой нашей школе: в вопросе подбора учительских кадров Михаил Федотович был, как видим, не очень щепетил.

Миша Тверсков был единственным отличником в классе, и потому, зная, директор решил похоронить его со всеми почестями. Гроб сколотил Петр Ксенофонович Одинок в школьной мастерской; Федор Пчелинцев нарисовал на его крышке красную пятиконечную звезду, словно бы там, под землей, ее мог кто-то видеть; все это было сделано очень быстро: Миша умер в полдень,

в тот час, когда мы с отцом подъезжали к Малой Екатериновке. Он возвращался домой после на редкость удачливой охоты на ракушки, нес их полмешка домой, делая малую передышку через каждые сто метров, и ему оставалось сделать последние десять — двенадцать шагов, чтобы войти в сени своей избы, но он их не сделал: упал, придавленный тяжелым сырым мешком, прямо у подножия ракушечьей кучи, которая острием своим уже подбиралась к крыше дома. Увидевшая его мать попробовала внести сына в избу, но у нее не хватило на это сил. Странно, что она даже не заплакала — потому ли, что не было сил и на это, или потому, что уже слез не осталось, выплакала их до последней капли, досуха. Не произнесла ни единого слова, не воспротивилась, когда по приказу директора Васька Мягков и Федька Пчелинцев подкатили к Степашкову двору тележку, положили в нее Мишу и увезли в школу. Пошла было вслед за ними, но не послушались ноги — сделали два-три шага и как бы надломились: Аксинья рухнула на дорогу, где ее и увидели соседки; они-то и втащили обратно в избу тяжеленную даже без мяса на костях бабу.

Открыв траурный митинг, Михаил Федотович сам же и произнес на нем единственную речь, разжалобив всех нас ею настолько, что в разных концах коридора послышались всхлипывания, переходя у некоторых в громкое рыдание; много смертей прошло перед глазами каждого, люди давно уж разучились оплакивать покойников, а сейчас вот дали волю своим слезам, растворили для них окаменевшие было сердца, — может, решили выплакаться за всех и за все сразу, кто их знает.

Гроб положили на полотенца, взрослые взялись за его концы, подняли Мишину домовину и направились к выходу. Трубы взревели громче, но сильнее их даванул на наши души своей октавицей директор: Михаил Федотович, мертвенно бледный, покрывшийся каплями пота, запел революционную песню. Была ли она уместна сейчас, мы не знали, скорее всего, других Пантехин не знал, а эта была привычна. Несколько тонюсеньких, прерываемых всхлипыванием девчоночьих голосов прорвались через директорский бас и закрутились над ним повительно; особенно выделялся голос Шурки Одиноквой, самой, пожалуй, голосистой в нашем классе; у Катьки Лесновой голос был похуже, но Катька не уступала Шурке в усердии. Пели и другие девчата — молчала лишь Марфа Ефремова, кажется, совершенно убитая горем.

— Что с нею? — спросил я потихоньку Катьку.

— Аль не знаешь? — снова, как давеча, сказала она. — Марфа любила Мишку.

— Что, что? — не понял я.

Катька глянула на меня снисходительно: — Глупый ты.

Сказав это, она снова запела, а я все еще пытался и не мог разжевать своею, зная, действительно глупую башкой Катькино соображение.

На кладбище вырытую для Миши могилку охраняли комсомольцы, иначе она была бы завалена другими телами раньше, чем дошла бы сюда наша траурная процессия. Мертвых было нанесено и навезено отовсюду, и теперь родственники только ждали, когда им разрешат опустить их в свежую аму.

Поверх всех был положен Микарай Земсков. Его увидели в последнюю минуту в канаве, огораживающей кладбище. Подумалось почему-то: не сам ли он дополз сюда, чтобы не обременять других, и покорно, безропотно, как поступал всегда, отдал богу свою младенчески невинную, безгрешную душу (месяцем раньше обнаружили в той же канаве и Паню Камышова, безгласного Микараева дружка, и положили в такую же братскую могилу).

На кладбище, так же, как еще в школе, я искал глазами Ваньку Жукова, но не находил. Встревожившись, спросил Ваську Мягкова, жившего по соседству с Жуковыми:

— А где Ванька?

— Кто его знает! Вчера они отвезли сюда мать, тетеньку Веруху. С того часа ни

слуху о них, ни духу. Шабы видели, как Федька заколачивал окна в избе. Убегли, должно, куда-нибудь...

Один камень за другим ложились мне на грудь, и я чувствовал, что могу упасть и умереть под их тяжестью.

— Ты чего это, Миш? — испугался Васька.

— А что?

— Да на тебе лица нет!

— Куда это оно подевалось? — изво всех сил улыбнулся я, но то была не улыбка, а гримаса страшной боли, окольцевавшей сердце.

После похорон директор не отпустил нас, а привел снова в школу, где и объявил, что мы должны были опять создать отряд легкой кавалерии по охране урожая: ржаные колосья уже начинали буреть, и ясно, что к ним не нынче — завтра потянутся с ножницами голодные руки. Они не будут принадлежать «кулацким парикмахерам», как не принадлежали и прежде, но хлебному полю оттого не легче. Приметив, что ученики не очень-то возрадовались такому сообщению, Михаил Федотович пояснил:

— Вы будете на вышках только днем, а ночью, — первые слова он произнес нараспев и потому без запинки, а вот слово «ночь» далось ему с трудом, — а ночью, — вновь запел он, — вас будут поднимать ком-со-моль-цы!

Оказавшаяся рядом с ним Надежда Николаевна Чижиныкова поведала нам более радостную новость: в районе, оказывается, создаются отряды из коммунистов и комсомольцев по спасению голодающих, и прежде всего детей. В отряд, который прибудет в Монастырское, войдут и они, учителя.

— Михаил Федотович, — она глянула на мужа, — будет командиром отряда. Надеюсь, ребята, вы можете ему. Нужно теперь же обойти все дворы и занести в список детей, которых надо спасать в первую очередь. Вы поняли меня?

Кожа на истощенных наших лицах натянулась слабою улыбкой, еще более обнажив зубы, — казалось, что, кроме этих зубов, уж ничего и не было на этих лицах.

Пришедший на наше собрание Василий Дмитриевич Маслов, новый председатель колхоза, посоветовал:

— Малых-то ребятшек не гоните с поля. Много ли они настригут?.. Так что пускай попасутся. Утрата колхозу невелика, а детишки, глядишь, останутся живы. — Он помолчал, осветив чутко лицом и, поколебавшись, сообщил самое важное, приберегаемое, видно, для взрослых, которых надеялся собрать в этом же школьном коридоре вечером: — Получено распоряжение, чтобы из первого же собранного урожая мы выдали колхозникам по одному килограмму — слышите, ребятшки!.. — по целому килограмму на трудодень! И это покамест лишь аванс!.. Так что... — Василий Дмитриевич вдруг умолк, заморгав покрасневшими глазами и торопливо отвернувшись, не желая, чтобы мы видели его слабость. — Так что... вот так...

Кажется, только теперь я начинал понимать: Мишу Тверскова хоронили с почестями не только и даже не столько потому, что он был среди нас единственным отличником и вообще образцовым учеником, а потому, что Михаилу Федотовичу хотелось показать жившим, как в жутком сне, потерянными, не знающим, что делать, односельчанам, — хотелось показать им, что на селе есть люди, которые начинают действовать, что в них можно найти опору, что не надо отчаиваться, что Советская власть жива, что нужно лишь потерпеть еще немного, самую что ни на есть малость, и придет облегчение.

Разбитые на небольшие группы, предводительствуемые учителями и пионервожатыми, мы разошлись по селу, и к вечеру каждая группа привела и принесла на руках по несколько ребятшек, подобранных в заброшенных домах, в одичавших дворах и огородах; некоторых отыскивали в густых зарослях лебеды, крапивы и горьких лопухов; находили их там по слабому пisku. Именно так я обнаружил на дяди-Петрухином дворе своего младшего двоюродного брата и тезку, оставшегося в единственном числе от неког-

да большой семьи; правда, семья эта вымерла не полностью: еще до начала голода Мария вышла замуж и, завербовавшись, укатила с мужем на какую-то стройку в неведомую мне Уль-Ату; Егора призвали в Красную Армию, но смерть, которая подбиралась к нему в селе, настигла его все-таки там: Егор умер в Саратовском госпитале. Старший его брат, бывший комсомольский вождь Иван, заболел туберкулезом, его увезли тоже в Саратов, в больницу, — и как он там, что с ним, я не знал. А Мишку-младшего привел вот нынешним вечером в школу: на следующий день на нескольких подводах Василий Дмитриевич увезет их в Бalandу, в детский дом, а в конце мая будущего, 1934 года Мишка, чистенький, румяный, как анисовое яблоко из дедушкиного сада, прибежит оттуда ко мне, оставшемуся в доме тоже в единственном числе, и мы начнем вместе с ним петь только что рожденную и принесенную им в Монастырское прямо из детдома новую песню. Она промчит нас на своих упругих крыльях по всему селу:

По долинам и по взгорьям
Шла дивизия впе-э-э-ред,
Чтобы с бо-о-ою взять Приморье —
Белой армии оплот!

Особенно радовал, будоражил душу следующий куплет песни:

Наливались знамена
Кумачом последних ран:
Шли лихие эскадроны
Приамурских партизаа-а-ан.

Правда, как потом ни старался Михаил Федотович поправить нас, но ему так и не удалось, чтобы мы пели не «раз», а «ран». В конце концов примирился, уступил, сдал свои позиции и сам уж во всю свою великодушную, трубно-гласную глотку ревел:

На-ли-ва-ли-ся зна-ме-на
Кум-м-м-мачом пос-лед-ний ра-а-аз...

На смену этой директор заводил другую, и мы, одушевляясь, сверкая увлажнившимися глазами, заводили вместе с ним и за ним:

Если в край наш спокойный
Хлынут новые войны
Проливным пулеметным дождем,
По дорогам знакомым
За любимым наркомом
Мы коней боевых поведем.

Однако бодрые, воспаляющие, электризирующие душу песни эти, как и позабытые на время, разученные нами ранее под руководством Михаила Федотовича Панчекина, главного нашего «песельника», зазвучат лишь весной следующего года, а пока что, помимо собранных по селу, вытащенных в последнюю минуту как бы уж из могилы детишек, мы принесли цифру, заставившую всех, кто был на ту минуту в школе, примокнуть, как пришибленным, ужаснуться: в селе, насчитывавшем шестьсот домов, осталось сто пятьдесят. Часть их сожжена еще в тридцатом, но то была все-таки малая часть, а большая была проглочена печами прошлой зимой, когда у людей не было ни сил, ни воли привезти на салазках дрова из лесу; да и лесники, ежели их не умаслить кружкой самогона, не позволяли делать это. А тут вот они, бревна, прямо под рукой, сухие, звенящие под топором, выворачивай их из простенков брошенных, заколоченных изб, начин сперва с подоконников, дубовых косяков, а потом выколачивай и все другое, пока крыша не рухнет на завалинку, на насыпную пасть печи. Такая же участь постигла и большой дом отца Василия, нашего соседа: тут уж постарались я и мой средний брат Леня (князьков на всю зиму все-таки не хватило). Два лютых вора было у моих земляков: голод и холод; каждый боролся с ними, как мог, но, увы, не всегда выходил победителем.

Что же касается нашей семьи, то ей еще предстояло выпить до дна самую горькую свою чашу.

Окончание следует.

Мирзо Турсун-заде стал для меня легендой еще до нашей встречи. Он написал балладу об Индии, в которой воспел любовь к этой стране в манере Амира Хосрова Дехлеви, жившего в XIII—XIV веках и называвшего себя «Полугаем Индии».

Однажды, когда я находился в Дели, мне позвонил редактор журнала «Совет Лэнд» и сказал, что Мирзо Турсун-заде хотел бы встретиться со мной в отеле «Ориент» сегодня же утром, так как вечером он должен уехать. Я отправился в отель, где и застал его в небольшом скромном номере.

Этого некрутного, приземистого, но крепкого человека я мог бы принять за комиссара, если бы не его широкая улыбка и нежный свет в глазах. Он обнял меня и начал говорить по-таджикски, и я с трудом, но все же понял, что он счастлив, что поймал меня, ибо слышал, что я живу в Бомбее.

Вскоре из журнала приехал переводчик и начал переводить слова таджикского поэта. Оказалось, что он читал мой роман «Кули» три раза и был тронут той любовью, которую я испытываю к беднякам. Турсун-заде спрашивал, кто оказал на меня большее влияние: Горький или Толстой? И знаю ли я, что у меня есть миллионы читателей в Советском Союзе?

Я стал отвечать на его вопросы. Он слушал внимательно. Я гово-

рил, что Горький с его «На дне» оказал на меня большее влияние, чем Толстой, хотя теперь я понимаю, что эпический подход последнего более соответствует индийскому сознанию. И мне больше импонировало глубокое проникновение Толстого в учение Будды о сострадании, чем катарсис Аристотеля. А также теория непротивления.

Взволнованный, он спросил меня, читал ли я Ленина о Толстом. «Да», — ответил я, признавая, что в конце своего жизненного пути Толстой слишком сосредоточился на самом себе, стал мучить себя для того, чтобы быть нежным, хотя сам еще был переполнен насилием. Я добавил, что Толстому было присуще свойство переходить от неправильного жизненного пути к тому, который он считал более человеческим, что, на мой взгляд, было очень важно.

Поэт согласился. Затем он спросил меня: не возьму ли я его с собой поклониться могиле Амира Хосрова, столь вдохновлявшего его.

Я немедленно согласился. Переводчик договорился о машине. Во время нашей поездки в Низамуддин к усыпальнице Амира Хосрова я впервые почувствовал, что мое сердце бьется в унисон с сердцем советского поэта, который смог проникнуться глубиной нежности средневекового загадочного барда Индии.

Наша первая встреча связала нас истинным пониманием. Потом, когда мы еще не раз встречались в разных краях света, мы стали друзьями навсегда.

ИЗ ЛИРИКИ

СТОЛИЦА

Моя столица,
 среди гор
Цветешь и зреешь ты.
Людским трудом вознесена, явилась из мечты.
Ты словно родинка горюишь средь

Среди лугов, полей и рек республики моей.
Ты вся знакома мне во всем,

и нет тебя родней,
Мой добрый дом, мой город-сад

Двух рек серебряных тела вокруг тебя
в сиянии огней!

сплелись,
В сиянье молний голубых ты птицей

А свет луны в мерцанье звезд —

Среди красавиц молодых тебе подобной нет.
Я песнь слагаю

и хочу все людям рассказать,
Моя столица, о тебе везде должны узнать!

Века текли. Но до поры чем был ты, Душанбе?
Никто, мой город дорогой, не ведал о тебе.
Темниц в Гиссаре без числа. В Гиссаре —
свист плетей...

О, был нелегок путь борьбы за счастье
наших дней.
И не подумайте, что вдруг свалился к нам
с небес
Тот Душанбе, кому несем любовь
своих сердец...

Растет в ряду других столиц
чудесный город-сад.
Сегодня он уже не тот, каким был год назад.
Все выше, краше гордый вид его

Сбылось пророчество седых народных мудрецов!

Восток и Запад едут к нам увидеть нашу новь.
Дарит Москва моей земле
бесценную любовь...

Столица, я всегда с тобой — в труде твоём,
в борьбе.
Все дети милые мои родились в Душанбе.
И если славен я стихом и если знаменит,
Тебе обязан,

и душа тебя благодарит.
Здесь все наследие мое и все,
что будет впродоль.

И если будешь ты,
то мне уже не умереть.

В твоём бессмертии и я останусь для живых,
И поколения прочтут листы стихов моих.

Моя столица,
дорог мне твой будущий рассвет,
Улыбок детских торжество,
глаз материнских свет.

Несчетным жителям твоим на сто веков
вперед

Я посылаю свой привет.
И я сегодня горд
Что есть в величии твоём часть моего труда.
Растут, равняясь на тебя, другие города.
Цветёт родной Таджикистан.
Я весь в его судьбе.
И ты шагаешь впереди —
столица Душанбе!

Перевел В. СЕРГЕЕВ.

1975.

ДРУЗЕЙ НЕ ТЕРЯЙ

Старайся не терять своих друзей,
Тобой любимых, дорогих друзей,
Способных облегчить твою печаль,
Старайся не терять былых друзей!

Врага от друга отличить умей,
Но не теряй ты преданных друзей.
Источник вдохновенья — наш народ.
Ты не теряй его: он — свет очей.

Цветет и украшает сад бутон.
Обычай наш — встречай тепло гостей.
Народы мира мужества полны,
Крепи же единение людей!

Перевел В. ЦЫБИН.

1975.

Это была последняя командировка Галины Захаровны Санько. Более пятидесяти лет ее фотоснимки печатались на страницах журналов и газет. В нашей стране нет такого места, где бы она не побывала с фотокамерой. Галина Захаровна Санько в качестве военного корреспондента была на разных фронтах Великой Отечественной войны. В освобожденный Гдов она вошла одной из первых. Жители Гдова помнят ее и недавно пригласили на 550-летний юбилей города...

Это была ее последняя командировка.

Давно позади псковский кремль, позади сто тридцать километров дождя, дороги под дождем, и вдруг открылся Гдов. Тихая районная столица, каких много в стране: флаг над горсоветом, торговые ряды и рядом новый универмаг, просторная главная в городе улица Карла Маркса, школа, музей, а еще тридцатилетние липы вдоль древней крепостной стены — на месте деревьев, погибших в войну.

«Малая родина» — обычно пишут о таких городах. Малая? Не думаю, не уверен... Гдов — одна из самых славных страниц истории государства. «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет»... Здесь свидетельствуют камни, деревья, люди.

В Гдов съезжались гости — на день рождения города! Хозяева, естественно, готовились к их встрече, волновались: 550-летняя годовщина — дата солидная. Местный музей обновил экспозицию, рассказывающую о городе-крепости, северном щите Руси. Городской Совет народных депутатов присвоил звание «Почетный гражданин города Гдова» Петру Алексеевичу Бобкову, ветерану гражданской и Великой Отечественной войн, члену КПСС с 1919 года, и бывшему военному корреспонденту Галине Захаровне Санько, которая вошла в город с передовыми частями 196-й стрелковой дивизии. Но первыми были в Гдове партизаны! Да, партизаны. Их то и чествовали особо в дни юбилея, им была посвящена большая фотовыставка Г. Санько «Гдов в 1944 году». И вот они снова вместе, свидетели ранней весны сорок четвертого — автор фотографий и ее герои... Старики (чего скрывать, славные наши старики!), старожилы Гдова и окрестных

сел, узнавали себя на фотографиях почти сорокалетней давности, узнавали в суровых не улыбающихся автоматчиках, узнавали и плакали.

Много раз Гдов и его жители выходили на бой с врагами. На то и поставили псковичи эту крепость, определили судьбу ее на многие века еще в 1431 году... История обычного сегодня района связана с именами героя Отечественной войны 1812 года Петра Петровича Коновницына и его достойных сыновей-декабристов; с именем героя гражданской войны Яна Фабрициуса, который держал с горсткой красногвардейцев гдовский участок фронта в феврале 1918 года и здесь сформировал 49-й гдовский полк... Когда сорок лет назад нахлынуло новое нашествие, секретарь райкома партии Товий Яковлевич Печатников возглавил подполье, стал комиссаром отряда гдовских партизан и «по местительству» взрывником-диверсантом... Он погиб. Как погибли гдовский комсомольский вожак, партизан, Герой Советского Союза Иван Никитин, как Майя Агапова, как погибли многие. Но святая историческая справедливость в том, что живые всех их помнят и память живых благодарна.

Как умирали люди? Как умирали деревья? На старых фотографиях Г. Санько и разрушенный храм и деревья, уничтоженные фашистами. Но поколение победителей восстановило и город и села окрест; люди посадили новые деревья. Вот они — шумят листвою о своем...

Недавнее прошлое города раскрывалось неожиданно. Сначала — в краеведческом музее, где все освящено любовью, старанием Веры Владимировны Беляковой, заслуженной учительницы школы РСФСР; затем — в гостинице. Познакомился с дежурной; спросил, местная ли. «Да, — ответила молодая женщина и улыбнулась, — праздник у нас, вон сколько приезжих!.. Многие память хранят. Маленькая была, а помню, как Гдов горел. Мы тогда в лесу жили, в землянках. Учительница моя Александра Николаевна Минина подпольщицей стала. И сестра ее Нюра тоже, хотя какие тогда ее года были? Молоденькая...» Анна Николаевна на фотографии 1944 года действительно молода, а старики тяжелый платок и телогрейку. Листовки регулярно появля-

лись в Гдове — это дело их рук, сестер, а еще отца и сына Андреевых, братьев Корышевых и многих других, непокорившихся.

Праздник Гдову удался! На улицах, как и положено в подобных случаях, было театрализованное представление. Скоморохи, тачанка с красноармейцами, синемблужники, воины-победители... И, как бы напоминая о коллективизации, совершил круг почета бывший тракторист Яков Семенович Фоткин на чудом сохраненном им ХТЗ. Среди толп зрителей — лица все исторические: бывшие партизаны, ветераны войны и труда. Звучала музыка, молодежь шествовала с факелами. Было возложение цветов у памятника погибшим... К этому дню приурочили открытие реставрированного моста Поцелуев — старинной трогательной достопримечательности города. Мостик ведет от аллеи Вздохов через речку Гдовку к воротам крепости. Медленно окружают город новостройки. И все же у города и района немало проблем. И о них тоже говорили за праздничным столом.

Город-ветеран... На фотографии 1944 года — день победы, мальчишка с автоматом подает флаг бойцу. Тут же, рядом, герои этого снимка: Николай Александрович Андреев и заметно постаревший Федор Константинович Шонин. Андреев — тот самый юный мститель из тройки Евстафия Константиновича Мохова, сын подпольщика. Стал военным летчиком первого класса. Сейчас подполковник в отставке. Ну, как тут не спросить, было ли страшно в партизанских набегах будущему воздушному асу? Николай Александрович отнесся к вопросу серьезно:

— Помню, когда дали мне, четырнадцатилетнему, автомат, почувствовал себя героем! А как до дела дошло, конечно, многое понял. Бой для любого человека не шутка, испытать довелось всякое. И страшно было...

Своя судьба у Сергея Родионовича Петрова. Мы встретились с ним в партизанской деревне Верхояни. Молоком и медом угощали Петровы — семидесятилетний Сергей Родионович и его боевая подруга, познавшая фашистский плен Анна Павловна. Вспоминаются в фотографии того памятного февраля 1944 года... Уже в десять лет Петров был в коммуне, в пятнадцать сам пригнал со станции первый в округе «Фордзон», на нем и пахал. Всегда яростно хотел учиться. Но пришлось самому учить первых трактористов. Петров учился в школе культурных крестьян — была и такая в те годы; в двадцать два стал первым председателем артели «Новый путь»... Потом — партизанский лес.

Дожди отступили, солнечное небо открылось над уважаемым городом-юбиларом. Город — любовью — славится поступками его жителей. Жители Гдова — настоящие патриоты, они, как и предки их, звонко прославили свою Родину.

Кирилл БЫКОВ

1944 г. Гдов — наш, советский!

Здравствуйте, Анна Николаевна!

СЛАВА ГОР

Н. А. Андреев с земляками.

«Молодой был», — всматривается в старую фотографию Сергей Родионович Петров.

1944 г. Молодые партизаны Николай Андреев и Федор Шонин укрепляют флаг на здании райкома.

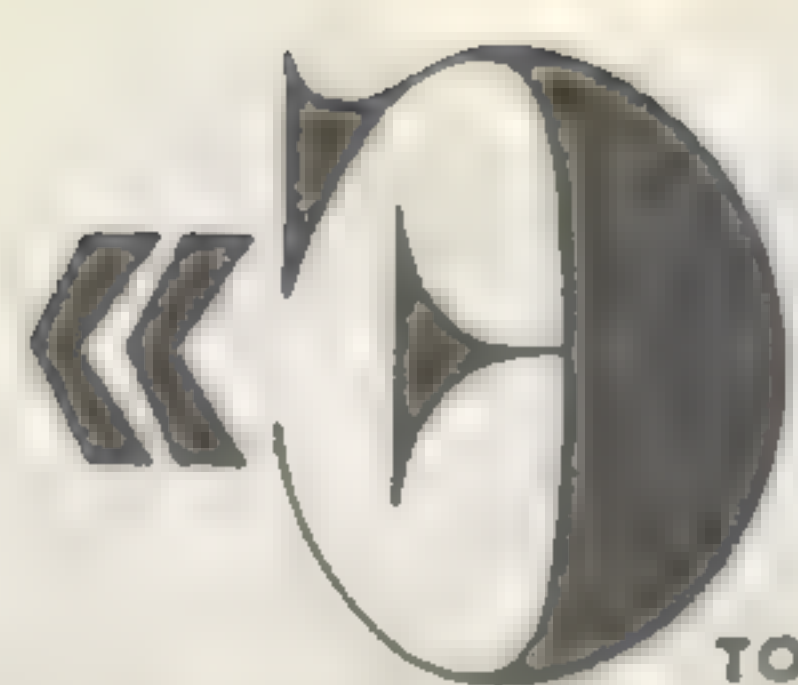
Нюра в 1944 году. Рядом — автоматчик Василий Коришев.

ОДА ГДОВА

ТРЕТЬЕ РОЖДЕНИЕ

С. КАЛИНИЧЕВ,
фото Н. КОЗЛОВСКОГО,
специальные
корреспонденты «Огонька»

то праздник не только пролетариев СССР, но и трудящихся всего мира!»

Такой лозунг красовался на первом тракторе, который 1 октября 1931 года сошел с конвейера Харьковского завода. Вела его комсомолка Маруся Бугаева.

«Строительство Харьковского тракторного завода... останется в истории социалистической индустрии нашей страны образцом подлинных большевистских темпов», — говорило в приветствии ЦК ВКП(б), опубликованном в тот день в «Правде». А в следующем ее номере появилась любопытная заметка, которая называлась «Вчерашний номер «Правды» в Харькове». Сообщалось, что самолет под управлением летчика Водопьянова доставил из Москвы в Харьков свежий номер газеты, посвященный завершению строительства ХТЗ и АМО, газета пришла в день пуска завода, еще до открытия торжественного митинга.

Вот как описывала митинг заводская многотиражка «Темп»:

«...Со всех сторон к принаряженным трибунам начинают сходить сотни трудящихся. Набрившая от дождя земля глубоко засасывает ноги...»

На средней трибуне появляются тт. Петровский, Косиор, Демьян Бедный, Александр Безыменский... Слева трибуна дипломатов.

...Эскадрилья самолетов приветствуют пролетариев ударной стройки...

— Не верится, что пятнадцать месяцев назад тут была голая степь, — звонко раздается с правительственной трибуны.

Коллективу Харьковского тракторного завода, по словам Г. И. Петровского, крепости социализма, повезло: его кузнецы и литейщики, фрезеровщики и токари приняли эстафету от бетонщиков, плотников, монтажников на высочайшей волне трудового порыва. Кадровый костяк завода формировался на строительных площадках, где героизм был нормой поведения.

...Вера Маргуля пришла на стройку полуграмотной девчонкой без всякой специальности. Ее «инструментом» был деревянный заплечный лоток — «коза», куда она накладывала кирпичи и потом по шатким мосткам таскала их наверх, где работали каменщики.

Вскоре прибыли еще восемь девчонок — Вера стала бригадиром, пришлось взять на плечи, кроме

«нозы», еще и ответственность. Стройка набирала темпы. Через месяц или два всей стране стали известны замечательные дела ударной женской бригады В. В. Маргули. Под ее началом работали уже 140 человек. Их бросали «в прорыв» на самые отстающие участки. Но и после труднейших смен девчата поднимались на комсомольские авралы, выходили на воскресники, а по вечерам учились, занимались в кружках, находили время мечтать и влюбляться. Им выдавали ботинки на деревянной подошве, которые надо было крепко привязывать к ногам, чтобы не потерять в грязи. Жили в бараках. В каждом помещении 60 набитых соломой матрацев и столько же подушек. Ничего больше. Но слаще, чем они, никто не спал.

Сколько их таких, как Вера Маргуля, было на стройке! Посмотреть на работу каменщика Аркадия Микуниса приезжали мастера из Дании, Германии и других стран. «Железный прораб» Д. А. Мельников умудрялся 9-тонные стальные конструкции монтировать с помощью крана грузоподъемностью всего в три тонны. При этом он втрое перекрывал нормы выработки.

И неудивительно, что построенный за 15 месяцев индустриальный гигант уже весной 1932 года работал на полную мощность, давая ежедневно сто тракторов. За это достижение ХТЗ имени Серго Орджоникидзе был награжден орденом Ленина. Были отмечены самыми высокими наградами и многие передовики производства. В постановлении Президиума ЦИК СССР почти после каждой фамилии указывались две профессии или должности награжденного: одна на стройке, другая на заводе. Орден Ленина получила и Вера Маргуля — после пуска завода она заняла место оператора на автоматах.

В Харькове побывал корреспондент газеты «Руде право» Юлиус Фучик. В своей книге он многое рассказал о строителях ХТЗ. А называл он свою книгу так: «В стране, где наше завтра является уже вчерашним днем!»

Это было невероятно трудное, но такое прекрасное время! Не хватало мыла и спичек, отрезыв ситца порой выдавались в качестве премии, не хватало гвоздей, лопат и многого другого. Но все эти трудности не мешали партии смотреть далеко вперед, видеть главное.

...Когда в сентябре 1931 года Николай Мирошниченко приехал на Тракторострой, он очень волновался: примут ли его в рабочие? Могли сказать, что слабоват физически, могли забраковать по возрасту — 14 лет всего... Но заминка произошла там, где он меньше всего ожидал. Одну за другой набирали группы в ФЗУ — кузнецов и сборщиков, токарей и литейщиков, а его каждый раз отставляли. И виной всему была справка из школы, где указывалось, что он посещал 6-й класс. Почти все поступавшие в ФЗУ закончили лишь два-три класса, а то и курсы ликбеза. И ему каждый раз говорили:

«Подожди, вот-вот подберут группу ребят на базе семилетки для обучения наиболее сложным профессиям. Тогда и тебя зачислим». Только вот людей, у которых столь высокое образование, было не густо. На заводе, где трудился 15-тысячный коллектив, такую группу удалось набрать лишь за три с лишним месяца. Так Николай Егорович стал токарем-инструментальщиком.

Это была одна из ключевых рабочих профессий. Николаю Егоровичу на протяжении ряда лет даже отсрочку от службы в армии давали. И только в тридцать девятом он пошел служить в погранвойска. Потом был на финской границе, Великая Отечественная.

Когда солдат вернулся на родной полуразрушенный еще завод, его уже ждали там. В первый же день, еще до официального оформления в отделе кадров, мастер дал ему очень сложное задание. Николай Егорович стал к станку и в конце смены сдал готовую работу. Мастер рассматривал ее как подарок ко дню рождения. Потом спросил:

— Сколько лет ты не подходил к станку?

— Восемь.

Потрясенный мастер погладил, словно живую, деталь и сказал:

— Как минимум — шестой разряд!

Мирошниченко все отдал родному заводу. Его труд был отмечен Золотой Звездой Героя, восемь лет он представлял харьковских рабочих в Верховном Совете СССР, как депутат многое сделал для строительства харьковского метро. Ему же выпала высокая честь вынести заводское знамя, к которому Леонид Ильич Брежнев прикрепил второй орден Ленина...

Опыт ХТЗ получил всесоюзное признание еще в годы первых пятилеток. Лучшие люди понесли его в разные края страны. Дмитрий Мельников руководил монотажными работами на строительстве Новокраматорского машиностроительного гиганта, возводил огромные цехи на Макеевском металлургическом, а после войны строил Московский университет и первую в мире атомную электростанцию.

На Тракторострое, как предтечи стахановского движения, бурлило соревнование бригад Дзюбанова, Марусина, Осокина, штурмового батальона бетонщиков Ивана Сидоренко и других. О накале страстей можно судить по такому факту. В начале октября обнаружилось тревожное отставание бетонных работ в механосборочном цехе. Бригада Осокина заявила, что не уйдет с лесов, пока не будет уложен последний бетон. Партком объявил штурмо-

вую ночь. В цех пришли люди из первых смен, домохозяйки, пожарные, милиционеры. Полыхали над стройплощадкой прожекторы, всю ночь гремела медь самодельного духового оркестра. В половине четвертого арматурщики уложили последние прутья в каркас цеха, но отдыхать не пошли, а стали помогать бетонщикам. 36 часов не покидали рабочих мест бетонщики бригады Осокина, полтора суток без перерыва шла битва за механосборочный. Отставание было ликвидировано.

Позже бригадир Осокин уехал строить Магнитку. Другой бригадир — Сидоренко, которому принадлежал непревзойденный рекорд по укладке бетона, работал на Днепрострое, а потом по путевке комсомола строил Комсомольск-на-Амуре, возглавлял там горком комсомола, был секретарем парткома, директором крупного предприятия. В самом начале войны Иван Данилович ушел на фронт командиром снайперской роты и погиб в бою.

Опыт работы на ХТЗ всегда ценится очень высоко. Здешних начальников цехов и служб нередко приглашают руководить другими предприятиями, на ключевые посты в главки и министерства, выдвигают на большую партийную работу. Естественно, что к себе, на ХТЗ, брать командиров производств со стороны не принято. Чтобы стать начальником цеха или занять важную должность в заводууправлении, надо тут, на ХТЗ, пройти по многим ступеням служебной лестницы. А как же иначе, если на каждом участке немало людей, которые по 20—30, а то и более лет трудятся на одном месте. Мне показали целый список работников ХТЗ, за плечами которых по 50 лет трудового стажа.

С одним из них я встретился. Ожидал увидеть старичка, а пришел молодежавый плотный мужчина с буйной седой шевелюрой, крепко пожал мне руку и откомендовался: «Ридный. Главный металлург». Весной 1931 года он окончил семилетку и по путевке комсомола приехал на ХТЗ. Его направили в самый горячий, самый грязный и шумный цех — в литейный, на участок обрубки. Там стояли рядом несколько галтовочных барабанов фирмы «Грауэ». В них загружали еще го-

Заслуженный машиностроитель УССР шлифовальщик Иван Григорьевич Гринев и его ученик Сергей Сухоруков. * Конвейер Харьковско-го тракторного завода.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: У автоматической линии ударники коммунистического труда наладчики-операторы Григорий Кузько и Виктор Вишневский. * Бригадир крановщиков Галина Москалюк.

рячие, с остатками формовочной земли детали. Когда барабан начинал вращаться, грохот стоял такой, что хоть в ухо кричи — все равно ничего не услышишь. Объяснялись жестами.

Но смысленный паренек быстро понял, что не во всем сила нужна, многое можно и умом одолеть. Через год его назначили инструктором, еще через год — мастером, потом старшим мастером. А в двадцать лет он стал начальником участка, на котором трудились пятьсот рабочих.

...Пенсию по возрасту он оформил давно. Пенсию по инвалидности мог бы оформить еще раньше — работа в старой литейке и годы жизни в цехе во время войны сказались. Но еще ни разу Афанасий Алексеевич Ридный не получал пенсионных денег. И уходить с завода не собирается.

Всю жизнь он думает о том, как бы выпустить побольше тракторов, да чтобы людям при этом работалось легче, а качество деталей было выше. И все же самые глубокие зарубки в его памяти оставили не тракторы, а танки.

В сорок первом завод эвакуировали в Сталинград. Чтобы вывезти людей и оборудование, потребовалось почти шестьсот железнодорожных эшелонов. Начальником одного из них был А. А. Ридный. Там, в Сталинграде, они делали танки.

— Не могу забыть, — вспоминает Афанасий Алексеевич, — как у заводских ворот небольшими группками стояли танкисты. Выезжал очередной изготовленный нами танк, и группа счастливицов (сейчас я не могу это слово произнести без горечи, но тогда они считали себя счастливыми) занимала место в машине и уходила на ней в бой. Мы выпускали несколько машин в день, и отдельные экипажи по несколько суток дежурили у заводских ворот в ожидании своей очереди. Мы жили на казарменном положении, тут же, в цехе, были отведены комнатухи, где начальники участков, мастера, цеховые руководители спали по три-четыре часа в сутки. Мы проводили в цехе на ногах по двадцать и больше часов, без выходных и праздников, и все казалось мало. За воротами стояли танкисты...

Потом ХТЗ эвакуировали еще раз — на Алтай. Там, в Рубцовске, за несколько месяцев вырос завод и дал первые тракторы. Работали как воевали: на улице минус 50, а в цехе минус 25, но люди не уходили от станков.

Отступая из Харькова, фашисты полностью разрушили ХТЗ, взорвали и сожгли все, что можно было взорвать и сжечь. Восстанавливать было труднее, чем строить: шла война, и в развалинах лежали тысячи заводов и фабрик, а все, кто был здоров, воевали на фронте. И все же 6 ноября 1944 года из ворот полуразрушенного завода выехали первые десять тракторов. При этом ничего из вывезенного в Рубцовск оборудования назад не возвращалось.

Там набирал силу Алтайский тракторный.

26 июля 1948 года с главного конвейера ХТЗ сошел 15-тысячный послевоенный трактор. За эту победу коллектив был удостоен ордена Трудового Красного Знамени.

А. А. Ридного вскоре назначили начальником литейного цеха. Перед войной он окончил рабфак и поступил в заочный политехнический. Студентом-заочником пробыл почти пятнадцать лет. Диплом защищал в Москве, тема «Реконструкция литейного цеха». Защищал с отличием, потому что цех под его руководством был уже реконструирован и стал примером подобных работ для других...

В то время вместе с цеховыми инженерами он уже разрабатывал и строил свою первую очистную линию непрерывного действия. В течение шести лет каждое утро просыпался с мыслью об этой линии. А в 1957 году под личную ответственность приказал срезать галтовочные барабаны и приступить к монтажу узлов линии. Ни на одном заводе ничего подобного в то время не было. Естественно, что новая линия, состоящая из сотен узлов, не сразу пошла.

Три месяца весь завод жил новостями из литейного. А сами литейщики во главе с начальником цеха — об этом говорили тогда без иронии — стояли насмерть. Как в дни штурмов 31-го года, как в грозную военную зиму в Сталинграде. Сутками не покидали цех. И линия пошла! Ей дали имя «Спутник». Может, потому, что запуск первого искусственного спутника Земли в нашей стране был величайшим событием того года. Эта линия работает до сих пор — вот уже двадцать четыре года. Опыт харьковчан переняли почти восемьдесят предприятий страны.

Когда А. А. Ридного назначили главным металлургом завода, он первым делом организовал проектно-конструкторское бюро, и главной его задачей было создание автоматической линии для формовки отливок. Афанасий Алексеевич знал, что текущий план с него потребуют завтра же, а на создание такой линии уйдут многие годы, знал, что ни в стране, ни в мировой практике такой линии нет, и все же решился. Такова уж сама атмосфера на ХТЗ.

Созданная автоматическая линия вписалась в цехи старой постройки. Здесь практически можно формовать все детали, которые применяются в автотракторной промышленности. Она уже действует, еще две такие линии строятся, и еще пять заказаны. Ее обслуживают четыре женщины-оператора.

Один известный профессор, светило литейного производства, однажды сказал Афанасию Алексеевичу:

— Почему бы вам не обобщить свои труды? Ведь иному хватило бы и малой доли созданного вами, чтобы защитить диссертацию.

И вот бывший обрубщик, который пятнадцать лет ходил в студентах-заочниках, в течение полугодя написал и с блеском защитил кандидатскую диссертацию. При этом лишь однажды отпросился с работы — в день защиты.

...Несколько лет назад на страницах «Огонька» я рассказывал про начальника тяжелой кузницы Якова Тимофеевича Белинко, бригадира кузнецов Михаила Ивановича Калашникова, директора завода Валентина Васильевича Библика, а вот ныне познакомился с Афанасием Алексеевичем Ридным. В биографии каждого из них, как в капле воды, отразилась славная история ХТЗ.

Многие тут трудятся целыми семьями. Однажды в парткоме решили хотя бы примерно подсчитать, сколько больших семей работает на заводе. И насчитали около трехсот. Назовем лишь одну из них — Гриневы. Когда-то тут работал их отец, Григорий Васильевич, теперь — Иван Григорьевич, Виктор Григорьевич, Владимир Григорьевич, Александр Григорьевич, Вера Григорьевна, Галина Григорьевна, Зинаида Григорьевна. А кроме того, их мужья, жены, дети. Среди Гриневых есть токари и шлифовщики, инженеры и мастера, контролеры и водители. Говорят, что Гриневы семейным кругом могли бы изготовить трактор!

После смерти отца старшим в роду остался Иван Григорьевич. Почти 38 лет трудится он на одном и том же шлифовальном станке. Перед войной Иван Григорьевич успел окончить шесть классов, а его жена, Мария Сидоровна, которая работала в том же цехе фрезеровщицей, — только четыре класса. Но когда дети подросли и пошли в школу, она сказала мужу:

— Стыдно, Ваня, от детей отставать. Давай будем учиться.

Работая и воспитывая детей, по вечерам еще и учились. Он окончил десятилетку и школу мастеров, она — восемь классов и машиностроительный техникум.

На таких Иванах да Марьях мир держится. Такому рабочему не нужен ни строгий начальник, ни придирчивый контролер. Для него нет строже начальника, чем собственная совесть.

...В 1967 году с заводского конвейера сошел миллионный трактор. За эту победу коллектив завода был награжден вторым орденом Ленина. Весной 1970 года к заводскому знамени его прикрепил Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнев. Выступая во Дворце культуры ХТЗ, Леонид Ильич говорил:

«Ваш завод пользуется заслуженной славой как один из первенцев советской индустрии. Рождение Харьковского тракторного было большой победой на одном из главных направлений, решавших судьбы социализма в Советской стране.

Сегодня у нас тысячи крупных предприятий, построено немало новых тракторных заводов. Но и сейчас народ с глубокой признательностью оценивает трудовой подвиг вашего коллектива, ваш большой вклад в укрепление союза рабочего класса и крестьянства.

Известно, какой примитивной

техникой располагала дореволюционная деревня — 8 миллионов сох да 2 миллиона деревянных плугов. Даже в 1928 году мы на всю страну имели всего 27 тысяч тракторов и два зерноуборочных комбайна! А Владимир Ильич Ленин мечтал о сотне тысяч тракторов для России...

Сегодняшняя действительность превзошла то, о чем мечтал Ленин. Только в Харькове тракторов выпущено в 12 раз больше. Каждый пятый трактор, работающий на полях страны, несет на себе широко известную марку ХТЗ!

...Знакомство с работой вашего коллектива... оставляет чувство глубокого удовлетворения. Здесь воочию видишь, как куется могущество государства рабочих и крестьян, как вдохновенно трудятся советские люди».

Тогда же Леонид Ильич поставил перед заводским коллективом ответственнейшую задачу: создать принципиально новый трактор. Харьковчане блестяще справились с этой задачей. Высокопроизводительная, мощная, комфортабельная машина Т-150К ныне широко известна во всем мире. На международных выставках и ярмарках она завоевала пять золотых медалей. Сотни тысяч таких машин трудятся в наших селах и пятидесят тысяч — в зарубежных странах, в том числе во Франции, Канаде, Австрии, Австралии. В день открытия XXIV съезда КПСС этому трактору был присвоен государственный Знак качества, а на государственные испытания харьковчане в тот же день отправили новую, еще более совершенную модель. За высокие темпы роста экспортных поставок заводу присуждена международная премия «Золотой Меркурий».

— За последнее десятилетие, — говорит директор завода-гиганта, делегат XXVI съезда КПСС Валентин Васильевич Библик, — практически построен новый завод в заводе: освоение Т-150К шло без снижения выпуска базовой модели.

Мы свидетели третьего рождения ХТЗ... Со стороны может показаться, что главное уже сделано: с конвейера мощным потоком идут современные тракторы, качество машин высокое, спрос на них в обозримом будущем обеспечен. Но задачи пятилетки требуют от коллектива еще выше поднять технический уровень Т-150, освоить выпуск гусеничной модели за счет расширения нового производства, снять с конвейера ДТ-74, подготовить на будущую пятилетку выпуск машин с более мощным двигателем.

Задачи велики. Но мы не должны забывать, перед кем они поставлены. Если для производства первого миллиона тракторов харьковчанам потребовалось 36 лет, то второй миллион уже куда более совершенных машин будет выпущен гораздо быстрее. За полвека жизни завода объем выпуска продукции возрос в десятки раз, а количество работающих лишь удвоилось. Больше того, за последние 12 лет весь прирост продукции на заводе достигнут без какого бы то ни было увеличения численности работников...

Один из флагманов наших пятилеток отметил свой полувековой юбилей.

Знатные люди Харьковского тракторного... * В зоне отдыха тракторостроителей хорошая рыбалка. * В воскресенье — под парусом.

УРАГАН

Семен ЦВИГУН

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ РОМАН

Рисунки И. Пчелко

ОПЕРАЦИЯ «УРАГАН»

Придя от Млынского, Бондаренко облачился в форму обер-лейтенанта и вызвал к себе Тумака.

— Ну, Алексей Николаевич, идем на дело! Получили от Млынского задание. Садись, потолкуем,— встретил он разведчика.

— То-то, я гляжу, ты эту мерзость на себя натянул.

Бондаренко усмехнулся:

— Тебе тоже не миновать. Идем в штаб 121-й моторизованной дивизии. Как вести себя в штабе, майор нас проинструктирует, а я хочу сообщить, что мы идем на задание с ефрейтором Шольцем. Он хоть и сдался нам добровольно, настоящая его проверка впереди. Так что смотреть придется в оба. Как тебе известно, у разведчиков есть железное правило: доверяй, но проверяй. Поэтому я поручаю тебе, Алеша, не спускать с него глаз в пути, и особенно в штабе.

— Если мы ему не доверяем, так зачем его брать, лучше пойдем вдвоем.

— Видишь, он хоть и ефрейтор, но работал офицером связи по 18-му корпусу и в штабе армии генерала фон Хорна, поэтому знает фамилии, приметы, привычки начальства и прочие детали, а это, как тебе хорошо известно, очень важно, особенно если в штабе нам попытаются устроить проверку. Он прекрасно знает фон Хорна и его окружение.

— Ты хочешь сказать, Семен, что он нас хорошо прикрывает?

— Совершенно верно. Но если предаст, то нас вздернут на первой перекладине.

— Ничего, поработаем с ним в пути, будем контролировать. К тому же он прикокнул своего, какой смысл ему нас выдавать?

— Поживем — увидим, как оно будет. Одно скажу, что за всю работу в разведке первый раз иду на выполнение задания с непроверенным человеком.

— Вот мы его и проверим.

— Это верно. Давай не будем терять времени, зови ефрейтора и переодевайся.

Вскоре Тумак вернулся с дрожащим от холода Шольцем. Растирая оковеневшие руки, Шольц обратился к Бондаренко:

— Господин обер-лейтенант! Я сильно промерз. Не найдется ли у вас глотка шнапса?

— Шнапса нам нельзя, мы с тобой скоро уходим на задание, а вот эрзац-кофе кружечку выпей.— Бондаренко открыл флягу, налил полную алюминиевую кружку, положил на кружку пачку галет и протянул ефрейтору.— Быстрее подкрепляйся, через час уходим на задание.

Ефрейтор с жадностью глотнул кофе, откусил галету, поднял тоскливые глаза на Бондаренко:

— Идти снова к фашистам у меня нет никакого желания. Если они узнают, что я убил обер-лейтенанта Шумахера и передал вам пакет, то расстреляют не только меня, но и всю мою семью.

— Не узнают,— твердым голосом сказал Бондаренко.— К тому же это приказ майора Млынского. Бери свой ранец, получай документы у капитана Бородулина и быстро возвращайся.

— Слушаюсь, господин обер-лейтенант.— Ефрейтор вышел из палатки.

Тумак встал, закурил папиросу, спросил:

Продолжение. См. «Огонек» №№ 21—39.

— Гранаты брать?

— Обязательно, только трофейные и побольше: возможно, потребуются.

— На ефрейтора тоже?

— Бери из расчета на нас всех.

— Может, ефрейтор так обойдется?

— Он воспримет это как недоверие, и потом мы странно будем выглядеть в штабе дивизии. Мы обвешаны гранатами, а он налегке. К тому же наше подчеркнутое доверие к нему будет его крепче привязывать к нам,— объяснил Бондаренко.

— Пожалуй, ты прав! Ну, я пойду.

Бондаренко, оставшись один, сбросил валенки, натянул снятые с Шумахера офицерские сапоги, поправил мундир, нацепил на него железный крест, медаль «За взятие Варшавы».

— Фриц несчастный! Тебя к ним так и тянет, неужели нет других разведчиков? Ты же

как-никак, а командир разведроты! Вот и посылай кого нужно в разведку, а то хорош командир, бросаешь роту — и в путь. А я? Уходишь к немцам, а я ничего не знаю. Я же тебе законная жена, понимаешь, законная, и ты обязан думать и обо мне и о нашем будущем! — выпалила вбежавшая в палатку Наташа.

— Наташка, ну что ты такое говоришь! Ведь именно за тебя, за наше будущее мы и воюем с тобой в тылу врага, и на задание мы сейчас уйдем тоже ради этого. Ну, не сердись. Я как раз собирался сейчас к тебе зайти, но ты меня опередила.— Он крепко обхватил хрупкие плечи жены, стал покрывать поцелуями ее губы, лицо, шею. Наташа вырвалась из его объятий.

— Сеня! Зажал меня, как борец, аж кости заболели.

— Это я так люблю тебя.

— Знаю, знаю.— Наташа встала на носки, чмокнула мужа в щеку.— Ну, побегу к радию, через десять минут сеанс связи с Москвой. Смотри, будь осторожен.

Бондаренко хотел ей еще что-то сказать, выглянул из палатки, но Наташи уже и след простыл.

Он сел, вынул из планшетки блокнот, написал: «Любимая Наташка! Я люблю тебя всей душой. Ты для меня и радость, и строгий судья, и солнце, которое освещает мой путь в дни радостей, трудностей и испытаний. Вот и сегодня перед выходом на задание ты согрела меня теплом своего сердца. Мне легче идти в фашистское логово. Не волнуйся, родная, скоро снова будем вместе. Нежно целую. До скорой встречи, твой Семен».

Закончив писать, он вырвал из блокнота лист, положил в маленький конверт, заклеил и четко написал: «Ермолаевой Наталье Михайловне». Позвал стоявшего возле палатки красноармейца и, вручая ему письмо, сказал:

— Передай Наташе после нашего ухода.

— Хорошо.— Боец спрятал письмо в карман шинели.

Выглянув из палатки, Бондаренко увидел идущих к нему Тумака в форме лейтенанта танковых войск гитлеровской армии и ефрейтора Шольца, с автоматами на груди, обвешанных трофейными немецкими гранатами, с ранцами за плечами. Их сопровождал заместитель командира разведроты старший лейтенант Соколов. Бондаренко внимательно осмотрел Тумака и Шольца— все ли в порядке, все ли на месте, остался доволен.

— Настоящие фрицы, придаться не к чему. Теперь очень важно побыстрее войти в зону расположения охранения дивизии, да так, чтоб нас не перестреляли партизаны.

— Может, для подстраховки выделить автоматчиков? — спросил Соколов.

— Не нужно. Мы постараемся обходить леса, а в открытом поле, как тебе, Павел Спиридонович, известно, партизаны не сидят. Роту оставляю на тебя. Во время операции «Ураган» действуй решительно, но ребят береги. Встретимся в пути или в штабе дивизии, сам знаешь, все зависит от обстановки.— И он крепко пожал Соколову руку.

— Ну, братва, поехали! — И, отталкиваясь палками, заскользил по снегу. В ушах засвистел ветер, обжигая лица, больно щипал за уши, как сквозь решето, пробирался к телу сквозь жидкие немецкие шинели.

— Семен! Замерзнем мы в этом фрицевском одеянии, как мыши, которых выгнали на снег из стога сена.

— Не горюй, Алексей, лиха беда начало, акклиматизируемся. Погляди на ефрейтора, он уже закалился на русских морозах, смотри, как держится.

Шольц услышал эти слова, подтянулся поближе, сказал:

— Господин обер-лейтенант, я в России столько натерпелся бед от ваших морозов, что теперь, если останусь жив, всю жизнь буду о них рассказывать своим внукам и правнукам. Я тоже замерз, зуб на зуб не попадает.

— Пошли быстрее, тогда и согреемся; только спрячьте уши под пилотки.

Тумак, попробовав натянуть пилотку на уши, сказал:

— Она не по мне.— Остановился, снял с шеи шарф, обвязал им голову и снова устремился вперед.

Бондаренко обернулся, хохотнул:

— Теперь ты самый что ни на есть натуральный фриц, правда, ефрейтор?

Шольц посмотрел на Тумака, серьезно ответил:

— Правда, он похож на настоящего фронтового немца, пусть в таком виде и в штаб прибудет.

— Неплохая идея, спасибо, Шольц.— Бондаренко, тормозя палками, устремился с горы в расстилающуюся перед ними заснеженную долину, крикнул: — Осторожно, тормозите, очень крутой спуск!

Ефрейтор и Тумак, объезжая лежавшие на пути большие прикрытые снегом валуны, как слаломисты, ринулись за ним вниз. Спустившись с горы, они свернули вправо, подошли к ведущей на запад наезженной грейдерной дороге, пошли по обочине. Не прошли они и ста метров, как из-за огромного валуна выскочили два солдата с автоматами наизготов-

ку и высокий худой ефрейтор, обутый в русские валенки, с пуховым платком на голове. Он выкрикнул простуженным голосом:

— Хальт! Ни с места! Пароль!

Бондаренко, Тумак и Шольц остановились. — Пароль! — снова, еще громче крикнул ефрейтор.

Бондаренко подошел поближе, тихо произнес по-немецки:

— «Тевтонский меч».

Ефрейтор улыбнулся, ответил:

— «Он выкован из стали Рура».

Бондаренко вынул сигареты и, угощая ефрейтора и солдат, спросил:

— Партизаны пошаливают?

Ефрейтор глубоко затянулся и, выпуская через нос дым, ответил:

— Два дня назад на минах подорвались легковая машина с офицерами штаба и сопровождавший их танк. Вчера ночью убили старосту, пять полицейских, командира 85-го полка нашей дивизии и его адъютанта, когда они вместе осматривали в селах школьные помещения для расквартирования прибывающих из Германии войск.

— Смотрите, как дерзко действуют, даже в районе дислокации вашей дивизии,— покачал головой Бондаренко.

— Господин обер-лейтенант, вы еще не знаете этих бандитов. Стоит нашему солдату или офицеру задержаться где-нибудь вечером или ночью, как наутро обнаруживаем труп. Так что без сопровождения танка или бронетранспортера не ходите, это слишком опасно.

Бондаренко спросил:

— Не могли бы вы оказать любезность, дать сопровождающего, который покажет бы нам дорогу в штаб 121-й моторизованной дивизии?

— Для вас, господин обер-лейтенант, с удовольствием. Ганс, покажи обер-лейтенанту дорогу в штаб нашей дивизии.

— Слушаюсь! — Толстый огненно-рыжий солдат пошел по дороге вперед.

Бондаренко откозырял ефрейтору:

— Ауфвидерзеен!

Тот, обрадовавшись и широко улыбаясь, ответил:

— Доброго пути, господин обер-лейтенант!

Группа Млынского, обходя завалы на просеке, направлялась на запад. Впереди группы двигалось боевое охранение во главе с сержантом Коляскиным, метрах в двухстах от него шагала рота автоматчиков, за нею следовал Млынский с командирами штаба батальона, за ними — рота ПТР и все остальные подразделения. Стояла темная морозная ночь. Ветер крепчал, переходя в штормовой, вместе с ним усиливался и мороз. Заиндевелившие и запорошенные снегом, они вышли из леса в 00 часов 55 минут. Когда все сосредоточились на небурном поле пшеницы, Млынский объявил получасовой привал. Подошел к себе старшего лейтенанта Соколова, попросил:

— Павел, посвети, я еще раз посмотрю маршрут и посчитаю, сколько нам осталось пройти километров.

Старший лейтенант зажег синий свет карманного фонарика, направил луч на разложенную Млынским на планшете карту. Майор с помощью компаса определил место нахождения своей группы и определил расстояние до штаба дивизии.

— Далековато,— покачал головой Млын-ский,— придется идти в темпе, чтоб начать операцию ровно в назначенное время.

— Может, начнем на час позже, а то люди измотаны? — предложил Соколов.

— Операция скоординирована с Алиевым. Если он начнет раньше, немцы переполошатся и нам потом в штаб не прорваться, тем более, что полки дивизии дислоцируются по соседству от штаба. Наша операция рассчитана на внезапность. Так и будем ее проводить. В штабе мы можем находиться 15—20 минут, пока к штабу подойдут их войска, мы уже должны скрыться в лесу или хотя бы подходить к нему. Очень важно до начала операции получить весточку от Бондаренко.

— Понятно, товарищ майор!

— Вот и хорошо. Раз понял, поднимай людей. Некогда прохлаждаться.

— Есть поднимать! — ответил старший лейтенант и поспешил к роте. Не прошло и десяти минут, как группа Млынского снова стояла на лыжах. Шквальный ветер гнал по небу на

восток тяжелые серые тучи. Сквозь них время от времени прорывалась луна, освещая холодным светом путь лыжникам. Идти стало лучше, теперь они уже не натыкались на валуны и заносы, а обходили их, но надо было скорее проскочить долину, пока немцы их не засекли.

Разведка группы Алиева во главе с сержантом Михайловым к вечеру неслышно подошла к возвышенности над складами и залегла в кустарнике. В бинокль было видно, что склады окружены двойным трехметровым забором из колючей проволоки. Вдоль заборов по периметру расхаживали с автоматами наперевес парные посты с овчарками. На самой территории стояли одно двухэтажное кирпичное здание с забитыми досками окнами, пять длинных деревянных сараев, расположенных друг от друга на расстоянии до 50 метров. Слева от них возвышались укрытые сверху брезентом, сложенные штабелями длинные ящики. Прижавшись к каменному зданию, стояла легковая машина и за ней — два бронетранспортера. Вокруг штабелей и складов по расчищенной дорожке прохаживались часовые. Посредине двора никого из охраны не было видно. Западная сторона двора не просматривалась. Сержант Михайлов фиксировал все увиденное в блокнот. Лежа за кустарником, рядовой Косых заметил метрах в тридцати от себя следы. Они вели к аккуратно сложенной большой куче спиленных сосен и там обрывались. Косых стал внимательно наблюдать за этим местом. Когда стало темнеть, он вдруг увидел, как из-под дровяной кучи вынырнули два человека, одетые в штатское, с автоматами наперевес, и, освещая себе путь синим светом карманного фонаря, стали удаляться к лесу. Косых доложил об этом сержанту, Михайлов поднял отделение и устремился за ними. Обнаружив погоню, те побежали к лесу, красноармейцы отрезали им путь и предложили остановиться. Неизвестные залегли в снег и, оцепившись автоматами, выкрикнули по-русски:

— Не подходите, будем стрелять!

Михайлов ответил:

— Не стреляйте! Кто вы?

— А кто вы?

— Мы красноармейцы!

— Не может быть,— ответили из леса.

— Иду к вам без оружия, не стреляйте.— Михайлов пошел на сближение.

Красноармейцы держали на прицеле место, где залегли неизвестные, чтобы, если потребуются, защитить своего командира. С той стороны тоже направили на Михайлова оружие, с интересом рассматривали его. Когда до неизвестных осталось метров десять, Михайлов спросил:

— Так кто вы?

— Мы партизаны!

— Значит, свои, вставайте! — Сержант вплотную подъехал к ним. Те встали, продолжая держать направленные на него автоматы.

Старший по возрасту сказал:

— Форма на тебе наша, командирская, и звездочка на шапке, но это еще не доказательство. А может, вы переодетые полицейские, откуда мы знаем?

— Мы бойцы Красной Армии, идем по тылам врага, вот моя командирская книжка.

Старший покрутил ее в руках, проговорил:

— Вроде оформлено все по закону, и печать есть. Правда, это не доказательство — любые документы, даже деньги можно подделывать.

Красноармейцы, видя, что переговоры задерживаются, направили к Михайлову рядового Косых. Когда он подъехал к ним, старший опустил автомат, подошел поближе, потом попросил снять шапку. Как только тот приподнял шапку, старший воскликнул:

— Сережка, сынок мой, где свиделись!

— Батя! — Они обнялись.

Михайлов спросил:

— Ну, теперь признаете своих?

— Признаю, признаю,— улыбаясь, ответил старший и обхватил за плечи Михайлова, затем, выпустив сержанта из своих объятий, протянул ему руку.— Теперь давайте знакомиться. Косых Иван Тимофеевич, командир разведвзвода партизанского отряда имени Чапаева. А это,— он указал на своего напарника,— разведчик, отчаянная голова.

— Миша! — протянул руку молодой партизан.— Командир отделения разведвзвода отряда.

К ним подошли остальные. Косых со слезами радости на глазах объяснил:

— Сынок мой, Сережка. Бывают же такие встречи! — И обратился к Михайлову: — Хотите — идите с нами, а нет, мы доложим командиру, и он с вами встретится. Передовая группа нашего отряда вместе с командиром здесь недалеко, в пяти-шести километрах.

— Нет, мы тоже сейчас возвращаемся. Если ваше начальство пожелает встретиться с нашим комиссаром, пусть приходит сюда к 24.00 часам. Ну, до скорой встречи! — Михайлов взмахнул палками и двинулся в путь, за ним — вся группа.

— Командир, стой! — крикнул ему вслед Косых-старший.

Михайлов остановился.

— Командир! Будь другом, отпусти сынка на побывку в отряд. Хоть на несколько часов. Пусть увидится с матерью и сестренкой, а то мать все глаза по нему проплакала. Как война началась, так от него ни одного письма не было.

Михайлов заколебался, но, видя умоляющие глаза партизана, приказал:

— Красноармеец Косых! Сойдите с лыжни, пойдите с отцом. К 24.00 часам прибыть на это же место. Мы будем ждать.

— Большое вам спасибо, товарищ командир!

Вечером Михайлов докладывал комиссару о разведанном объекте и о встрече с партизанами. Алиев собрал командиров.

— Товарищи! Хочу познакомить вас с разведанными. Наша группа находится в 3 километрах от объекта, который сегодня ночью мы должны уничтожить. Объект окружен двойным забором из колючей проволоки. Предлагаю план операции: взводу саперов во главе с лейтенантом Бейсамбаевым к 2.45 скрытно сделать проходы в восточной стороне забора. Разведчикам сержанта Михайлова бесшумно снять часовых. Роте автоматчиков под командованием лейтенанта Гонцы уничтожить охрану, обеспечить подход к складам и штабелям для подрывников лейтенанта Самсонова. Лейтенанту Самсонову быстро заминировать складские помещения и доложить мне. Истребители танков уничтожают стоящие возле здания бронетранспортеры и отсекают возможность прорыва к складам войск, вызванных охраной по тревоге. Их прикрывают пулеметчики. Операцию начинаем ровно в 03 часа. Отходим по сигналу — зеленая ракета. Как только все наши подразделения покинут территорию, склад взрываем. Действовать смело и решительно, проявляя волю к победе. Вопросы есть?

— Все ясно, — хором ответили командиры.

— Тогда вот еще что. Сегодня группа Михайлова возле объекта встретилась с партизанами, они желают с нами увидеться этой же ночью. Возможно, мы сможем осползоваться их помощью. Всем расходиться, готовиться к операции.

— Есть готовиться к операции!

Над лесом на бреющем полете пролетела группа штурмовиков. Алиев, внимательно наблюдая за их полетом, радостно проговорил:

— Наши пошли!

Группа Бондаренко в сопровождении солдата комендатуры подошла к воротам двора, в котором размещался штаб, когда уже стемнело. С внешней стороны ворота охранял парный наряд автоматчиков с овчаркой на поводке. Молодой сухопарый солдат обменялся с Бондаренко паролем, открыл калитку, провел их в примыкавшее к воротам небольшое кирпичное здание комендатуры и, отворив дверь небольшой комнаты с зарешеченным окном, приложил руку к пилотке и четко доложил:

— Господин гауптман! К вам пришли! — Стукнув каблук, он круто повернулся и вышел. Из потертого кожаного кресла поднялся пожилой офицер в пенсне, с гладко зачесанными набок волосами. Сухо спросил:

— С кем имею честь говорить?

Бондаренко вытянулся, доложил:

— Офицер связи штаба 18-го моторизованного корпуса ударной армии генерал-полковник фон Хорна обер-лейтенант Шумахер с группой сопровождения прибыл с особо важным пакетом командиру вашей дивизии от командующего.

— Дайте пакет, я доставлю! — Гауптман протянул руку.

— Не имею права. Приказано пакет вручить только лично.

Гауптман, недовольный, дернул щекой, сказал:

— Тогда сдайте оружие, ваши сопровождающие останутся здесь, а вас проводят в штаб.

— Господин гауптман! Я еще раз вам заявляю, что по личному указанию командующего этот пакет я должен вручить командиру дивизии только лично, в присутствии моих сопровождающих.

— Но есть единый установленный для всего вермахта порядок получения срочных, важных и особо важных донесений. Извольте подчиниться.

— Не могу и прошу не терять времени — срочно доложить о нашем прибытии командиру дивизии.

Гауптман, повышая голос, огрызнулся:

— Молод еще меня учить! Откуда ты такой строптивый взялся?

— С фронта, господин гауптман!

Офицер еще раз окинул с ног до головы колючим взглядом Бондаренко, Тумака и Шольца. Обращаясь к Шольцу, строго спросил:

— Почему одеты не по форме? Вы в таком виде похожи не на ефрейтора доблестной армии фюрера, а на старого извозчика.

— Возможно, — тихо ответил Шольц.

— Господин гауптман, морозы под Москвой перевалили за 30 градусов. Русские наступают, нашим солдатам приходится воевать в заснеженных полях и лесах Подмоскovie, а не сидеть в натопленных помещениях. Ефрейтор Шольц слегка обморозил уши, поэтому я решил ему закрыть их шарфом. К большому сожалению, обещанное нам фюрером теплое обмундирование мы не получили, а зима в разгаре. Наши интенданты советуют отбирать теплые вещи у местных жителей и обмундировываться. Так что, представьте себе, какая это будет форма!

Гауптман сбавил тон, более спокойным голосом спросил:

— Тяжело там нашим войскам?

— Очень, господин гауптман, — ответил Бондаренко.

— Сдайте дежурному по комендатуре оружие, я вас лично провожу в штаб к командиру дивизии генерал-лейтенанту Шварцкопфу.

— Мы же фронтовики, господин гауптман. Передадим пакет, получим ответ от вашего генерала и снова в путь.

— Прямо ночью? — удивленно спросил гауптман.

— Да, прямо ночью, нам некогда прохлаждаться.

— Вас же, как куропаток, могут ночью перестрелять партизаны.

— Возможно, но у нас оружие, и мы будем сопротивляться. А что касается опасности, то мы ведь с фронта, где опасность везде. — Бондаренко снял с плеча автомат, положил на стол, стал отстегивать от поясного ремня гранаты и пистолет.

Гауптман смотрел на эту операцию. Его осенило:

— Господин обер-лейтенант! Оставьте оружие при себе, пусть генерал увидит, как выглядят настоящие фронтовики, ведь он только три дня, как прилетел из Парижа. На восточном фронте впервые, как и вся дивизия. А сопровождающие вас пусть сдадут оружие. — И, как бы оправдываясь, добавил: — У нас такой порядок.

— Раз такой порядок, придется подчиниться.

Гауптман не спеша вызвал дежурного по комендатуре, приказал сдать ему оружие. Тумака и Шольца в нерешительности посмотрели на Бондаренко.

— Раз гауптман настаивает, выполняйте приказание, — спокойным голосом проговорил Бондаренко. Лейтенант и ефрейтор передали оружие дежурному по комендатуре.

— Теперь, господин обер-лейтенант, все наши порядки соблюдены, идем к генералу. — Гауптман повеселел, набросил на себя подбитую мехом шинель, надел шапку-ушанку, вышел из комендатуры, за ним шагал Бондаренко в сопровождении лейтенанта и ефрейтора.

Продолжение следует.

ШАХМА

В эти дни на шахматную доску смотрит человечество. За доской двое: чемпион мира наш Анатолий Карпов и претендент на это звание В. Корчной. Предстоит упорная борьба: условия жесткие — игра до шести побед, ничьи не в счет. В преддверии этих событий редакция пригласила за «круглый стол» творческого клуба «На «Огонек», который вел заведующий отделом спорта В. Викторов, двух знатоков: заместителя председателя Шахматной федерации СССР гроссмейстера Юрия Львовича Авербаха и известного шахматного обозревателя Александра Борисовича Рошаля.

— С давней поры шахматы волнуют человечество. Сотни шахматистов — профессионалов и миллионы шахматистов-любителей — насчитывается в мире, а в СССР шахматы стали действительно народной игрой. Это связано с блестящими победами советских гроссмейстеров на международной арене, с именами выдающихся мастеров, и прежде всего Михаила Ботвинника и Анатолия Карпова.

Выступая в телевизионной передаче, посвященной юбилею М. М. Ботвинника, Анатолий Карпов заметил, что сегодняшние шахматы очень отличаются от шахмат вчерашнего дня. Чем же?

Ю. Авербах. Сначала несколько цифр, показывающих, чем отличаются шахматы 70—80-х годов от шахмат 30—40-х годов нашего ве-

РЯДОМ

ТЫ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Ю. Л. Авербах. Фото Г. Колосова

ка. В конце 30-х годов в журнале «Шахматы в СССР» проходила дискуссия: сколько партий в год должен сыграть шахматный мастер. Пришли к выводу — порядка сорока. Это считалось оптимальным. Сейчас иные шахматисты играют по сто и более партий в год. Скажем, Михаил Ботвинник в свои лучшие годы играл в двух крупных турнирах в году, и к каждому из них он скрупулезно готовился. Сегодня это невозможно: мастера участвуют в пяти-шести турнирах и готовятся сразу к циклу выступлений.

Таким образом, первое заметное отличие двух шахматных эпох: изменился характер подготовки к соревнованиям, резко возросло их количество, несказанно увеличился объем информации, связанной с шахматами, информации, которую высококлассный шахматист должен непременно усваивать.

Еще Макс Эйве первым ввел институт секундантов и первым секундантом у него был Сало Флор, а сегодня никого не удивляет, что к матчу на первенство мира шахматисту помогает готовиться не один, а три секунданта и в их распоряжении огромная картотека. Эти картотеки в 20—30-х годах ввел гроссмейстер Грюнфельд.

Тогда это считалось новинкой, ныне каждый мастер пользуется личной картотекой дебютов. А какого объема достигает досье шахматиста, нетрудно представить, если учесть, что в году играет на мастерском уровне более пяти тысяч партий. Может ли шахматист, несвободный, что называется, от других обязанностей, проштудировать такое количество партий? Конечно, нет! Ботвинник рассказывал, что, когда он в свое время начал готовиться к турниру, он за две недели просматривал всю литературу. Сегодня на это надо потратить полгода!

Меня иногда спрашивают: скажите, а мог ли бы, допустим, Спасский, Таль или Карпов успешно сыграть с Алехиным или Капабланкой? Вопрос этот, несмотря на кажущуюся эффективность, совершенно неправилен. Сегодня шахматы другие, и многие элементы, которые считались откровением в тридцатые годы, сейчас записаны в шахматные учебники. Любый мальчишка, начинающий изучать игру, имеет возможность быстро осваивать то, что полвека назад было доступно лишь немногим.

Я пришел в шахматы в 30-е годы, когда только-только возникали дворцы пионеров, где мы изучали азы этой удивительнейшей игры. Сегодня в каждом городе есть не только дворцы пионеров, но и шахматные клубы, секции, кружки в школах, на предприятиях, в колхозах. Сегодня перед тренерами стоит задача: не пропустить ни одного мало-мальски способного ребенка, играющего в шахматы. Один из таких талантливых мальчиков и был найден в Златоусте. Его фамилия Карпов.

А. Рошаль. Если у нас внимание к шахматам со стороны общества уже достаточно давно отличается стабильно высоким уровнем, то интерес к этой игре за рубежом заметно подскочил в последние

10—15 лет. И касается это не только тех стран, где и прежде шахматы были популярны, — Венгрии, Югославии, Голландии, в не меньшей степени шахматная лихорадка захватывает Англию, ФРГ, Испанию... При этом люди уже не желают ограничиваться ролью сторонних наблюдателей, а стремятся читать шахматную литературу, играть. Вот самый свежий для меня пример. В ФРГ был организован международный турнир, в числе участников которого был Корчной. Устроители арендовали шикарный зал, но почти никто не ходил смотреть на игру гроссмейстеров. Зато на бельэтаже теснились десятки столиков, здесь проводился огромный массовый турнир по так называемой швейцарской системе (на 160 человек), турнир престарелых сеньоров, соревнование для женщин...

— Да, Карпов имел в виду многое, говоря о том, что шахматы сегодня стали другими. Имел он в виду и то, что происходит ныне за рубежом.

Ю. Авербах. Совершенно верно, та волна, которая поднялась, когда Ботвинник стал чемпионом мира, аккумулировала наши шахматные возможности. До этого мы практически не имели выхода на международную арену. Мы играли, что называется, сами с собой. Вспомним, что один из турниров претендентов тех лет состоял из одиннадцати советских и всего четырех иностранных шахматистов. Запад это вряд ли удовлетворяло. И именно это положение вызвало ответную волну.

Усиленно начали развивать шахматы страны социалистического содружества: Венгрия, ГДР, Польша, Болгария, Румыния. Весь мир стремился догнать наших шахматистов. И Фишер появился не сам по себе, а именно на этой волне: надо было что-то противопоставить советской шахматной школе. То, что на американском континенте появился уникум, способ-

ный бороться с нашими шахматистами, вызвало там большой интерес к шахматам.

— Появление сильных мастеров в ряде стран совпало с тревожной паузой у нас: никто из молодых советских шахматистов после Спасского и Талья не мог завоевать первенство мира среди юношей. Следующим чемпионом мира среди юношей стал Карпов. В чем же дело?

Ю. Авербах. Сказалась война. Не было ничего удивительного в том, что послевоенная молодежь не выдвигала выдающихся шахматистов. К сожалению, многие наши молодые шахматисты и сегодня не дерзают, не пытаются брать предельные высоты.

А. Рошаль. Юрий Львович сказал, что многие вещи, считавшиеся в эпоху Алехина и Капабланки откровениями, теперь, во времена Спасского, Талья или

А. Б. Рошаль.

Карпова, общеизвестны. Возрастная разница между Полугаевским, Талем, с одной стороны, и Карповым — с другой, равна примерно такой же разнице между Алехиным и Ботвинником. Следовательно, имея знания, отличные от тех, какими располагали Алехин и Капабланка, ныне Карпов может, основываясь на собственном опыте, не соглашаться и с Ботвинником. В частности, мне довелось

С КАРПОВЫМ

В канун матча на первенство мира по шахматам, который начался на итальянском курорте Мерано, дополнительным тиражом вышла книга чемпиона мира по шахматам Анатолия Карпова «В далеком Багио», в которой он вспоминает о предыдущем матче, игравшемся на Филиппинах. Но перед близким Мерано рассказ о том, что происходило в далеком Багио, звучит сверхсовременно. Ведь Карпову сейчас придется вести борьбу с тем же самым противником (в данном случае не соперником, а именно противником) — Корчной. Вот почему, читая о событиях трехлетней давности, мы как бы получаем возможность заглянуть в будущее, увидеть Карпова и Корчного в еще не сыгранном матче.

¹ А. Карпов. В далеком Багио. М., «Советская Россия», 1981. 188 стр.

Ну, а Карпову, как он сам сказал в своем телевизионном интервью, работа над книгой помогла лучше подготовиться к новому туру борьбы за шахматную корону. Ведь многое из того, что было пережито в Багио, теперь, издаваясь, видится иначе, позволяет многое переосмыслить и в области шахматного мастерства и в области психологии спортивной борьбы. А читатель получает редкую возможность проникнуть в мир больших шахмат, который он обычно видит лишь со стороны.

Вот это-то глубинное осмысливание каждой сыгранной партии, которое дает в своей книге Анатолий Карпов, и является наиболее ценной частью его работы. Вместе с тем, знакомясь с предельно откровенным рассказом чемпиона мира о бесконечно трудной борьбе — трудной не только потому, что пришлось вести спор с очень сильным

и опытным шахматистом, но и потому, что его противник использовал недопустимые формы психологического давления, — мы понимаем, что эта ситуация может повториться.

Однако читатель книги «В далеком Багио», написанной на основе дневников, которые Карпов вел в течение всего матча, конечно же, сосредоточит свое внимание не на тактике скандалов и обструкций, которую Корчной систематически применяет в своей шахматной практике, а на возможности усесться рядом с Карповым за шахматную доску, увидеть, как он готовился к борьбе с помощью своих тренеров-секундантов Гроссмейстера Ю. Балашова, И. Зайва и М. Талья.

«Матч этот принято сравнивать с самым продолжительным до него матчем за мировую шахматную корону Капабланка — Алехин (Буэнос-Айрес, 1927), — пишет Карпов. — В Багио соперники провели за шахматной доской 175 часов, не считая времени на подготовку и на анализ отложенных позиций. Более полутора тысяч ходов было сделано за 93 дня... Борьба шла напряженнейшей. Из 19 отложенных партий доигрывались 11, причем пятая — дважды. Она и оказалась самой продолжительной во

всех матчах за мировое первенство».

В такой напряженнейшей борьбе, где победу давали шесть выигранных партий, конечно, не могло не быть просчетов и обидных неудач, и Карпов рассказывает не только о своих успехах, но и о горьких поражениях, причисляя к ним, кроме пяти проигранных им партий, и те четыре, которые он обязан был выиграть, но закончил вничью.

Победитель матча откровенно разбирает не только свои взлеты, но и падения и признается нам, что до сих пор для него необычайно серия просчетов, допущенная им в 11-й и в 25-й партиях. Карпов взвешивает, анализирует, сопоставляет факты, и мы верим, что ошибки, допущенные им в Багио, не повторятся в Мерано.

Теперь мы знаем, каких сил требует матч на первенство мира, и будем с волнением следить за новым туром борьбы.

Книга Анатолия Карпова, написанная им при содействии его товарищей, и прежде всего прессы, — таше на матче в Багио Александра Рошала, журналиста, с которым Анатолий Карпов давно сотрудничает, читается с огромным интересом.

В. ЯКОВЛЕВ

брать у чемпиона мира телевизионное интервью, в котором он заочно полемизировал с экс-чемпионом, упрекавшим молодых в том, что в их подходе к шахматам превалирует игровое, турнирное начало. Правильно, поколение Ботвинника меньше играло, больше работало, исследовало, думало, если хотите. Действительно, шахматисту сегодня очень тяжело: не успеет он закончить последнюю партию в очередном соревновании, как надо начинать первую в другом.

Сейчас надо играть чаще, а то отстанешь и тебя побьют. И в курсе всех теоретических новинок надо быть обязательно. Идет непрерывный обмен информацией. К слову, на недавнем «турнире звезд» в Москве Лев Полугаевский, как он сам утверждает, «закрыв вариант Ботвинника» — дебют, служивший своему автору верой и правдой много лет.

Но... есть факты, мимо которых не пройдешь и которые надо объяснять. Если послевоенная молодежь не выдвигала выдающихся шахматистов по объективным, будем считать, причинам, то ведь сегодня мы должны задаться и вопросом: а кто из пришедших в большие шахматы в последующее десятилетие будет назван выдающимся? Вот уже два трехлетних цикла мы ждем включения в борьбу за мировое первенство представителей «карповского поколения»: Я. Тиммана, Л. Любоевича, Ю. Балашова, Р. Ваганяна, О. Романишина, У. Андерссона. Теперь все чаще называем и А. Белявского... А в претендентский

этап пробивался из них только Р. Хюбнер...

Пока же в соревнованиях претендентов выступали представители старшего поколения: Петросян, Спасский, Таль, Полугаевский, Портиш... Они теперь чаще, чем прежде, играют в турнирах, а ведь им это, должно быть, нелегко.

Отнюдь не настаиваю на том, что «старшие» сильнее «средних», в разряд которых как-то незаметно перешли названные выше ровесники Карпова. Но в шахматной жизни экс-чемпионы мира и претенденты добились большего. А в это время подкатила новая волна (кстати, считаю подобную терминологию более правильной, нежели деление на поколения, где придется вводить множество арифметических условностей), такие талантливые шахматисты, как Гарри Каспаров, Артур Юсупов, Лев Псахис, Сергей Далматов. Дальнейшая их творческая судьба будет зависеть и от самих молодых гроссмейстеров и от того направления, какое они изберут.

— Тут встает вопрос о тренерстве. Какова роль тренера у шахматиста, нужен ли он ему, ведь, скажем, ни у Алехина, ни у Капабланки не было помощников.

А. Рошаль. Мы коснулись одной из самых больных проблем наших шахмат. Когда-то, будучи старшим тренером Московского Дворца пионеров, я отбирал способных ребят для дальнейшей работы с ними. У меня сохранился снимок: Тигран Петросян в сеансе одновременной игры сражается с двумя юными шахматистами — авторитетами пионерской Мо-

сковы, а рядом буквально из-за стола выглядывал шестилетний Артур Юсупов. Он пришел к нам дошкольником, а позже обогнал многих. Но далеко не легко это было ему, и не сразу он проявил себя. Потом попал в школу Михаила Ботвинника.

Михаил Моисеевич Ботвинник в свое время сказал Анатолию Карпову: таланта мало, надо работать. Экс-чемпион мира не учил его играть, но сделал, быть может, самое главное: приучил работать. К высотам же мастерства, к титулу чемпиона мира подвел Карпова его тренер Семен Абрамович Фурман. А Петросяну в свое время помог Исаак Ефремович Болеславский, Спасскому — Игорь Захарович Бондаревский. Увы, их уже нет. Почти отошел от тренерской практики Александр Маркович Константинопольский и другие представители его поколения.

Все они были и тренерами и секундантами. Ныне Игоря Зайцева правильнее назвать помощником-секундантом (он работает сейчас с А. Карповым); удачно ассистирует львовским гроссмейстерам Виктор Карт; тонко чувствует специфику юношеских и молодежных шахмат Анатолий Быховский, являющийся к тому же хорошим организатором командных побед...

И все-таки с тренерами у нас неблагополучно.

Несмотря на обилие пособий, в шахматах самая ненаучная тренерская школа. Далеко не все находят наставников, которые умеют развивать и шлифуют их спо-

собности. Повезло Юсупову. В школе Ботвинника ассистентом был международный мастер Марк Дворецкий. Он стал тренером Артура Юсупова и Сергея Далматова (успев перед этим поработать и с Валерием Чеховым, который еще раньше этих ребят стал чемпионом мира среди юношей). Дворецкий — фанатик в лучшем смысле этого слова, он ложится спать с мыслями о своих тренерских делах и встает прямо к шахматному столу. Он очень много занимается исследовательской работой.

Золотая середина такова: ученикам надо играть, но надо и трудиться в кабинетной тиши. (Формула вроде бы простая, лежащая на поверхности, но именно она приносит успех, например... Анатолию Карпову.) К Дворецкому и его ученикам тянется из Красноярска уже ставший «сочемпионом» СССР Лев Псахис. Сверкает и переливается в этой новой волне самобытный талант Гарри Каспарова, которому все при столь великольном настоящем сулят еще более блестящее будущее. Сейчас не ясно, только время рассудит, какое поколение сильнее — старшее, среднее или младшее. Да и не в этом суть, ибо наисильнейшими — чемпионами! — становятся лишь единицы, а не целое поколение или волны. Не сравнительными возможностями, а некой абсолютной шахматной ценностью определяется значимость того или иного гроссмейстера в шахматной истории.

И потому, на мой взгляд, не следует столько внимания уделять

НЕ НАДО «ДОМАШНИХ» СМЕН

Н. БУМАГИНА

Вечерело. Часы на старинной башне пробили восемь. Но было совсем светло, солнце золотило теплую воду огромного пруда. С катера валила толпа загоревших людей — возвращались с дальних пляжей. Но и здесь, в самом центре города, было хорошо. Весь берег у пруда облепили рыбаки с удочками.

— Ма, смотри, еще одна попалась. — Босоногий мальчишка продемонстрировал свою добычу и отдал младшему братишке. Тот деловито убирал рыбешек в полиэтиленовый пакет. Их мама сидела поодаль и разговаривала с подружкой — молодой миловидной женщиной. Я стала невольным слушателем их чисто женского разговора.

— Вера, платье какое у тебя нарядное, новое, что ли? К лицу тебе и модное.

— Да нет. Было у меня платье трикотажное. Носила, потом надоело, коротким стало, каким-то кургузым. Перешивать не на кого — парни у меня. А тут услышала по радио объявление — трикотажное ателье обновляет такие вещи. Прихожу. Вместе с закройщицей придумали, как лучше сделать. Вот видишь, и кокетка появилась модная и низ. Тон подобрали, пря-

жу. И сколько думаешь стоит? Да всего пять рублей. Там же заказала себе шерстяную кофту. А ребятам на зиму две спортивные шапочки. В продаже нет, а там вяжут.

Меня заинтересовал разговор, мы познакомились. Зина и Вера, узнав, что меня интересует бытовое обслуживание, говорили наперебой. О том, как редко выдаются вот такие часы, когда можно спокойно погулять, отключиться от повседневных забот. О том, что нужно сделать, чтобы жизнь женщин стала легче. Ведь социологи давно подсчитали — за счет улучшения бытового обслуживания можно высвободить семь-восемь часов в неделю каждому человеку.

В Удмуртии эта служба развивается достаточно динамично; и за счет расширения сети и за счет увеличения количества и качества услуг. Ижевск бурно строится, и приятно было видеть, что в новых жилых кварталах, в еще не заселенных домах уже готовились к открытию парикмахерские, прачечные, комплексные приемные пункты.

Гордятся жители Ижевска своим Домом быта. Не выходя из этого современного и уютного восьмиэтажного дома, можно сделать массу полезных и приятных дел: заказать новое платье, туфли, починить часы, воспользоваться химчисткой, сфотографироваться. Можно подняться в демонстрационный зал, посмотреть новые модели экспериментального цеха. Здесь же устраиваются конкурсы на лучшего закройщика. Посетители в ожидании заказа могут подкрепиться в кафетерии. При Доме есть информационная служба для всего города: вам ответят, куда лучше обратиться за той или иной услугой.

— Ну, это у нас, конечно, образец, а вообще-то бывают огорчения, — сетует Зина. — Пошла я на днях в обувную мастерскую. Встала в очередь, а приемщица вдруг

объявляет, что больше принимать не будет — кончилась квитанционная книжка. Мелочь, кажется, но время потеряно. Пришлось возвращаться еще раз на следующий день. Тем более обидно, что знаю, отремонтируют обувь на совесть.

Я побывала на фабрике по пошиву и ремонту обуви. Это высокотехнологизированное, современное предприятие. Обслуживает 22 приемных пункта. Обувь доставляется в специальных сумках-контейнерах, где для каждой пары — свой «карман». Тут делается основательный ремонт. Более мелкий — прямо на приемном пункте. При «капитальном» ремонте обязательно снимается полная мерка ноги. Так, чтобы обновленные сапоги не жали, не мяли ноги своих хозяев. Здесь работает целый комплекс оборудования. Управляет машинами всего одна прессовщица.

— Вы посмотрите, какая умная машина, — рассказывает главную инженер фабрики Нина Алексеевна Александрова, молодая, элегантная. — Если нужно, сапожки потом подкрашивают, тонируют, и вот — совсем как новые.

Шьют на предприятии и новую обувь по индивидуальным заказам. Надо сказать, поглядев образцы обуви, я позавидовала удмуртским модницам: сапоги самых разных фасонов, закрытые туфли для прохладной погоды, босоножки и нарядные и для пляжа — всех цветов радуги; ей-богу, глаза разбегаются. В Москве даже в большом Доме быта я не видела и малой части этого ассортимента, и, что немаловажно, умеренная цена. Сапожки стоят 65—70 рублей. Когда приема заказов нет, можно оставить открытку, и в ближайшее время вы будете оповещены. Точно такой же порядок и в трикотажном объединении «Руно». Поэтому особенно досадными кажутся мелочи, зависящие только от самих работников на местах. Вот, например, пришла девушка заказывать вязаную кофточку, выбрала по имеющимся образцам цвет, а

ей приемщица говорит: «Этот цвет только для ремонта, а новые из него не вяжем». Раздосадованная девушка ушла. А ведь стоило с улыбкой извиниться и тут же предложить другой цвет или сочетание двух, ничуть не худших, — и обе стороны были бы довольны.

Забываются в Удмуртии и о сельских жителях. Для них в республике открыто 28 домов быта и 350 комплексных приемных пунктов. Заглянем в один из них. В совхозе «Удмуртский» Сарапульского района этот пункт виден издали — над зданием полыхает красный флаг. Двухэтажный новый дом, построенный за счет совхоза, поделили между собой сельский Совет и бытовики. Хорошее соседство. И контроль близко и помощь.

Приемщица Люба Беляева — молодая женщина со спокойным, приветливым лицом — работает здесь уже двенадцать лет. Еще ни разу за эти годы не подвела с планом.

— Люба, детскую коляску можно взять напрокат? — спрашивает вошедшая женщина.

— А почему же нельзя? Да ты садись. Сейчас подберем. — И обращаясь ко мне: — Складные коляски нарасхват. Пользуются спросом и детские кресла, велосипеды. Удобно и дешево. Ведь эти вещи нужны буквально на месяц-другой. Покупать их нет смысла.

Два парня зашли — брюки нужно срочно заузить. Это не проблема. В приемном пункте работают две швеи. Подогнать, ушить, подлатать. Более сложные работы, шитье новой одежды делают районные мастера, приезжает сюда раз в неделю закройщица из ателье. Люба рассказывает, что сельские модницы в курсе всех новых веяний.

— Вы бы посмотрели, какие платья сшили нашим девушкам к выпускному балу! Из тридцати выпускниц двадцать заказывали наряды в ателье.

— Ну, а все-таки, чем-то люди бывают недовольны?

КАК ВАС
ОБСЛУЖИВАЮТ

решению мелких, сиюминутных, с точки зрения шахматной истории, вопросов: Спасский или Тимман? Таль или Каспаров? Полугаевский или Юсупов? Белявский, Романишин или Псахис, Далматов? Сегодня-то явно Карпов, а завтра вполне может быть кто-то другой, кого мы не называем. Все мы отвечаем в первую очередь за свой труд, а уж потом, как ни странно, за его результаты. Именно так высказывался Эммануил Ласкер. Заметим, кстати, что сам он играл не сильнее, чем представители последних волн, только вот этого шахматного классика всегда будут цитировать и помнить...

Ю. Авербах. Я хочу подтвердить имена тех, кто определит наше шахматное завтра. Это поколение 60-х годов. Очень серьезные ребята. Они не шахматные затворники. Это разносторонне развитые спортсмены. Они и пьесу могут разыграть и книги успевают читать. Они наметили себе цели высокие и красивые: дальнейший рост мастерства, накопление опыта, стремление еще выше поднять престиж советского спорта, советских шахмат.

В эти дни на севере Италии в городке Мерано начался матч на звание чемпиона мира. Предстоит интересная борьба. Борьба до победы, которой мы от всей души желаем выдающемуся шахматисту XX века Анатолию Евгеньевичу Карпову. Мы уверены, что этот поединок вдохновит наших молодых мастеров на дальнейшие успехи, что пройдет несколько лет — и на нашем шахматном Олимпе появятся новые имена, достойные сравняться за шахматную корону.

Записал Ф. ПОКРОВСКИЙ.

— Не без этого. В основном жалуются на долгие сроки ремонта сложной техники. Что тут сказать? Нет нужных деталей и телевизоров, холодильников. Еще очень нужная услуга в наших краях — выделка и окраска овчин, у нас пока этого не делают.

В другом районе, Воткинском, эту хлопотную работу взяла на себя служба быта. В уютном новеньком приемном пункте совхоза «Двигатель» я уже видела на полках выделанные и покрашенные овчины — хоть сейчас шей дубленку.

Но самая главная проблема — это дороги и специальный транспорт. Есть в стране прекрасно оборудованные передвижные мастерские, где можно перевозить и телевизоры и такой нежный товар, как только что сшитый костюм или побывавшее в химчистке светлое пальто (на специальных вешалах). Но что-то таких машин на дорогах Удмуртии не видно. И трясутся в ящиках, навалом, вещи, которые подлежат на месте переглажке — дорогое удовольствие, да и как можно перегладить, например, зимнее пальто. А ведь объем реализации бытовых услуг в целом по республике увеличился за десятую пятилетку в одну и шесть десятых раза, а на селе — в два и одну десятую раза.

И еще кадры, кадры. О них забота особая. Министр бытового обслуживания Геннадий Николаевич Дмитриев — частый гость в благоустроенном общежитии для молодых рабочих. Почти каждый день наведывается и на строительство жилого дома для своих работников, в ведомственные детские сады, хлопочет о расширении садов отдыха «Липки». А теперь новое дело затевается — подсобное хозяйство. Одним словом, люди чувствуют заботу, стараются. Предприятия Министерства бытового обслуживания Удмуртии завоевали переходящее Красное знамя Совета Министров РСФСР и ВЦСПС. Достижения эти не должны успокаивать, ведь они значительны только по сравнению с прежним низким уровнем бытового обслуживания. Предстоят активные поиски новых и новых путей по сокращению «вторых» — домашних — смен.

Михаил БЕЛЯЕВ

МОЛОТ

Он грянул громом
С наковален —
Собратом грому в вышине.
Столетия,
Искрами завален,
В железном рылся он огне.

И выгибало пламя взмахов
Подковой
Дедовскую бровь,
И закипала
Под рубахой
Железу родственная кровь.

С ним
Взмах за взмахом,
Вздых за вздохом
Отлаженный
Свой длила ход —
И в поле вымахал широко
С кузнечной искрой народ.

Был на замесе том
Российском
И серп —
Опора матерей.
И зерно,
Родственные искрам,
С высоких сыпались полей.

В пожарах
Обрывались песни...
Со вскриком смертным
Ратных дел
Грознее молот
В каждой веси
И дни и ночи пламенел.

Высокий дух исходит жаром!
Он в сечи
Выкликал сынов —
И падали
Одним ударом
В боях на головы врагов.

Гремел с дружинами победно
И снова не жалел себя —
Опять железо
Мял усердно,
Крепя дворы,
Поля крепя.

И полыхало над эмалью,
Над злом,
Одетым в серебро,
Над потрясеньем,
Над печалью
Железа красное нутро.

Порыв и пламенное дело!
В огонь ушел он
С головой,
И лишь окалина шипела
В его работе
Огневой.

Он в той работе
Вызрел, зорек,
Как мастер,
Величав и рус,
Родно кузнечную в просторах
Он слышал,
Словно сердца пульс.

Земле он
Со времен лучины
Земное
Преданно творил,
Он приближал
К полям машины
И ранним
Топотом их был.

Потомок дедовского быта!
Он тяжек
В молодых руках,
Но тяжесть молота
Добыта,
Как мудрость,
В пламенных веках.

РАССВЕТНЫЙ РАЗГОВОР ОТЦА

Рассветный
Добрый разговор отца —
Слова и основательны
И гулки,—
Он петуху велел
Сойти с крыльца,
Собакам —
Не выглядывать в проулки.

Извлек птенца
Из буйного репья,
Еще не приобщенного
К полету,
Доверием согрел он
Воробья,
С утра от страха
Впавшего в икоту.

И заглянул
За солнечным лучом
Под своды листьев грядок
Огуречных:
Озябшие,
В пупырышках,
Рядком
Там огурцы теснятся
Бесконечно.

Когда хозяйка
Завернет с ведром,
Ей будет от чего
Развеселиться.
Он хвалит пчелку:
Кружит над цветком —
Спешит, пыльцой пахучей
Нагрузиться.

И увлеченной голос
И добрей —
В старании,
В рачении,
В заботе!
Касается и листьев
И корней
Он, словно сам
Взошел на огороде.

Детей разбудит
Духом зоревым —
И каждый выше
От своей снововки.
И гуще трепет
На просторах с ним,
Живей земли и неба
Перемолвки.

ВИШНЕВЫЙ САД

Засветила вишня ветку,
Дождь на ней процокал,
Но окно не отозвалось
Белизною стекол.

Засветила вишня десять
Веток золотистых,
Но окно не разглядело
Цветиков искристых.

Засветился сад вишневый,
Белизну вздымая,
Но в окне — что с ним такое? —
Тишина немая.

Ох, как нынче сад весною
В небеса подался,
Ведь не стало и окошка —
Сад один остался.

Встает луна,
Растет из тишины,
А корни белые
В реке видны.

И в небе
Рассыпается роса —
Звезда звезду
Выводит в небеса.

И потому все это
В небе есть,
Что о любви
Земля сложила песнь.

ПРИЕЗД

Ввалился земляк мимоезжий,
С собою корзину принес.
Рассветом забытым забрезжил
В дыму городском папирос.

С корзины сорвал покрывало —
И словно явилась жара,
Как будто в ней солнце лежало,
Горела в ней вишен гора,

Пылала, простором дышала...
И в чем земляка упрекнуть,
Что с вишнями вдруг забежал он —
И дальше отправился в путь!..

И выцвел уют этот пышный:
Хрусталь и крахмал скатертей,
И люди глядели на вишни,
Как звезды глядят на людей.

В ОЖИДАНИИ ГОСТЕЙ

Снега завалены снегами.
Зачем, зачем спешишь, пурга,
На эту речку с родниками
Ты кинуть новые снега?

Сюда пути далековаты,
И только лишь дворовый пес
Вокруг почти безмолвной хаты
Тропинку узкую пронес.

Кружил настойчиво и долго
По снегу, словно сеял свет.
Пусть не проезжая дорога,
А все-таки веселый след.

Он словно знал:
Торил для глаза,
Стараясь от пурги спасти,
Ведь только глянешь — видно сразу,
Как можно к хате подойти.

Старушка в ночь глядит сторожко,
Бойтся и в ночи прилечь,
Глядит, глядит она в окошко
И топчет печь, и топчет печь.

И стройность проступила в росте,
К тарелкам прежний интерес.
Не внуки словно
Грянут в гости —
Сам звездный мир
Сойдет с небес.

ВОСПИТЫВАТЬ ДОБРОТУ

Найти в Москве Юлиана Семенова так же трудно, как и купить в магазине его книги. Постоянные разъезды, затворничества, «убегания» от телефонных звонков. Мне удалось договориться с ним о встрече буквально за несколько часов до его отлета. Естественно, что я сразу же спросил, чем вызвана эта поездка — новыми творческими замыслами или продолжением начатой работы?

— Моя командировка связана с недавним моим романом «ТАСС уполномочен заявить». Хочу познакомиться со старыми друзьями и продумать вопрос о съемке многосерийного кинофильма. Кроме того, что я автор сценария этого фильма, я еще в нем играю роль Степанова.

— Новое амплуа?

— Нет, я пытаюсь актерствовать в «Солярисе» Тарковского, правда, в эпизодической роли. Вы знаете, я убежден, что писатель должен быть триединым, то есть он должен уметь при надобности поставить фильм по своему произведению и сыграть в нем роль. Вспомните Хемингуэя, который вместе с Ивенсом сделал фильм «Красная земля Испании» и выступал в нем как актер, читал текст. Ведь когда пишешь, особенно вещь драматургическую, ты как бы мысленно проигрываешь сцену за сценой.

— Уж коль мы сразу заговорили о кино, скажите, почему вам, писателю, как бы не хватает своего материала — слова и вы вливаетесь в другие жанры искусства? С чем это связано?

— Чистой прозой и только прозой, конечно, приятно заниматься. Но почему так неотвратимо тянет к драматургии, к слову, которое хочешь передать другому человеку? Заметим, «Руслан и Людмила» — поэма, но написана-то как пьеса. «Мертвые души» — поэма, «Ревизор» — пьеса, а Булгаков сделал потрясающую инсценировку «Мертвых душ». Вспомним, как Горький шел в драматургию, как Блок, поэт милостью божьей, искал себя как драматург в «Незнакомке», «Балаганчике», как Есенин пробовал себя в театре. А Шукшин? Хочется отдать свое слово режиссеру, актеру, человеку, который увидит и поймет его иначе, по-своему.

Иногда я себя спрашиваю: что тебе еще надо, ты пишешь, твои романы печатают, но нет, хочется еще иного, нового витка прочтения твоих вещей.

Да и к журналистике меня тянет постоянно, два года не поезжу как разъездной корреспондент — уже скучно. Это как спортсмен без тренинга.

— Наверное, это еще и потому, что вы, Юлиан Семенович, начинали как журналист.

— Не совсем так. Еще учась в Институте востоковедения, а затем работая преподавателем афганского языка и старшим лаборантом по науке на истфаке МГУ, я тянулся к творчеству, писал рассказы, посвященные любимой женщине. Однажды, когда я сидел на кафедре, за спиной у меня

раздалось покашливание. Это был голос моего шефа Игоря Михайловича Рейснера, профессора, выдающегося советского востоковеда, брата Ларисы Рейснер. Подсмотрев, чем я занимаюсь в служебное время, он заметил с усмешкой: «Ну, во-первых, вы злоупотребляете тире, а во-вторых, правильно говорят, не можешь не писать — не пиши. Попробуйте все-таки не писать...»

Совет был язвительным. А мне надо было решаться, к тому времени я уже сдал кандидатский минимум. И что же? Я пошел, куда бы думали? В «Огонек»? Да, да, в журнал «Огонек», там посмотрели мои опусы и дали командировку, первую в моей жизни, в Таджикистан. Я должен был сделать очерк о текстильном комбинате. Поселили меня в доме, за стенами которого, как оказалось, был звероцентр. Я заинтересовался, пошел туда. И забыл о своей теме. Напросился взять меня в горы на отлов диких зверей. В горах вместо пяти отпущенных на командировку дней я провел две недели и по прибытии в Москву написал сто страниц текста — то ли рассказ, то ли повесть. Из этих ста страниц редакция напечатала короткое сообщение в восемь строк: в горах Таджикистана трудятся прекрасные звероловы во главе с замечательным мастером Абдали. Потом, правда, весь этот материал я использовал в первой своей вещи — повести «Дипломатический агент». И опять-таки с огоньковским мандатом я поехал в первый заграничный вояж в Афганистан. Было это в 1955 году. Вы знаете, Афганистан — это моя слабость. Я горжусь тем, что был редактором первого перевода афганских стихов и переводчиком афганских сказок.

— А теперь от вашего творческого начала — в сегодня. Я знаю, что издательство «Современник» готовит пятитомник ваших произведений. Но написано вами значительно больше...

— Да, написано томов тринадцать. Это, конечно, много. Но я рад, что мои вещи читаются, ставятся на сцене, экранизируются, я рад тому, что нужен читателю. Вы знаете, сколько писем я получил об одном только Штирлице. И все спрашивают: неужели все закончено?

— Кстати, действительно, что со Штирлицем? Вернетесь ли вы к любимому герою?

— В прозе хочу вернуться к двум периодам войны. Если вы помните, в романе «Пароль не нужен» Коля, сын Штирлица, остается в Праге. Может быть, я введу его в роман об освобождении Праги. Кстати, Коля по возрасту приблизительно мой ровесник, и я вижу себя четырнадцатилетним в поверженном Берлине весной сорока пятого года, куда я попал волей обстоятельств вместе со своим отцом. В будущем романе я опишу поверженную столицу рейха. По сюжету мой Штирлиц уезжает сложными путями в Латинскую Америку. И вот там я буду его глазами наблюдать, как начиналась «холодная война» и как люди Даллеса станут искать контакты среди вчерашних нацистов. Эта книга тоже за мной.

— Судя по последнему роману, у вас появилась новая творческая привязанность, новый герой.

— Вы имеете в виду «Горение», образ Феликса Дзержинского. Да, вплотную прикоснувшись к жизни, к биографии рыцаря революции, я полюбил его. Мы все-таки подчас слишком излишне, как бы это сказать, легендируем Дзержинского, какой-то он у нас подчас действительно «железный». А вы знаете, какая это была личность, каков накал страстей пылал в его сердце, какая открытость, ярость, темперамент, воля! Так что у меня непочатый край работы.

— Юлиан Семенович, вас считают писателем детективного жанра. Как вы к этому относитесь? Вообще ваше мнение о приключенческом жанре в литературе?

— Что такое детектив в переводе с английского? Детект — исследовать. Но понятие «детектив» тоже различно. Я, например, не считаю писателем Флеминга, создателя серии романов о Джеймсе Бонде. Какие там исследования — никаких! Но в то же время с пером в руках я докажу вам, что первым детективным писателем был... Аристофан, вторым — Шекспир. А Лермонтов — в гениально детективной повести «Тамань»? А «Портрет» Гоголя — это что? Исследование падения художника. А «Вий» Гоголя? А возьмите «Гиперболоид инженера Гарина» Алексея Толстого — гениальное предчувствие фашизма. Так что на-

зывайте меня как хотите — не обижусь. В американской энциклопедии я назван создателем советского политического романа. Пусть будет так. А Сименон сказал мне, что я пишу исторические романы. Нам нужна любая литература, кроме скучной. Нашего читателя люблю и уважаю, это умный читатель.

— А что для вас главное при создании произведений — художественный вымысел, документ или конкретная судьба человека?

— По-разному бывает. Мне нравится, как писал академик Тарле, как пишут сегодня академик Трухановский, писатель Н. Яковлев. «Майор Вихрь» начался с политики. Я прилетел из Германии в Польшу, и меня пригласил на завтрак наш посол А. Б. Аристов, расспросил о моей работе. Напомнил об эпизоде спасения нашими солдатами древнего Кракова. Я заинтересовался этим фактом, поехал в Краков, нашел там товарищей, помнивших и знающих события военных лет. Бродил по местам действий наших разведчиков, вжился в город, в ту эпоху. А потом вдруг нашел несколько странничек донесений, в которых говорилось, что пять грузовиков прошло на Краков, номера такие-то, и вот эти строчки дали замысел.

Я уже писал, что книги о Штирлице начались тоже с архивной бумажки, записочки Постышева Блюхеру: «Сегодня перебросили через нейтральную полосу замечательного товарища от ФЭДа, молод, начитан, высокообразован. Вроде прошел нормально». Отсюда все пошло.

— А встречи с незаурядными личностями в жизни, они ведь тоже многое дают? Какая из этих встреч самая интересная?

— Трудно сказать. Когда я пишу политические романы, я встречаюсь со многими крупными деятелями, политиками, дипломатами, экономистами. Что сказать? Ну разве забудешь встречи с Хо Ши Мином, Вальдхаймом, Корваланом, Суфанувонгом, недавно погибшим генералом Торрихосом?

Многое мне дали разговоры с маршалом Коневым.

Скажу честно, мне как писателю интересно узнавать о каких-то исторических тайнах. Человек всегда любил тайну. Вот почему так популярен у нас детектив: там все скрыто, зашифровано, там чего-то ждешь. Тайны истории должны раскрываться, и писатели помогают в этом читателю. Меня иногда спрашивают о роли литературы в наше сложное время, так я считаю, что литература должна предотвращать несправедливость, обязана предотвращать забывчивость. Литература должна воспитывать доброту, гуманизм, то есть как раз то, что необходимо защищать в человеке, в человечестве.

Беседу вел Феликс МЕДВЕДЕВ.

В. Жемерикин. Род. 1942. ДОРОЖНИКИ. 1980.

С. Шильников. Род. 1922. СТУДЕНТЫ. 1952.

Специальный корреспондент «Огонька» Новелла Иванова беседует с кандидатом в члены ЦК СЕПГ, Героем Социалистического Труда ГДР, лауреатом Национальной премии писателем Гюнтером Гёрлихом.

Фото Томаса Зандберга

На эту встречу меня вдохновил герой последнего романа Гюнтера Гёрлиха «Извещение в газете». Именно он, Манфред Юст, молодой учитель, который, «задачивал, нравился, притягивал, отталкивал, ставил проблемы, рождая конфликты», вызвал спор среди моих друзей, московских педагогов. Спорили не только по поводу острых педагогических проблем, поднятых в этом романе. Шел разговор о любви к профессии, о долге перед обществом, о коллективе, каким он должен быть, и о взаимоотношениях двух поколений. В этих жарких спорах симпатии моих друзей, как и у меня, были на стороне 35-летнего учителя истории и географии. Придя в школу, где много лет директорствовал Карл Штребелов, Юст своей новой методикой завоевал любовь учеников и объявил беспощадную войну всем, кто лицемерил в воспитательной работе.

Самым любопытным в этих спорах было то, что советские учителя обсуждали книгу немецкого писателя так, словно она была адресована им, написана для них, и, оказавшись в командировке в Берлине, я попросила Йохима Уманна, главного редактора журнала «Фрайе вельт», с которым «Огонек» дружит долгие годы, помочь мне встретиться с писателем. Но оказалось, что Гёрлих, возглавляющий берлинскую писательскую организацию, именно в эти дни занят: в ГДР приехали московские писатели. «И все-таки ты приготовь свои вопросы», — посоветовал мне Уманн, — мы передадим их товарищу Гёрлиху и пригласим к тебе в гости!»

Честно говоря, я решила, что насчет гостей мне было сказано просто так, для воодушевления. А между тем однажды ранним субботним утром в номере гостиницы появился в сопровождении заместителя Уманна энергичный, большелобый мужчина в кожаной спортивной куртке и по-русски произнес: «Здравствуйте, я — Гёрлих!»

Субботнее утро — совсем неподходящее время для долгого интервью: я не раз замечала, что берлинцы, и особенно семейные, ревниво оберегают этот день от чужого вторжения. Извинившись перед писателем, я не удержалась от упрека:

— Скажите, зачем вы допустили гибель талантливого педагога Юста? Ведь это же было в вашей власти — оставить своему герою жизнь!

— Вот как? — с интересом встретил упрек мой гость. — Я рад, что вам понравился мой герой! Должен сказать, что у нас в стране роман вызвал лавину диспутов и обсуждений. О нем продолжают спорить и сейчас, спустя три года после его появления. Мне довелось участвовать более чем в двухстах читательских конференциях, и всякий раз Манфред Юст был в центре обсуждений! Кстати, на одной из таких встреч меня упрекнули в смерти Юста, и мне понравилось, как «за меня» ответила одна молодая читательница. Она сказала, что для нее жизнь Юста была гораздо важнее его гибели... Когда я писал роман, меня волновала проблема духовной смерти тех молодых людей, которые ничего не хотят добиться в жизни, ленивы, бездеятельны. Думаю, что большой интерес к роману — не столько моя заслуга, сколько следствие интереса наших читателей к проблемам, о которых я рассказывал. Одна из них, самая главная, на мой взгляд, формулируется так: можем ли мы себе позволить терять людей, если мы будем не слишком внимательными к ним, если в каждом человеке не увидим прежде всего личность!

— Мне кажется, что степень причастности человека к общему делу и его умение оставаться самим собой определяют судьбу человека, его личность. Судьбы людей нового общества складываются по-разному. Но герои литературы ГДР в основном люди активные, творческие, умеющие преодолевать трудности. Мне запомнились такие энергичные герои, которые шагнули из жизни в литературу первых двух десятилетий существования новой, демократической Германии. В те первые годы внимание писателей было сосредоточено на показе экономического и культурного подъема республики. А сейчас, на ваш взгляд, сегодня главная тема литературы ГДР?

— Я бы не проводил четкой границы: вот эта тема преобладала в шестидесятые годы, а эта — в пятидесятые. Мне кажется, что в последнее десятилетие на повестке дня нашей литературы встала Современность. Помните, Герман Кант своему роману «Выходные данные» предпослал эпиграф из Генриха Гейне: «Сейчас самое главное — современность, и характер заданной ею темы определяет все, что будет написано в дальнейшем!» Речь идет о том, как передать атмосферу повседневного, будничного

смерть», повести «Трудная любовь», «Чуть ближе к облакам» и автобиографический роман, переведенный на русский язык, — «Возвращение на родину, в страну незнакомую».

Главные герои творчества Гюнтера Гёрлиха — молодые люди, и я спросила писателя, как выглядит в его представлении групповой портрет молодого поколения его страны.

— Нарисовать такой портрет — тяжелая задача, даже очень сложная! Ведь люди разные, и молодежь у нас разная. У меня трое детей. Сыну 26 лет, он изучает германскую филологию и собирается преподавать литературу в педагогическом институте. Дочери 21 год. Она училась на портниху, вышла замуж, родила малыша и живет целиком интересами своей маленькой семьи. А младшему сыну — 16 лет. Он учится на слесаря, и я, как мне кажется, понимаю его лучше остальных своих детей. Он любит и хочет работать руками и преклоняется перед теми, кто умеет мастерить толковые, полезные вещи. Он любит танцы, гоняет на велосипеде. Что же их всех трех все-таки объединяет? Они все трое имеют хорошие знания. Я вижу, как постепенно они сталкивались лицом к лицу с политическими проблемами, все они относятся к ним по-разному. Дочка поспокойнее, старший сын сознательно изучает их, а младший еще только-только входит в мир

ство знаний, которое им дает социалистическое государство. По-другому вступало в жизнь мое поколение — поколение пятидесятилетних. Мы прошли через горнило войны и начали строить новую Германию с того, что учились заново понимать, что значит быть немцем! С той поры миновало свыше трех десятилетий, и новое поколение уже идет на смену по-

ЗНАКОМЬТЕСЬ- ГЮНТЕР ГЁРЛИХ

революционного процесса. Я убежден, что сегодня и в будущем эта тематика должна занимать главное место в творчестве писателей. И чем более развитыми и более зрелыми становятся социалистические общественные отношения, тем более внимательно мы должны всматриваться во внутренний мир человека. Как он живет? Чему радуется? Что его вдохновляет и что тревожит?

— Когда вы рассказываете читателям о своих героях, о личности, что вас в них больше всего интересует — их настоящее, прошлое или будущее?

— По-моему, в центре внимания автора должно быть настоящее, будущее и прошлое. Например, отец Манфреда Юста — рабочий, а сам он — интеллигент, но никогда не забывает о своих рабочих корнях! И каждый из нас должен не только помнить о своем прошлом и дорожить настоящим, но и знать свое будущее. В буржуазной литературе герой чаще всего без веры в будущее. А мы, литераторы социалистического мира, должны ответить, каким будет будущее наших героев, взглянув в него не через розовые очки!

...Мой собеседник родился в 1928 году. Работал строителем, полицейским, воспитателем и редактором. Закончил Институт литературы в Лейпциге и дебютировал в начале 50-х годов с маленькими рассказами для детей. Затем появилась повесть о молодежи «Черный Петер», она была переведена у нас в стране. Потом роман «Самое дорогое и

этих проблем. Да, многое в жизни, а именно — блага, наша молодежь уже воспринимает как само собой разумеющееся. Это так! Но в то же время я знаю: наше молодое поколение — нравственно здоровое поколение. Ему, например, совершенно чуждо понятие расизма, и это дорогого стоит!

— Откуда вы черпаете свои сюжеты? Это ваша прожитая жизнь или истории, рассказанные знакомыми? Например, как родился замысел романа «Извещение в газете»?

— В 50-е годы я работал воспитателем в маленьком городке неподалеку от Берлина, и с тех пор накопилось немало впечатлений о школе и проблемах педагогики. О чем этот роман? Конечно, о школе, об учителях. Но не это главное! В нашей стране, как и в СССР и других социалистических странах, молодое поколение — в центре внимания всего общества. И это не случайно. Ведь в нынешней школе, как в капле воды, отражены все проблемы жизни общества. Вот почему так заманчива для меня была возможность исследовать молодое поколение новой Германии. Эта тема меня взволновала и волнует по сей день и как писателя и как кандидата в члены Центрального Комитета нашей партии, на заседаниях которого не раз вставал вопрос о нашем будущем, о нашей молодежи. У нее отличные знания, и все-таки они, молодые, еще недостаточно используют все богат-

ство знаний, которое им дает социалистическое государство. По-другому вступало в жизнь мое поколение — поколение пятидесятилетних. Мы прошли через горнило войны и начали строить новую Германию с того, что учились заново понимать, что значит быть немцем! С той поры миновало свыше трех десятилетий, и новое поколение уже идет на смену послевоенным детям. Это дети тех детей, которые хотя и выросли в голоде и лишениях, но с сознанием того, что социализм не фраза, а счастье для трудового человека. А для их детей война — далекое прошлое и социализм — благо, которое они принимают как нечто само собой разумеющееся. И я и мои ровесники, мы хотим сказать этим очень грамотным и физически крепким ребятам: вам неизвестны те материальные проблемы, с которыми встретились мы, когда были такими, как вы сегодня. Но знаете, что вам предстоит столкнуться с серьезными моральными проблемами; без драматизма мы должны им сказать, что за свои идеалы им предстоит драться с врагами. Ведь наша страна — на самом переднем крае фронта идеологической борьбы. И наши противники используют все средства массовой информации, чтобы расшатать веру в социализм прежде всего у молодых людей...

Слушая взволнованную речь Гюнтера Гёрлиха, я вспоминала споры в Москве о поступках незнакомых нам учителя Манфреда Юста и думала о том, что совсем не случайно эта книга, как и многие другие, созданные писателями социалистических стран, воспринимается нашими читателями, словно они о нас, о нашей заботе. Духовная близость — вот что делает эти произведения такими нужными для нас. И я задаю писателю Гёрлиху свой последний вопрос:

— Как отражается на развитии литературы ГДР процесс постоян-

ной ее взаимосвязи с литературой нашей страны?

— Этот вопрос огромного значения! Для меня, например, каждая встреча с многонациональной литературой Советской страны становится праздником. Почему? Попробую объяснить... Моя первая встреча с советской литературой произошла после того, как я 17-летним парнишкой попал в плен и в 1946 году оказался в положении человека, потерявшего представление о своем будущем. Каким оно будет? В голове была каша настоящая, и я, работая в лагере за Уралом, присматривался к русским, советским людям, пытаюсь в них угадать свою судьбу. Первая русская книга, которую я прочитал, был шолоховский «Тихий Дон». Я спросил у одного парня: про что эта книга? Он ответил: «Это мировая книжка про любовь и про приключения!» Я стал читать... Любовь? Да, там была любовь, а приключений я там не нашел. Нет, не все мне было понятно в этой книге! Но вот что было удивительно: я тогда еще не понял, но зато почувствовал, как шла классовая борьба в далекие годы на Дону. Книга эта произвела на меня одно из самых глубоких впечатлений. Во мне постепенно пробудился интерес к советской литературе, и я должен сказать, что это сыграло большую роль в моем рождении как писателя. В 1967 году я побывал у Михаила Шолохова в Вешенской. Я приехал туда в составе делегации молодых писателей социалистических стран. До чего же это была замечательная поездка! Сколько интересных, сколько важных разговоров мы вели с утра до полноты, а иной раз и вовсе всю ночь! Тогда я впервые встретился и подружился со многими замечательными писателями... Просто не мыслю себе развития нашей литературы без этих тесных, сердечных контактов с писателями социалистических стран, с советскими писателями и, конечно, без возможности прочитать, узнать, что нового написали Юрий Бондарев, Даниил Гранин, Чингиз Айтматов, Федор Абрамов и другие!

Я очень рад, что некоторые из моих книг переведены в СССР, что их прочитали советские люди, к которым я питаю самую сердечную симпатию. Мы знаем, какую большую роль играет наш Договор о дружбе, взаимной помощи и сотрудничестве с Советским Союзом. Особенно важно значение этого договора сейчас, когда международная обстановка обострилась и на страны обрушился поток антисоциалистической, антисоветской пропаганды. В этих условиях народам наших стран нужно еще ближе, еще теснее стоять друг к другу. Литература, искусство могут тут сыграть большую роль. Ведь очень важно, чтобы из книг, которые мы создаем, наши люди еще лучше узнавали друг друга, глубже понимали суть проблем, которые всех нас волнуют. Я много раз побывал в вашей стране и хорошо знаю, что советские читатели — лучшие читатели, и мое мнение, думаю, разделяют многие писатели ГДР. И всех нас бесконечно радует появление у нас в стране массового читателя, который жадно ищет новую книгу и предъявляет нам, писателям, требование писать хорошо, честно, правдиво, не прячась от острых тем!

Берлин — Москва

АЛИМ КЕШОКОВ

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

АДХЕМ

Шли дни. Жираслана больше не тянуло на прогулки. Однажды, когда он сидел в своей богато убранной комнате на втором этаже в ожидании завтрака и глядел из окна на минареты мечети Ахмедии, упирившиеся в облака своими остриями, внизу слышались голоса.

«Я не отберу у тебя гостя, Халида-джаным, кланяюсь богом», — уверял мужской голос. «Кто это так рано пожаловал?» — подумал Жираслан и решил, что это канатоходец, циркач разыскал его, хотя князь и не говорил ему, где остановился.

В гостиной Жираслан увидел усача средних лет, небольшого роста, в череске добротного сукна и легких кавказских сапогах, в кубанке серого каракуля, обвешанного оружием: сабля, пистолет, кинжал, патронташ на поясе с двумя запасными обоймами. От гостя пахло табаком, дорожной пылью, конским потом; лицо его, крупное, широкое, мужественное, было неподвижно, большой рот плотно сжат, по-крестьянски медлительны в движениях крупные руки, ладони которых были похожи на деревянные лопаты, а пальцы — на початки кукурузы. Пронзительны и быстры были только его темные глаза.

— Вот мой дорогой гость! Князь Жираслан! — Халида с радостью, подчеркнуто торжественно представила незнакомцу князя. А это, — Халида-джаным бросила быстрый взгляд на раннего гостя, — Адхем, гроза захватчиков, не один десяток тысяч золотых обещают оккупанты тому, кто его заманит в капкан! Не ведают волки, что он сам вблизи их логова рыщет, подчиняется только аллаху, после аллаха — немножко мне. — И Халида залилась звонким смехом.

«Вот он какой, глыба от скалы, которую река не успела обкатать, отшлифовать», — подумал Жираслан, вскинув брови при слове «Адхем».

— Я слышал о тебе. Твое имя достигло наших гор, мне приятно видеть твое лицо. — Жираслан с любопытством рассматривал неожиданного гостя, а тот звонко хлестал плеткой по голенищам коротких сапог, будто подстегивая коня.

— Прошу, господа, располагайтесь поудобней. — Халида пригласила мужчин сесть за маленький столик. — Где двое мужчин, женщины делать нечего. Я займусь чем-нибудь полезным для дома.

— Ты всегда права, Халида-джаным, — в тон ей ответил Адхем, — но не уходи надолго. Без тебя нам не вить веревку мужского разговора. — Он повысил голос: — Хотя женщине при-

Недавно Алим Кешоков закончил роман «Сабля для эмира», который развивает и дополняет тему его романов «Чудесное мгновение» и «Зеленый полумесяц». В нем говорится о борьбе за Советскую власть на Северном Кавказе против контрреволюции и интервентов.

Предлагаем вниманию читателей отрывок из романа. Полностью он публикуется в журнале «Дружба народов».

ятней, если она остается с одним мужчиной. — Адхем хохотом наполнил огромную гостиную, довольный своей грубоватой остротой.

— Смотри с каким мужчиной, — нашла Халида.

— Таким, например, как князь Жираслан. Меня ты нисколько не любишь, напрасно я стараюсь: у врага укрепления отбить могу, а твое сердце за семью крепостными стенами, неприступно.

— Несносный Адхем, — сказала Халида и выпорхнула из комнаты, повеяв пряным ароматом духов. Жираслан с удовольствием заметил, что она не снимает подаренных им украшений. От его внимания не ускользнуло и то, что между Адхемом и Халидой, активными деятелями комитета черкесского сотрудничества, нет согласия. Турция приютила выходцев с Кавказа, долг обязывает кавказцев защищать дом, в котором они нашли тепло, оберегать хозяина, принявшего их под свой кров, так велят благородство и долг, считал Адхем, рассматривая Турцию как свою родину, а султана — как хозяина «дома». Халида Адиб поддерживала Кемаля-пашу, видела в нем будущее Турции, связывала судьбу страны с его именем; Адхем не разделял взглядов Халиды, хотя ценил ее ум, красоту и обаяние, любил и готов был постоять за нее в случае необходимости.

Началась война, и Турция, не подготовленная к ней ни в военном, ни в экономическом и политическом отношениях, была подставлена под удар Антанты; из трехмиллионной армии к моменту заключения позорного перемирия осталась седьмая часть, только дезертиры составили триста тысяч. Такой исход войны предвидел английский посол в Турции Маллет в самом ее начале: «Не турецкий народ — оттоманское правительство извлекло меч, и оно же, я осмелюсь это предсказать, от меча погибнет». Он выражал настроение Ллойд-Джорджа, утверждавшего, что «турок является чумой и проклятием тех мест, где он раскинул свою палатку», и что «в отличие от хищного зверя из легенды турок не знает даже чувства благодарности к человеку, вылечившему его раненую лапу»; английский лидер не говорил о том, что союзники ранили оттоманскую империю не в лапу, а в душу и что они предвкушают предстоящий дележ шкуры завидной добычи.

Это знал Адхем, ошибочно видя в Кемаль-паше виновника всех бед, обрушившихся на страну, но скрестить саблю с Мустафой Кемалем не спешил, зная: надо изгнать оккупантов с турецкой земли. Внутреннее переустройство — дело меджлиса и разных партий, а он о политической карьере не мечтает, закончит войну — вернется со своими братьями на ток домочлаивать скирды хлеба, но вернется с чувством исполненного долга. Адхему явно не хватало гибкости, политического чутья. Там, где надо действовать расчетливо, тонко, он действовал силой, шел напролом, веря в свою мощь и правоту.

Адхем — джигит, рубаха-парень, бесстрашный военачальник, за ним идет масса, верит ему, в военных делах он удачлив, это вскружило ему голову, он надеялся, что Кемаль-паша подчинится его силе.

Кемаль-паша образован, завоевал умы и сердца многих, он политик, быстро ориентирующийся в сложной обстановке. (Придя к власти, он немедленно заключил ряд договоров с Советской Россией, получит военную помощь,

САБЛЯ

создаст сильную армию, заботясь о безопасности своей страны. А заодно нанесет удар в спину своему сопернику Адхему, чтобы вынудить его сложить оружие, но Адхем предпочтет перейти на сторону греков.

Примерно в это же время станет известно, что три представителя от меджлиса пытались на моторной лодке добраться до Крыма, отсюда — до Москвы, чтобы встретиться с Советским правительством, с Лениным. В последнюю минуту, когда все будет готово, моторную лодку угонят неизвестные «патриоты», считавшие немыслимым, чтобы турки обратились за помощью к Советам, о которых говорили: «Они хотят захватить морские проливы»).

В этих-то вопросах Адхем и Халида Адиб и придерживались разных точек зрения, хотя каждый из них ошибался по-своему.

Оправдываясь, будто его кто-то упрекал, Адхем заговорил, оставшись наедине с гостем:

— Клянусь, я случайно узнал о твоём приезде, смотрю, во дворце бегают Халида с бумагой в руке, спрашиваю: «Халида-джаным, куда так быстро, разве твоя собака поймала лису?» Отвечает: «Не собака, я сама поймала». «Кого?» «Не кого, а что. Для своего гостя с Кавказа выхлопотала пропуск за подписью самого султана». «У тебя гость с Кавказа? Чего же не зовешь меня, не знакомишь с ним, разве тебе не надо хагарей, собеседников для гостя?» «Некогда, едем в Анкару. Потом». Я говорю: «Потом поздно будет, и я еду в Кутахию, свою столицу, там, как уйдешь в дела с головой, даже если у тебя рога, — никто не увидит». «Ну, — говорит, — тогда сейчас или никогда. Поехали». Я и приехал.

— Я тоже хотел встречи с тобой, — сказал Жираслан не очень уверенно, боясь, что речь опять пойдет о политике, о событиях в России, о переменах на Кавказе и он будет чувствовать себя несмышленишем.

Так оно и произошло.

— Скажи мне: кто правит на Кавказе? В Турции образовалось три столицы: Стамбул — столица султаната, Анкара — там Кемаль-паша, в Кутахии я обосновался. А у вас?

— На Кавказе правителей еще больше. На счет столиц не скажу, но правительств хоть отбавляй. В одном Дагестане не меньше трех. В Чечне Узун-Хаджи, Тапы Чермоев, Ибрагим Чуликов с Алиевым, в Кабарде пока один правитель, если не считать Советов. Советы загнаны в горы, правят медведями.

— Кто палку взял, тот и правит?

— И без палки правят. У Тапы Чермоева ничего нет. У генерала Бековича-Черкасского — кавалерийская дивизия.

— Царский генерал?

— Да. Генералы — он и чеченец Эрисхан Алиев. — Жираслан боялся, что Адхем копнет поглубже, но вопросы были нетрудные. Он успокоился: Адхем, как и сам князь, неграмотный человек, газет и прокламаций не читает, значит, они равные собеседники.

Адхем подумал, поморщил лоб, спросил:

— Кто такой Чичерин?

— Где он — в Тифлисе, Баку?

— В Москве, должно быть. А может, в Петербурге. Где царь был?

Жираслан заерзал в глубоком кресле. Хорошо хоть нет Халиды, не видит она, как ее гостя загнали в угол, прямо в темную пещеру, откуда не видно ни зги.

— Не знаю. Не слыхал, — выдал он.

— Жаль, — сказал Адхем разочарованно. Ему хотелось узнать хоть что-нибудь о Чичерине, с именем которого Кемаль-паша связывает свои надежды и к которому собирались ехать члены меджлиса.

— Всех я не знаю, — признался Жираслан, — знаю, самый главный большевик — Ленин. На Кавказе его правая рука — Серго Орджони-

кидзе, еще — Сергей Киров, Николай Гикало. В Кабарде у нас — Инал Маремканов.

Адхем удивил Жираслана своими рассуждениями. Он явно повторял чьи-то слова.

— Англии склонить бы Шерифа Мекки-Гусейна на свою сторону, она закинула удочку — обещает ему единое арабское государство под властью династии Хашимитов. Для чего? Превратить Палестину в английский протекторат? Сказал же Ллойд-Джордж: «Мы явимся в Палестину как завоеватели и останемся там». А арабы думают: рухнет оттоманская империя — они обретут самостоятельность. Как бы не так! Будто свет клином на Палестине сошелся. Нефть и Палестина — два яблока раздора, из-за них державы столкнулись лбами...

Когда разговор о политике продолжили в присутствии Халиды, она задумчиво повторила:

— Что потеряли великие державы на нашей земле? Ничего они не потеряли, но они ищут. Ищут ключ к мировому господству. Босфор — ворота трех морей: Черного, Мраморного и Средиземного. Встанут они у ворот, начнут перебирать, какие корабли пропускать, какие нет.

— Аллах дал Босфор не англичанам, не американцам, а туркам. Разве турки не могут сами стоять у своих ворот?

Халида не сразу ответила.

— Если бы каждый стоял у своих ворот, берег то, что аллах ему дал, не было бы войн. Но все зарятся на чужое добро.

— Значит, волчий закон — у своего логова овец не дерут, идут за тридевять земель, чтобы грабить, и грабят кого? Слабых! Значит, кто с кого шкуру сдерет? Не тронут только голых или тех, у кого шкура никуда не годится...

— Ну, Адхем, сдаётся мне, у тебя на все эти вопросы есть ответы.

— Не на все, Халида-даха. — Адхем заменил

ДЛЯ ЭМИРА

«джаным» — госпожа — на более интимное и ласковое «даха» — милая, дорогая, красивая. — На вопрос, ради которого я пришел, ответа нет.

Халида тут же воспользовалась оплошностью Адхема.

— Ты пришел увидеть дорогого гостя с Кавказа, по твоим словам, а не вопросы ему задавать. Не так ли, Адхем? Если нет, ты не уважаешь гостя. — Халида притворилась оскорбленной.

— Ты не так поняла меня, Халида-даха. Я рад увидеть князя Жираслана. Ты же знаешь, мой язык, как плохой плуг: то зароешь в землю, то пашет мелко, а то и огрехи делает. Извини, Жираслан, я многословен, душа болит. — Адхем подкупал чистосердечностью. — Я, честно признаюсь, болею за всю страну.

— У кого теперь душа не болит? — Халида вздохнула, на ее красивое лицо легла тень, глаза погасли. — У слабых и малых народов болит от бессилия, не могут они защитить ни себя, ни своих богатств. У сильных — от зависти, хотят захватить все, что радует глаз, покорить слабых, завладеть их богатствами... Флаги на кораблях в Босфоре сам видишь...

Беседа могла длиться долго, но Адхем зашел, Он наотрез отказался от угощения, накинуд на себя длинную абая¹, повязал чалму, чтобы его не узнали, и уехал в свою столицу. Пригласить с собой Жираслана не посмел.

В АНКАРЕ

Ехать в Анкару к Рауф-бею решили поездом, хотя поезд тащился всю ночь, на станциях подолгу стоял, люди в военной форме непрерывно проверяли документы при тусклом свете фонарей. С особым пристрастием и тщательностью проверяли пропуск у Жираслана. Иногда патрульный, не доверяя своему чутью, что-то бормоча, впивался в подозрительного пассажира глазами, тыкал пальцем в документы, читая по слогам, пока не выводил из терпения Халиду Адиб.

— Ты что, не все буквы выучил — не видишь, кем пропуск выдан? Подпись султана ни о чем тебе не говорит? Едет человек по государственному делу! — нападала она на проверяющих, не разбираясь, кто из них признает султанское правительство, а кто — национальную ассамблею Мустафы Кемал-паши. У нее была своя «рука» в том и в другом правительстве, поэтому она позволяла себе покрикивать на всех. В своем романе «Новый Туран» она словно угадала, какая судьба ожи-

дает Анкару. В книге название города вымышленное, как и имя героини. Кая — эмансипированная женщина с утонченным вкусом, воспитанная на западной культуре. Ее любовь — любовь замужней женщины к женатому человеку — приводит к трагической развязке. Эти события разворачиваются на политическом фоне. Герои мечтают о создании великого государства — Турана, основанного на законах единства, согласия и справедливости; их идейные противники османисты цепляются за старое, отжившее свой век. Османистские козни и разлучают героев. Он гибнет, она с презрением отворачивается от противников пантуркизма, погубивших ее любимого.

В Турции зачитывались этим романом, и лучшим пропуском для Халиды Адиб была бы фраза: «Я автор «Нового Турана». Но кто из этих проверяющих читает что-нибудь, кроме пропусков?

— Усы с изъёмом вызывают подозрение, шутил Жираслан, осторожно подкручивая менее пышную половину своих усов.

— Ничему не верят, никого не признают, — сердилась Халида.

Поезд еле дотащился до Анкары, загромычал буферами, заскрежетал тормозами, шипя и грохоча, остановился возле длинного одноэтажного здания с колоколом у главного подъезда. К вагонам бросились толпы заждавшихся, через них с трудом пробились Жираслан и Халида. Еще трудней оказалось устроиться на ночлег. Анкара, древнейший, захолустный городишко с тридцатитысячным населением, окруженный холмистыми горами, в эти дни напоминала военный лагерь. Всюду размещались военные части, правительственные учреждения, заняты были не только дома, но и сараи, даже чердаки. Приезжие тщетно искали пристанища, о гостинице не могло быть и речи.

— Не будем больше мыкаться, — решительно заявила Халида, — пойдем прямо к Рауф-бею, пусть устраивает у себя или найдет нам что-нибудь в этом забытом богом городишке.

Жираслан не знал, в каких отношениях Халида с премьером анкарского правительства.

— Обо мне можешь не беспокоиться. Я могу спать и в конюшне, а еще лучше — в чистом поле.

— В конюшне? Никогда. Если Рауф-бей не приютит нас, ему же хуже, приедет в Стамбул — меня не минует. Мы его гости — и все, о нашем приезде Рауф-бей предупрежден.

Премьер нового правительства со всей канцелярией размещался в единственной небольшой частной гостинице, охраняемой солдатами. Рауф-бей занимал несколько комнат

на втором этаже, окнами во внутренний дворик, тоже тщательно охраняемый. Первый этаж был занят государственными служащими, наиболее важные отделы размещались на втором этаже, примыкая к кабинету Рауф-бея.

Жираслану и Халиде пришлось ждать. Помощник Рауф-бея, высокий, интеллигентного вида мужчина, отвечал на телефонные звонки, говорил с англичанами по-английски, с французами по-французски, с итальянцами по-итальянски. Рауф-бей находился на экстренном заседании. «Теперь все заседания экстренные, чрезвычайные или срочные», — думала с досадой Халида Адиб.

— Долго еще? — волновалась она.

Помощник пожал плечами.

— Закончится — даст знать. — Он посмотрел на воночек.

— Ты бы доложил: князь Жираслан с Кавказа и Халида Адиб...

— Халида Адиб? — засиял озабоченный помощник, глянув на женщину удивленными глазами. — Халида Адиб! Боже мой, я вас знаю давно, ваши «Севие Талиб», «Хандан», «Новый Туран» — мои любимые книги, всей семьей читаем. Извините, ради аллаха... Может быть, чашку кофе?

— С удовольствием. — Халиде было приятно. — Как ты, князь?

— Я тоже, — согласился Жираслан только из чувства солидарности.

Помощник заказал кофе и заговорил о литературе, насторожив этим Жираслана, который боялся попасть впросак.

— Вы бы пощадили своих героев, Халида-джаным, слишком печально у вас все кончается, герой или гибнет, или сходит с ума.

— Как щадить их? Жизнь, дорогой мой, обстоятельств приводит к этому. — Халида рада была поговорить с читателем. — Вот я пишу новую книгу, хочу назвать ее «Огненная рубашка», о национально-освободительной борьбе. Война, каждый час гибнут люди, два офицера, потерявшие всех родных и близких, влюбляются в одну женщину, естественно, красавицу. В романе не только любовь, но и героизм, мужество тех, кто сражается за родину, и зверства оккупантов. Как тут обойтись без гибели, как щадить героев?

— Да, да. Вы правы. Как в жизни, так и в литературе.

Принесли кофе, но выпить его не успели. Что-то щелкнуло, наверно, условный знак, помощник премьера исчез и через минуту появился в дверях с радостной улыбкой:

— Прошу, Халида-джаным. Премьер-министр вас ждет.

Окончание следует.

ПОЛИГОН ДЛЯ РАСТЕНИЙ

Ю. СУРХАЙХАНОВ

Знаете ли вы, что в оранжерейном отсеке фитотрона Института физиологии растений имени К. А. Тимирязева Академии наук СССР зеленеет пшеница, которая перенесла «заморозок» с температурой минус 193 градуса по Цельсию? А ведь известно, что растение — хрупкий организм. Один раз за двадцать лет ударит мороз чуть ниже критической для яблоки или вишни температуры, и в садах летом чернеют погибшие деревья. Каждый год хлебопобы переживают тысячи гектаров озимых — иногда в этом виновата одна холодная ночь...

Здесь же, на фитотроне, растения подвергаются самым различным испытаниям: они растут при засухе, на засоленных почвах и даже при поистине космических морозах. С ними поступают примерно так же, как конструкторы

с новой моделью автомашины, самолета, локомотива, испытывая их на удар, на максимальную скорость, на износ.

— А вот еще невымерзающие растения, воспитанные на нашем фитотроне. — Научный сотрудник лаборатории зимостойкости доктор биологических наук Т. И. Трунова указывает на густой смешанный «лесок» березок, черной смородины и абрикосов. К каждому растению привязана бирочка с указанием температуры, которую оно выдержало. Первенство, безусловно, принадлежит березе и черной смородине — 253 градуса мороза, но и сугубо южный абрикос впечатляет — минус 70 градусов, будто переместился в Антарктиде. Тамара Ильинична рассказывает, что в лаборатории изучены условия закалывания растений и физиологический механизм, который позволяет им становиться невымерзающими: растение сначала вводится в состояние глубокого покоя, затем проходит две фазы закалывания в холодных шкафах фитотрона.

К сожалению, искусственно созданная морозостойкость растений не закрепляется наследственно и даже легко утрачивается при потеплении. Тем не менее результаты лабораторных опытов демонстрируют потенциальную возможность растений переносить очень большие холода в определенных условиях. Эту способность и стремятся теперь физиологи растений использовать для практических целей.

Сравнивая растение с двигателем, самолетом, локомотивом, нельзя обойти вопрос топлива. Ведь закон сохранения энергии, тот самый, что пресекает все поползновения желающих создать вечный двигатель, распространяет свою власть и на органический мир. «Из ничего не получается ничто» — так его шутливо и кратко формулируют биологи.

Универсальным источником энергии для всего живого является Солнце. Под воздействием его лучей (не случайно им дали в народе определение — живительные) в листьях происходит один из самых удивительных процессов на земле — фотосинтез, превращение неорганических веществ в органические и в конечном итоге неживой природы в живую.

Но, как установлено, растения могут пре-

красно развиваться и давать урожай без солнца, под светом ксеноновых или металлогалогенных ламп. Впрочем, их свет есть не что иное, как преобразованная энергия солнца.

Научный куратор по новым источникам света, кандидат биологических наук Н. Н. Протасова провела меня по всему фитотрону. Он состоит из 38 камер различного назначения и 6 холодильных шкафов, где сотрудники лабораторий института ставят эксперименты в строго заданных климатических условиях. Здесь можно смоделировать климат любой точки нашей планеты, имеется даже установка, где дуют суховеи. Но можно создать и совершенно идеальную среду для растения, какой, увы, нет нигде на земле, то есть температуру, влажность, питание, освещение и спектральный состав света, при которых растение могло бы наиболее полно проявить свои возможности. И, наконец, помидоры дают урожай, в 5–6 раз превышающие обычные для полевых условий. Казалось бы, какая от этого практическая польза, если такие урожаи не получишь в огороде? Но дело в том, что ученые таким образом выясняют потенциальную продуктивность растений, что важно для селекционной работы.

— А эту камеру можно назвать мечтой селекционера, — говорит Нина Николаевна.

Небольшая комната залита тропическим солнцем, мощные ксеноновые лампы создают полную иллюзию, даже глазам больно.

— Пшеница дает здесь шесть урожаев в течение года, а значит, во столько же раз можно увеличить скорость выведения новых гибридных форм и сортов. Кроме того, можно быстро размножить их семена, испытать в строго заданных условиях.

Фитотроника, по словам директора института академика Андрея Львовича Курсанова, имеет большие перспективы в биологической науке, причем не только в теории, но и в практике, где она становится незаменимым инструментом в работе селекционеров.

— Уже сейчас на фитотронах нашей страны решаются многие проблемы, с которыми связано будущее человечества. Я имею в виду задачи по жизнеобеспечению людей продуктами сельского хозяйства, — говорит ученый.

ДИВЕРТИСМЕНТ НЕ СОСТОЯЛСЯ

Странная, очень странная книга. Прекрасно изданная, со вкусом оформленная, с десятками великолепных иллюстраций, она как бы открывает нам прекрасное лицо нашего советского балета, его чудесных балерин и великолепных танцовщиков, не раз увенчанных международными и нашими Гран-при. Казалось, все гармонично... Но стоит прочесть «Дивертисмент» В. Гаевского, как это внешнее радостное впечатление мгновенно исчезает. В ней не только нет ясности мысли, справедливой, беспристрастной оценки событий и деятелей искусства, четко аргументированного мнения — она полна двусмысленных суждений, надуманных выводов, тенденциозно подобранных фактов.

Критик не увидел процесса развития балетного искусства в целом; для него частности заслонили главное.

В построении книги автор использует «метод контраста»: экскурс в историю балета XIX века нужен ему не для того, чтоб взглянуть на сегодняшний день сквозь призму прошлого, а чтобы негативно оценить состояние современного советского искусства. Только в романтическом балете эпохи «божественной Мариин», Тальони, видит Гаевский идеальный, по законам красоты преобразованный мир.

Преемниками же возвышенной красоты романтического балета являются для него американский хореограф Дж. Балanchin и бельгиец М. Бежар; только в их творчестве, по Гаевскому, сохранились «романтическая тоска по абсолюту» и «чистая образность чистого классического танца». За один полет Тальони или арабеск Спесивцевой Гаевский готов отдать все балеты Ю. Григоровича, якобы лишенные танцевальности и гармоничного мира старых балетов.

Видевший Тальони и Спесивцеву лишь на гравюрах и фотографиях, Гаевский складывает в их честь торжественные оды, зато выдающихся советских хореографов, таких, как Ф. Лопухов, К. Голейзовский, В. Вайнонен, Р. Захаров, Л. Лавровский, чье творчество ставило целую эпоху в советском балете, Гаевский не замечает или упоминает мимоходом.

О ведущих хореографах 30—40-х годов автор книги небрежно упоминает: «Советское балетмейстерское искусство только складывалось как профессия и театральная система».

В. Гаевский. Дивертисмент. М., «Искусство», 1981.

Конечно, раз балетмейстерское искусство «находилось в зачаточном состоянии», то и творчество М. Семеновой, Г. Улановой, А. Ермолаева Гаевскому рассматривать позволительно в отрыве от работ хореографов; хотя вряд ли Гаевский не восхищался Улановой в лучших ее работах: Марией в «Бахчисарайском фонтане» Р. Захарова, Джульеттой в «Ромео и Джульетте» Л. Лавровского... А разве не потрясал его Ермолаев в партии Тибальта?.. Но эти спектакли Гаевский пренебрежительно именует «драмбалетами», хотя такой термин искусствоведами вообще не употребляется. Самый же драматический балет как жанр возник в 30-х годах, будучи отрицанием условности старого балета; и надо ли Гаевскому переоценивать прогрессивный новаторский смысл хореографии 30—50-х годов?.. В балетной критике сегодня, как никогда, необходим анализ творчества советских хореографов. Это помогло бы установить их подлинное место и значение в истории балетного театра и оградить их деятельность от «вкусовой» оценки приклеивания ярлыков.

В процессе работы над книгой Гаевский ухитрился не увидеть на должности главного балетмейстера Большого театра ни Р. Захарова, ни Л. Лавровского. Руководимый только ему одному понятными соображениями, автор пишет, что, «по сути дела, после смерти А. Горского, случившейся в 1924 году, место главного балетмейстера оставалось вакантным». Значит, до прихода в Большой (в 1964 г.) Ю. Григоровича театр оставался в течение сорока лет без руководства?!. А то, что Ю. Григорович сменил Л. Лавровского в должности главного балетмейстера, видимо, Гаевскому тоже осталось неизвестным?.. Но это не ошибка. Не случайность. Это выпад. И выпад грубый, с одним намерением — задеть, обидеть, унижить... Автор владеет искусством оскорбить даже «похвалой», обидеть сомнительным комплиментом: тут для автора не существует этических преград. То, что пишет он о директоре Московского хореографического училища народной артистке СССР С. Головкиной читать просто неприятно. Затаенный смысл, легко прочитывающийся между строк, придает оттенок необъективности и предвзятости многим его оценкам.

Автор не обобщил то новое, что внес в балетный театр Ю. Григорович. Вместо серьезного разговора получаем набор только негативных и вполне легких оценок. «Щелкунчика» Гаевский объявляет «детским» балетом. «Иван Грозный» трактуется им как

«жестокий» балет. Анализируя «Легенду о любви», автор утверждает, что лирика этого балетмейстера не дансанта (то есть не танцевальна). А ведь с именем Ю. Григоровича связан новый, значительный этап в развитии советского балета. И работам Ю. Григоровича дали свою верную оценку и зрители и критики. Его балеты стали украшением репертуара многих театров страны.

Желая зачеркнуть творчество Ю. Григоровича — как до этого Гаевский зачеркивал работу хореографов драматического балета, — автор обнаруживает творческую несостоятельность. Сознательно обвиняя Григоровича в традиционализме, противопоставляя ему ведущих виртуозов-танцовщиков, Гаевский обычные творческие споры, разногласия раздувает до уровня «драмы» Большого театра. Деловой спор между балетмейстером и артистами понадобилось выносить на страницы только для того, чтобы объявить о возникшем, по мнению Гаевского, художественном тупике балета Большого театра!

Автор книги «Дивертисмент» не только не понял социальных и пластических достоинств блестяще поставленного Ю. Григоровичем балета А. Хачатуряна «Спартак», но вконец запутался в лишенных логики и знания мелких вкусовых оценках шедевра советской хореографии. Вот эта заданность и необъективность присуща тональности всего издания, она тем более прискорбна, что автор будто бы владеет словом, но, к несчастью, кардинальный умысел Гаевского — не замечать хорошее, выдающееся во всех советских балетах.

Вся энергия «исследования» Гаевского приложена к тому, чтобы вопреки здравому смыслу попытаться доказать, что нынешний советский балет, завоевавший мировое признание, несмотря на это не только не развил старые великие традиции классического танца, но растерял их и уже много лет деградирует, топчется на месте. Это уже не просчет, не недопонимание некоего искусствоведа, это просто неприкрытая ложь, рассчитанная либо на простаков, а скорее на неких изощренных любителей модернизма и всяческих изысков.

Гаевский не первый берется примеривать западные модные

течения к советскому искусству, призывая (правда, в завуалированной форме) к пересмотру всех в целом направлений советского балета. Когда-то таким попыткам дал резкий отпор крупный историк балета Ю. Слонимский, сказав, что «никакого «пересмотра» направления советского балета, его программы нет и быть не может». Пишущий о балете Гаевский не может не знать этого высказывания Ю. Слонимского. А неумеренные восхваления Гаевского в адрес Балanchina и Бежара односторонни и тенденциозны. Творчество этих балетмейстеров, их гастроли в нашей стране хорошо знакомы советским зрителям. Никто не отрицает то прогрессивное, что есть в этих работах. Но нельзя не замечать модернистских и формалистических тенденций, характерных для капиталистической культуры балета.

В книге Гаевского много и других уязвимых и спорных моментов. К примеру, модная на Западе теория губительного для людей «города-спрута» разработана им парадоксально — в связи с судьбами Нижинского, Фокина, Дягилева... Сложные отношения, связывавшие этих людей, непростую, порой трагическую их судьбу Гаевский, не мудрствуя лукаво, свел к одному простому знаменателю: «Пропагандируя и репетируя «новый балет», артисты дягилевской труппы жили ритмическими нормами XIX века. Их чувство ритма было патриархальным, что придавало им особую прелесть, неизъяснимый шарм. Они не были урбанистами. А это стало причиной трудностей, трагедий и катастроф. Нижинский попал в лечебницу, Фокин утратил пластический дар, да и сам Дягилев слишком рано надорвал свое назвавшееся несокрушимым здоровье. Западный город сбил им дыхание, лишил собственного ритма».

От рассмотрения же творческих, а главное, социальных проблем Гаевский здесь уходит.

Книга могла бы дать интересную тему для серьезного разговора о путях дальнейшего развития советского балетного театра. Но автор уходит от исследования состояния балетного театра, от объективной критики, тем самым подрывая доверие к себе.

Равнодушие автора книги к главным вопросам времени, критика ради критики, любование недостатками, неуважение к национальному искусству не могут не беспокоить, поскольку свидетельствуют — как ни горько это сказать — о невнимании именно к социальной стороне искусства.

В этой связи хочется напомнить слова Маяковского: «К сделанному литературному произведению отношусь, как к оружию».

В. Гаевский, увы, свое оружие сдал.

Галина ГОГОТИШВИЛИ

НА ПОЛОТНАХ — КОСМОС

В. СЕВАСТЬЯНОВ, летчик-космонавт СССР, дважды Герой Советского Союза

В 1959 году, когда советская автоматическая станция впервые сфотографировала обратную сторону Луны, в Москве, в Центральном Доме журналиста, состоялась первая в мире художественная выставка, специально составили картины и рисунки Андрея Соколова.

Андрей Соколов — профессиональный архитектор и, хотя занялся живописью, не изменил своей первой специальности. На его картинах — космические поселения будущего. Их создала фантазия художника и градостроителя, основанная на вполне реальных научных прогнозах и результатах социологических исследований.

У художника есть целый ряд интерес-

ных предложений по практическому освоению космического пространства и планет. Многие из этих предложений заслуживают самого серьезного внимания ученых.

Произведения лауреата премии Ленинского комсомола заслуженного деятеля искусств РСФСР Андрея Константиновича Соколова показывались на многих отечественных и зарубежных выставках, репродуцировались в альбомах, выходивших в издательствах «Молодая гвардия» и «Изобразительное искусство», выпускались в виде открыток и марок масовыми тиражами. Они обошли всю мировую прессу. Сейчас А. Соколов вместе со своим другом и коллегой по творчеству летчиком-космонавтом СССР А. Леоновым завершают работу над триптихом «Пролетая над Алтаем», который будет показан на художественной выставке «Люди и нивы Алтая».

В эти дни художнику исполняется пятьдесят лет. Это возраст, когда уже накоплен большой жизненный и творческий опыт, позволяющий ставить и решать сложные задачи, а сердце молодо и вновь зовет к открытию мира, в необозримые дали космоса.

Фото А. Кулешова

В ХОРЕ ТОЛЬКО КЕНАРИ

Э. ЗВОНЦКИЙ

В вестибюле Харьковского театра кукол имени Н. К. Крупской на небольшом столике — несколько изящных клеток с канарейками.

Звучит первый звонок перед началом спектакля.

— Уважаемые товарищи! — говорит распорядитель. — Приглашаем вас на концерт единственного в мире хора канарей.

Полилась тихая мелодия. На ее фоне слышится нежное посвящение птиц, которые безошибочно следуют музыке. Каждый из маленьких певцов уверенно исполняет свою партию и в нужный момент подхватывает песенную эстафету. Этим необычным хором управляет худощавый человек с дирижерской палочкой.

Свыше двух тысяч концертов дал со своими питомцами харьковчанин Федор Александрович Фоменко. В репертуаре ансамбля канарей более тридцати произведений русской, советской и зарубежной музыки. Среди них вальсы «Амурские волны» и штраусовский «Весенние голоса», танцы «Яблочко» и «Чардаш», песня «Полюшко-поле», романс Алябьева «Соловей» и даже «Лунная соната» Бетховена.

— Как же вы учите птиц так хорошо петь? — спросил я у Федора Александровича после концерта.

— Птенцов трехмесячного возраста я распределяю по голосам: сопрано, альты, тенора, баритоны, басы. Те, кто поет в одинаковой тональности, попадают в клетки, расположенные по соседству, — рассказывает Ф. А. Фоменко. — В

роли педагогов выступают уже обученные птицы, как правило, поющие тенором. Постепенно молодые перенимают опыт старших, овладевает искусством пения.

Все оборудование птичьей консерватории в доме у Фоменко, где обитают свыше семидесяти голосистых жильцов, сделано руками самого Федора Александровича. Жизнь этого необычного учебного заведения подчиняется строгому распорядку. Ровно в шесть утра начинается трудовой день. На протяжении трех часов электромагнитное реле периодически включает музыку, которая сменяется интервалами тишины. «Урок» длится до девяти, когда хозяева уходят на работу. А вечером утренняя программа повторяется. И так каждый день.

С чего же началось это увлечение Федора Александровича? В юности он прочитал книгу И. К. Шамова «Певчие птицы», изданную в 1908 году в Санкт-Петербурге. Из нее узнал, что в Германии открыта специальная музыкальная школа для канареек. А разведением птиц Фоменко увлекся по окончании института, уже став школьным учителем. Перед войной было у него три десятка канареек.

Летом 1941 года Фоменко ушел на фронт, воевал в составе противотанковых войск. Был награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны 2-й степени. После тяжелого ранения в руку в марте 1944 года вернулся в Харьков. Город лежал в руинах. С вокзала — домой, где он оставил свою мать. Вошел. Старенькая, седая, сгорбленная, она возилась у печи. Услышав скрип половиц, разогнулась, с недоумением глядя на бордатого человека в армейской шинели, спросила:

— Вам что нужно, товарищ?
— Да ведь это я, твой Федор! — шагнул он навстречу.
Она тихонько охнула, обняла сына...

Меньше всего Фоменко ожидал увидеть живыми своих канареек.
— Как же ты их сохранила, чем кормила во время голода? — спросил он у матери.

— Оставалось ведь немного канареечного семени, подкармливала крошками, овсянкой, собирала семена сорных трав.

После войны Фоменко всерьез взялся за книги по биологии. Он узнал, что канареек относят к группе пересмешников — птиц, которые свои песни создают путем подражания голосам различных видов птиц и другим звукам. Биологический смысл пересмешничания в том, что подобные птицы-самцы благодаря способности легко копировать чужие голоса обладают большим диапазоном разнообразных звуков, это помогает самцу выделиться из огромного количества птиц и стать более заметным для самки.

На одной из выставок Фоменко познакомился с любителем-птицеводом из Симферополя П. Г. Болтоусовым. Рассказал ему о своей мечте создать хор канареек. Тот подарил Федору Александровичу самца, обладающего хорошим голосом. Затем удалось приобрести пару для этого канарей. Вскоре в доме у Фоменко появились первые птенцы. Однако лишь два из них переняли музыкальный дар отца. Следующий выводок прибавил в состав хора еще трех одаренных канарей. Так путем долгого подбора и селекции Фоменко вывел группу птиц, которые могли запоминать, а затем и точно воспроизводить мелодии сложных музыкальных произведений. Фоменко понял, что их исполнение не под силу одной птице. Каждая из них насвистывает только одну музыкальную фразу: когда замолкает одна, тотчас вступает со своей партией другая.

Тем не менее даже самых одаренных птиц обучить слаженному пению было очень трудно. Несколько лет ушло на то, чтобы подобрать участников ансамбля по тембру пения, добиться их четкого взаимодействия.

Постепенно хор канарей брал одну высоту за другой. Послушать необычных исполнителей стали заходить к Федору Александровичу соседи, знакомые, ученики.

Однажды в его доме побывал народный артист СССР Сергей Образцов, восхитился, стал укорять Фоменко, что тот эдакое чудо у себя дома держит, и познакомил его с главным режиссером Харьковского кукольного театра В. А. Афанасьевым.

...Вот уже десять лет Фоменко выступает там со своим хором, выезжал с ним в Москву, Киев.

На почетном месте в его квартире висят диплом первой степени и золотая медаль, врученные ему в память о выступлениях перед делегатами Международной выставки птицеводства. Барельеф с изображением артистов-кукольников средневековья — награда за концерты во время Всемирного фестиваля кукольных театров. Грамоты

и медали ВДНХ СССР. Здесь летом 1980 года неутомимый Фоменко дал 54 концерта для гостей Олимпиады-80. На огромной бутафорской морковке надпись: «Ансамблю канарей от новогоднего «Голубого огонька». Этот сувенир вручил Федору Александровичу народный артист СССР Николай Сличенко в память об одном из выступлений на Центральном телевидении. А недавно на экраны страны вышел короткометражный фильм «Федор Александрович и канарейки», снятый на Центральной студии документальных фильмов.

Хорошо знакомы с птичьим ансамблем харьковчане. Федор Александрович — частый гость в школах, пионерских лагерях, в санаториях, на базах отдыха молодежи. Энтузиаста слушали рабочие тракторного, авиационного заводов.

Запись с голосами птиц Фоменко отослал недавно в город Сочи главному врачу санатория «Белоруссия» Ю. А. Мерзлякову. Вскоре оттуда пришло сообщение о благо-

Ф. А. Фоменко.

приятном воздействии этих звуков на проведение сеансов лечебного гипноза.

А вот и отзыв ученого, доктора биологических наук, профессора И. Волчанецкого:

«Неизгладимое впечатление произвел концерт канареек, который я слышал несколько раз. И ведь это не просто дикий курьез, а прекрасная иллюстрация способностей певчих птиц, которые обладают подлинной музыкальностью, чувством ритма, отличным слухом и даже способностями придавать смысловые оттенки выразительному пению. Указанная работа никак не забава чудачка, как это кое-кто склонен думать, а серьезный труд экспериментатора. Результаты его исследований достойны самого серьезного научного внимания и обработки».

Из песни строку не выкинешь,
но можно выкинуть всю песню.

На многих женщинах сейчас
столько золота, что говорить о их
равенстве с мужчинами просто
смешно.

Значительно спокойнее для нервной
системы, когда ваши достоинства
выглядят недостатками.

Личные библиотеки в основном
составлены из книг, которые некогда
прочтешь.

Он не стоит на месте. Он на
нем сидит.

Плоские шутки, очевидно, занимают
меньше места, поэтому их
в голове помещается значительно
больше.

Юрий ВОИТЕЛЕВ

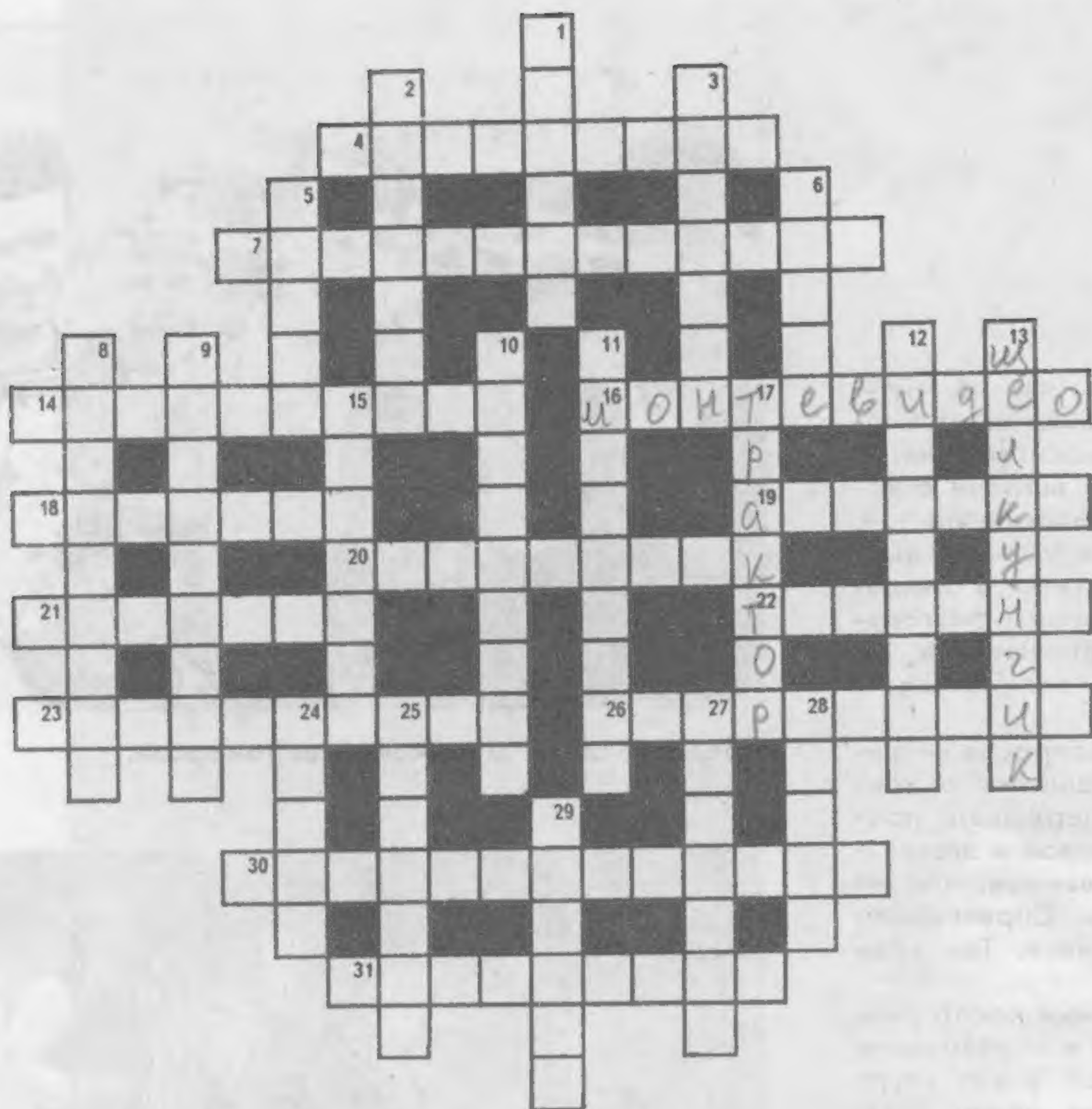
Скажи, что ты думаешь обо мне,
и я скажу, кто ты.

Когда замерзает совесть, греют
руки.

Сергей БЕЛОУСОВ

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Так
выглядит улица из новых домов в поселке Новые
Подосинки Дмитровского района Московской области
* Семья работника совхоза «Борец» И. А. Шу-
ликова в одной из комнат нового дома. (См. в но-
мере материал «Деревня окнами в будущее».)
Фото В. Шеффера

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖ-
КИ: В лаборатории зимостойкости * Директор Ин-
ститута физиологии растений академик А. Л.
Курсанов * Фантастический урожай помидоров —
27 килограммов с квадратного метра — получен за
65 дней, считая с момента посева семян * Аспи-
рант лаборатории фотосинтеза Андрей Куманов.
Как повлияет на всходы ячменя синяя и красная
область спектра? * В этой камере «воспитываются»
стерильные культуры — выращивают полноценные
растения буквально из нескольких клеток, сре-
занных с растения-донора. (См. в номере материал
«Полигон для растений».)
Фото И. Гаврилова

КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Руководство постановкой спектакля, фильма. 7. Персонаж пьесы В. В. Маяковского «Баня». 14. Кормовой знак. 16. Столица Уругвая. 18. Рассказ М. Горького. 19. Южноамериканское домашнее животное рода лам. 20. Вечнозеленый кустарник семейства вересковых. 21. Горы на полуострове Мангышлак. 22. Система упражнений для лошади в конном спорте. 23. Начальные буквы имени, фамилии в виде вензеля. 26. Одна из островных групп в Океании. 30. Устройство для определения направления на Солнце, применяемое в навигации. 31. Птица, обитающая в лугах.

По вертикали: 1. Рассказ А. П. Чехова. 2. Действующее лицо романа А. И. Герцена «Кто виноват?». 3. Приток Волги. 5. Вокальное искусство. 6. Французский живописец и график XIX века. 8. Писатель. 9. Дирижер, народный артист СССР. 10. Соленое озеро в Астраханской области. 11. Сплав ртути с металлами. 12. Специальное медицинское учреждение. 13. Балет П. И. Чайковского. 15. Город в Татарской АССР. 17. Самоходная машина на гусеничном или колесном ходу. 24. Рыба, обитающая в бассейне Амура и реках Приморья. 25. Народный поэт Киргизии. 27. Грузинский народный танец. 28. Парнокопытное животное с ветвистыми рогами. 29. Русская мера длины.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 39

По горизонтали: 1. Молибден. 5. Синисало. 8. «Продкомиссар». 9. Байдарка. 10. Егоровна. 12. «Володя». 14. Шишкин. 16. Ширшов. 17. Ария. 18. Сайра. 19. Полюс. 21. Ватт. 24. Пахота. 25. Алиева. 26. Цемент. 29. Введение. 30. Объектив. 31. Искандеркуль. 32. Фантазия. 33. Меркуров.

По вертикали: 2. Одуванчик. 3. Вархат. 4. Нукуалофа. 5. Стипендия. 6. Иматра. 7. Ломоносов. 11. Экватор. 13. Артюхин. 15. Нерпа. 16. Школа. 20. Каравайка. 21. Вселенная. 22. Танкодром. 23. Звенигово. 27. Шексна. 28. Кеклик.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 14.09.81. Подписано к печати 29.09.81. А 00435. Формат 70 × 108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 810 000 экз. Изд. № 2322. Заказ № 1158.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, Москва, А-137, ГСП, улица «Правды», 24.

О. ПЕТРИЧЕНКО,

фото В. ГЕНДЕ-РОТЕ

3

знаменитый парижский зал «Олимпия» видел много триумфов, но этот был особенным. «Дочка шахтера северной Франции — звезда «Олимпии»!», «Цветонок, взошедший из пепла войны».

Заголовки газет интриговали публику, а репортеры уже спешили в маленький городок Нуазель-су-Ланс, чтобы рассказать об удивительной судьбе женщины, покорившей Париж, и за несколько часов буквально перевернули весь город. Разыскиали улицу, где она выросла, и школу, в которой начинала учиться; нашли могилы отца и старшего брата на местном кладбище; замучили расспросами мэра, 80-летнего мсье Галле, хорошо помнившего и ее, и родителей.

«Не думал, что шахтерская девочка, родившаяся в моем родном поселке, придет, чтобы протянуть нам руку в знак советско-французской дружбы», — сказал растроганный мсье Галле, вручая почетной гостье копию метрики о рождении.

Что чувствовала она тогда? Гордость? Безусловно! Ей довелось стать первой и пока единственной советской певицей, дважды приглашенной на знаменитую сцену.

И все же основной в палитре настроения была краска печали. Слишком многое всколыхнуло в душе то нечаянное прикосновение к прошлому... «Где-то есть город, тихий, как сон...» Нежные крылья песни часто возвращали ее сюда, но, видно, и в самом деле невозможно купить билет в страну своего детства. Оказались коротенькими улицы, представлявшие бесконечными; стали ниже деревья, упиравшиеся когда-то в самое небо; и свежей болью полоснули по сердцу два дорогих холмика на тихом католическом кладбище.

Отец, гонимый нуждой из нищей Польши, подростком приехал на заработки во Францию. Встретил здесь свою землячку — юную сортировщицу угля на той же шахте, где работал сам. Они стали мужем и женой. А вскоре он умер. Еще быстрее сырой забой погубил старшего брата... Закон в шахтерском городке хозяева установили жестокий: если рабочий утром не выходил на свое место, к вечеру — независимо от причин — его семья оказывалась на улице... Ради куска хлеба для матери и маленькой сестренки, ради крыши над головой четырнадцатилетний мальчик спустился под землю на следующий же день после похорон отца. И продержался три года, пока и его не скопил скоротечный туберкулез.

Потом война. Грязно-зеленые мундиры ок-

«Голубой огонек» 1964 года.

купантов; темные колонны измученных людей, согнанных на подземную каторгу со всех концов Европы...

К своему первому выступлению она готовилась в бомбоубежище. Учительница тайком разучивала «Марсельезу» со своими юными воспитанниками. Тяжелые своды подвала глушили песню, и все же настал счастливый день, когда вольной, звонкой птицей взлетела она над закопченными черепицами крыш и была подхвачена на многих языках мира...

В 1946 году вместе с матерью она вернулась в Польшу. С отличием окончила лицей. И совершенно неожиданно для себя получила направление на учебу в Ленинградский университет. Так француженка польского происхождения стала советской студенткой. И вот с этого момента — с хора польского землячества, самодеятельного консерваторского ансамбля «Дружба» — принято начинать «эстрадную» биографию Эдиты Пьехи.

Полагаю, что это неверно. Талант ее воспитан, выстрадан детством. И неудивительно, что свою творческую биографию сама она ведет с той незабываемой «Марсельезы».

В репертуаре Пьехи нет песен случайных.

— Однажды радиостанция «Юность» пригласила меня совершить поездку по студенческим строительным отрядам, — рассказывает Эдита Станиславовна. — По дороге в Лукоянов, Горьковской области, наша машина вдруг свернула с шоссе и остановилась у маленького сельского кладбища рабочего поселка Шатки, где, как оказалось, лежит моя землячка Таня Савичева, девочка, чей блокадный дневник — девять лаконичных, но страшных своей горькой правдой страничек из записной книжки — стал на Нюрнбергском процессе одним из самых сильных обвинительных документов против фашизма. Я была потрясена этой внезапной встречей. С собой у нас не было даже цветов. Но я дала слово, что обязательно вернусь сюда еще раз...

Встреча эта состоялась через год. Пьеха приехала специально, чтобы исполнить «Песню о Тане Савичевой», написанную по ее просьбе молдавским композитором Е. Догой на слова ленинградского поэта В. Гина.

Люди не только из поселка, но из многих окрестных деревень собрались на огромной поляне, которая стала вдруг тесной. Там и проходил этот необычный концерт-реквием, концерт-благодарность... В годы войны горьковская земля приютила тысячи ленинградских ребятишек, вывезенных сюда из осажденного города. И потому самые почетные места в первых рядах были выделены тем, кто выхаживал маленьких блокадников; тем, кто уже много лет спустя взял на себя немалый труд восстановить трагическую историю Таниной жизни.

«Моя землячка, Савичева Таня, прости, что не пришла к тебе с цветами, не знала, что тебя я встречу здесь, где справа — лес и слева — лес. И эти строки на твоей могиле меня огнем блокады опалили...»

Исполнив эту песню, Эдита обратилась к собравшимся с предложением начать сбор средств на строительство в Шатках памятника Тане Савичевой и всем детям войны, разделившим ее судьбу... Первым же вкладом стал сбор от ее концерта. А сама инициатива была горячо подхвачена молодежью, всеми жителями Горьковской области, организовавшими специальный фонд. Средства в него поступали и из других городов — от людей, узнавших историю необычной песни.

История эта характерна для Пьехи. Однажды, готовясь к концерту, который был посвящен юбилею снятия ленинградской блокады, Эдита увидела на асфальте брошенный кем-то кусок хлеба. И уже через два дня выразила свое отношение к подобному кощунству «Балладой о хлебе»... Слушая балладу, ленинградцы не скрывают слез. Вот такие биографии у песен

Эдиты Пьехи. Их не выдумаешь, как не выдумаешь жизнь. И уже не отделишь их от биографии самой артистки. Она относится к числу редких, увы, на эстраде людей, встречи с которыми доставляют радость, аналогичную той, что испытываешь от общения с умным собеседником. Не грохот модных ритмов, а ожидание доверительного и откровенного разговора — через песню — привлекает нас на ее концерты. И мы никогда не ошибаемся в ожиданиях.

У нее очень большая почта. Вопросов — тысячи. Женщины нередко спрашивают о том, как удается ей постоянно поддерживать прекрасную форму, выглядеть молодой и элегантной. Не случайно останавливаемся мы на чисто внешнем облике певицы. Справедливо замечено: «Человек — это стиль». Так ведь стиль — во всем!..

Как же не хватает этой гармонии некоторым нашим ВИА, их солистам. Вроде и образование есть, и талантом бог не обидел, а вот вкуса не дал. Неряшливое исполнение режет слух, аляповатые костюмы — глаз. А ведь аудитории-то подчас тысячи. И, случается, по молодости кое-кто воспринимает всю эту безвкусицу за образец.

— На всю жизнь запомнились мне напутственные слова директора нашего лицея, — говорит Эдита Станиславовна. — Землянику можно подать человеку на грязной ладони, а можно на чистом блюде. И разница во вкусе будет очень большая. То же и с песней: очень многое зависит от того, как она подана. Кошунственно танцевать в ресторане под гамзатовские «Журавли».

Все это от неуважения людей, взявших на себя смелость выйти на эстраду, к собственной работе. Смелость есть, а ответственности мало. Правда, иногда утверждают, что вкус — как ум. Есть — значит, есть! А нет — значит, уже и не будет... Неверно это! Воспитывать вкус нужно прежде всего требовательностью. Не допускать на сцену людей случайных. И тем более дельцов.

Требовательность к себе, как уже отмечалось, — основное в характере самой Пьехи. Ее следствием было удивившее многих — и тяжело давшееся ей самой — расставание с «Дружкой». Но она явно переросла рамки обычной солистки. Да и творческие устремления ее все больше расходились с замыслами руководителя этого ансамбля. Понадобилось немало смелости, чтобы вот так, в зените славы, начать все заново, взвалить на себя массу дополнительных забот, связанных с организацией и руководством коллективом под управлением дирижера Григория Клеймица.

Что ж, скажем спасибо этому характеру за мужество. Спасибо за ежегодные, продолжающиеся по 8—9 месяцев гастрольные во все уголки страны.

Спасибо этому характеру за «Огромное небо», «Никогда», «Завтра», «Балладу о старом рояле»... За неизменную творческую юность, убедительным подтверждением которой стали, в частности, регулярно проводимые ленинградской комсомольской газетой «Смена» и обращенные к зрителям опросы, определяющие лучших исполнителей сезона. Эти опросы — достаточно объективный показатель популярности у молодежной аудитории. Вновь Пьеха в канун 25-летнего юбилея своей работы на эстраде успешно выдержала конкуренцию с ведущими звездами мира и заняла одно из первых мест по итогам этих своеобразных конкурсов...

Не помню, где встретились, но поразили точностью и запомнились строки:

Артист обязан быть народным,
Иначе он плохой артист...

Истинная, заслуженная народность присуща кавалеру ордена Дружбы народов, народной артистке РСФСР Эдите Станиславовне Пьехе.

Среди военных моряков Североморска.

Репетиция ансамбля под управлением Г. Клеймица.

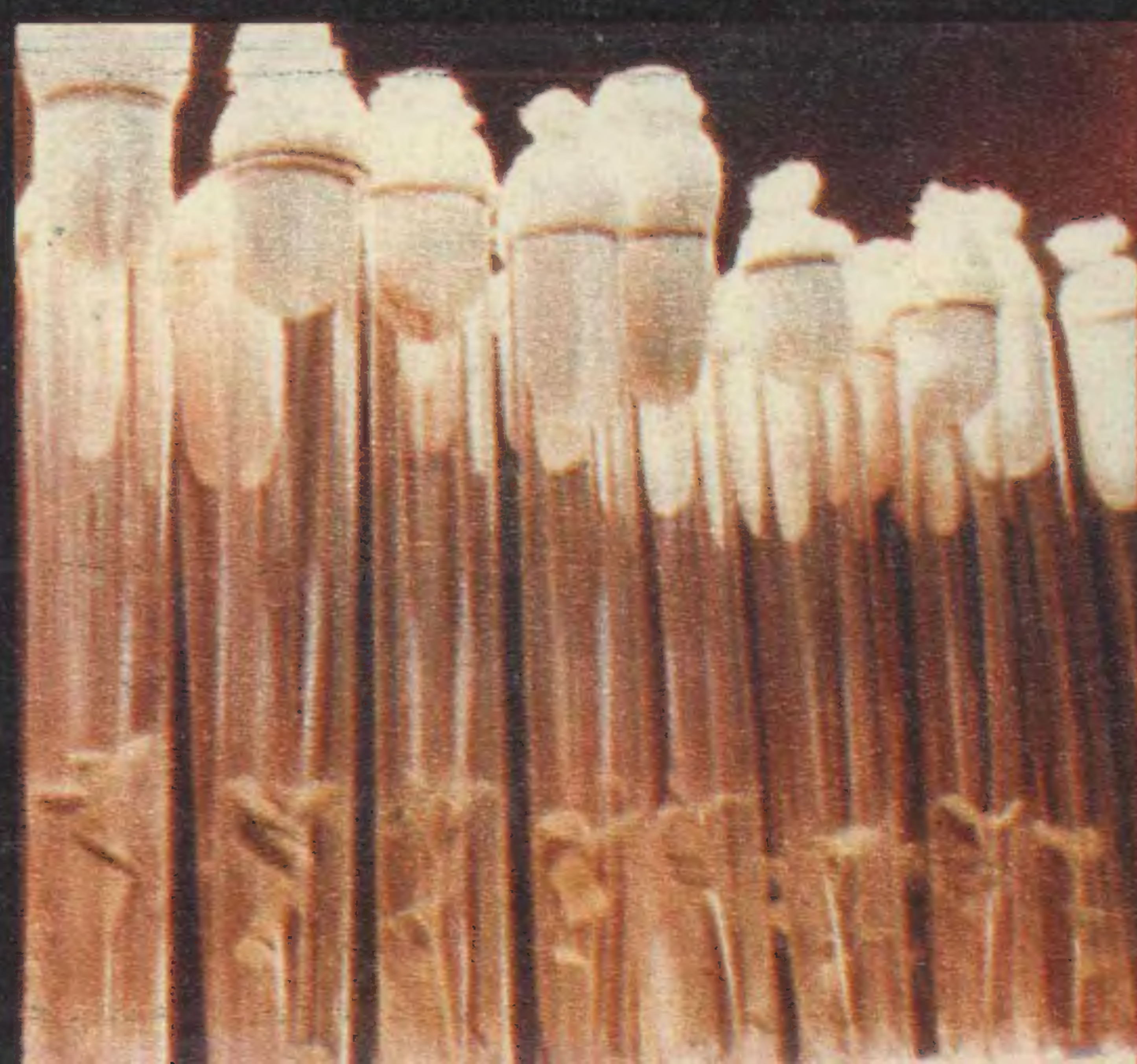
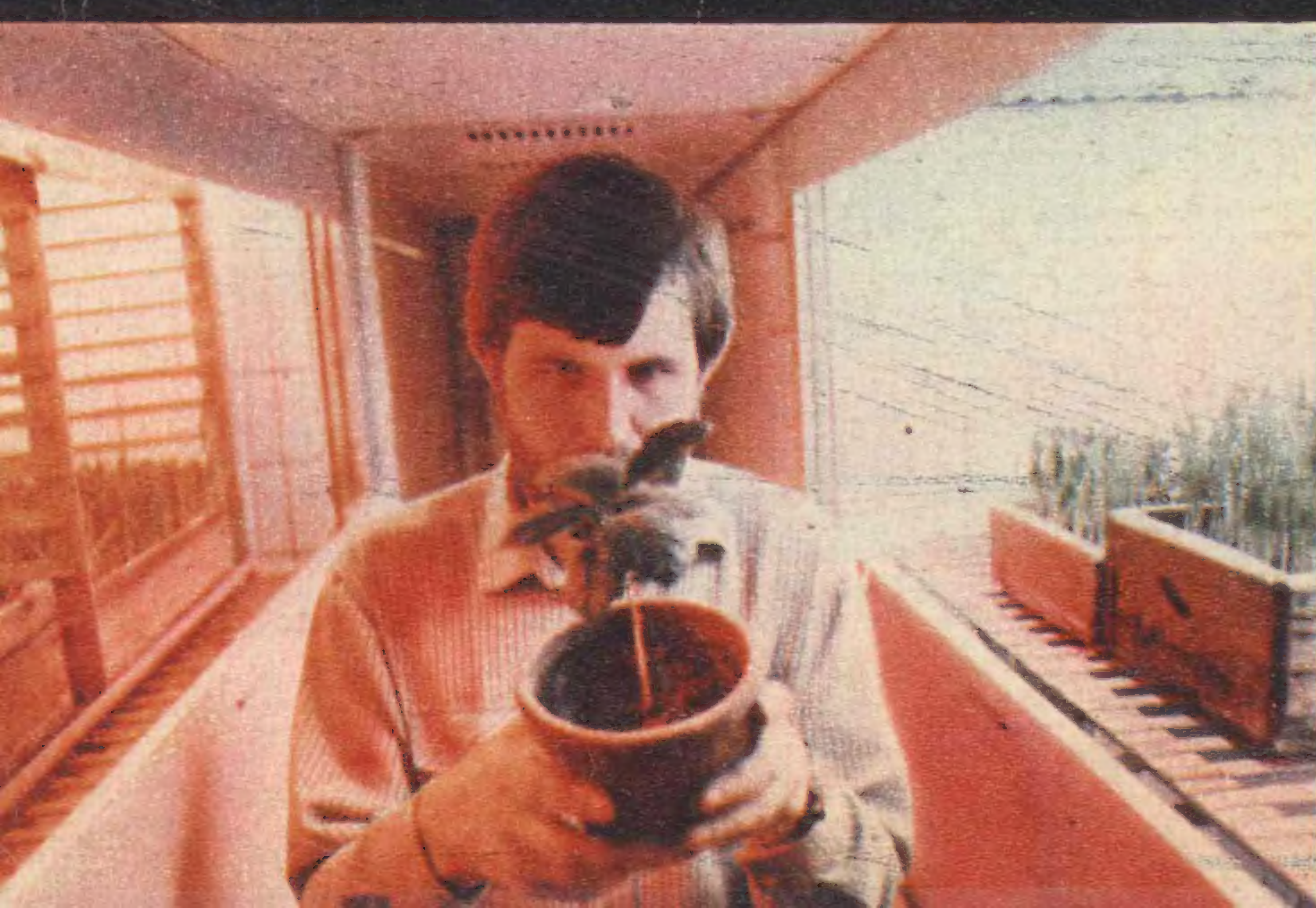

Узбекистан. Приходится еще и танцевать!

Когда дочь Илонка была еще маленькой...

ISSN 0131-0097
Цена номера 35 коп.
Индекс 70663